

1925 г.

В. Х. ДАВАТЦЪ
и
Н. Н. ЛЬВОВЪ.

14

РУССКАЯ АРМІЯ НА ЧУЖБИНѢ.

БѢЛГРАДЪ.
1923.

„Для выполненія долга передъ Арміей и населеніемъ сдѣлано все, что въ предѣлахъ силъ человѣческихъ.

Дальнѣйшіе наши пути полны неизвѣстности.

Другой земли, кромѣ Крыма, у насъ нѣтъ. Нѣтъ и государственной казны. Откровенно, какъ всегда, предупреждаю всѣхъ о томъ, что ихъ ожидаетъ.

Да ниспошлетъ Господь всѣмъ силы и разума одолѣть и пережить русское лихолѣтіе".

(Изъ приказа Генерала Вран еля отъ 29 Октября 1920 г.)

В. Х. Даватцъ и Н. Н. Львовъ

Русская армія на чужбинѣ

БѢЛГРАДЪ
РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1923

I ЧАСТЬ.

Генералъ Шиллингъ

1.

2 апрѣля 1920 года Верховный Комиссаръ Великобританіи въ Константинополѣ получилъ отъ своего правительства предложеніе сдѣлать генералу Деникину слѣдующее заявленіе:

„Верховный Совѣтъ держится того взгляда, что продолженіе гражданской войны въ Россіи вызываетъ наибольшую тревогу при современномъ положеніи Европы. Правительство Великобританіи желаетъ представить на усмотрѣніе генерала Деникина, насколько для него было бы полезно въ настоящемъ положеніи, чтобы было сдѣлано предложеніе Совѣтскому Правительству о дарованіи амнистіи, какъ вообще для населенія Крыма, такъ и для личнаго состава Добровольческой арміи въ частности. Проникнутое убѣжденіемъ, что прекращеніе неравной борьбы было бы наиболѣе важно для Россіи, Великобританское Правительство, получивъ согласіе генерала Деникина, взяло бы на себя веденіе переговоровъ и готово оказать генералу Деникину и его ближайшимъ сотрудникамъ гостепріимный пріютъ въ Великобританіи.

Британское Правительство, оказавшее въ прошломъ въ широкихъ размѣрахъ помощь, благодаря которой только и возможно было продолженіе борьбы до сего времени, по справедливости расчитываетъ, что предложеніе его будетъ принято. Если бы, тѣмъ не менѣе, генералъ Деникинъ его отклонилъ, и рѣшилъ бы продолжать явно безнадежную борьбу, то Британское Правительство сложило бы съ себя всякую отвѣтственность и прекратило бы разъ навсегда оказывать ему какую бы то ни было поддержку".

Нота эта, направленная генералу Деникину, уже не застала его на посту главнокомандующаго и была вручена его преемнику, генералу Врангелю.

Остатки Добровольческой арміи, высадившейся въ Крыму, представляли собою массу, расшатанную въ своей организаціи и дисциплинѣ, надорванную рядомъ неудачъ въ теченіе зимняго отступленія отъ Орла до Новороссійска.

Военные запасы, артиллерійскіе склады — пришлось оставить при Новороссійской эвакуаціи. Конскаго состава почти совершенно не было.

Моральный упадокъ послѣ пережитыхъ потрясеній былъ чрезвычайный.

Это не была уже армія, а раздраженная и озлобленная толпа.

Жертвой слѣпыхъ ненавистей палъ начальникъ штаба главнокомандующаго, генералъ Романовскій, убитый въ комнатахъ русскаго посольства въ Константинополѣ.

Остатки русской арміи были прижаты на Крымскомъ полуостровѣ, гдѣ не хватало своего продовольствія, не было угля и не хватало людей для пополненія порѣдѣвшихъ рядовъ арміи.

И ко всему этому, ультимативное требованіе со стороны Великобританіи о прекращеніи борьбы и угроза въ противномъ случаѣ отказать въ какой либо поддержкѣ.

Вотъ въ какихъ условіяхъ пришлось генералу Врангелю принять главное командованіе надъ арміей и взять на себя всю тяжесть отвѣтственности за завершеніе той борьбы, которая въ теченіи уже трехъ лѣтъ велась за спасеніе Россіи.

Принимая депутацію общественныхъ представителей, генералъ Врангель сказалъ: „Вы знаете объ ультиматумѣ Англіи, предъявленномъ мнѣ; знаете въ какомъ положеніи находится наша армія. Многаго я обѣщать Вамъ не могу. Обѣщаю лишь одно — я выведу васъ съ честью изъ тяжелаго положенія, въ которомъ мы находимся".

Великобританскому правительству генералъ Врангель послалъ слѣдующій отвѣтъ: „По приказу генерала Деникина я назначенъ главнокомандующимъ вооруженными силами на Югѣ Россіи. Категорическое требованіе Британскаго Правительства прекратить борьбу ставитъ мою армію въ невозможность продолжать ее. Возлагая на Британское Правительство всю нравственную отвѣтственность за принятое рѣшеніе, и не допуская абсолютно возможности вести прямые переговоры съ противникомъ, я оставляю участь арміи, флота и всего населенія занятой территоріи, а также и всѣхъ тѣхъ, которые приняли участіе въ борьбѣ вмѣстѣ съ нами, справедливому рѣшенію Британскаго Правительства. Я полагаю, что долгъ чести тѣхъ, которые въ самый критическій моментъ лишили поддержки армію Южной Россіи, непреклонно остававшейся вѣрной общему дѣлу союзниковъ, накладываетъ на нихъ обязанность принять всѣ мѣры для того, чтобы гарантировать неприкосновенность всѣхъ тѣхъ, кто входитъ въ составъ арміи, населенія занятыхъ областей, а также и бѣженцевъ, которые желали-бы вернуться въ Россію и всѣхъ тѣхъ, которые боролись противъ большевиковъ и находятся сейчасъ въ тюрьмахъ Совѣтской Россіи. Я имѣю право требовать отъ моихъ подчиненныхъ жертвовать жизнью для спасенія отечества, но я не могу заставить тѣхъ, которые считаютъ для себя постыднымъ получить амнистію изъ рукъ враговъ, воспользоваться ею. Въ такихъ условіяхъ я нахожу необходимымъ, чтобы та возможность, которую Британское Правительство хочетъ предоставить главнокомандующему и его главнымъ сотрудникамъ найти убѣжище внѣ Россіи, была расширена въ той же мѣрѣ на всѣхъ тѣхъ, которые предпочли-бы покинуть свою родину скорѣе, чѣмъ искать пощады своихъ враговъ. Я готовъ согласиться на самыя тяжелыя условія существованія заграницей, что представило бы достаточную гарантію того, что только тѣ воспользуются этой возможностью, которымъ чувство не позволяетъ принять прощенія отъ врага. Понятно, что я прошу считать меня прежде всего въ числѣ вышеозначенныхъ лицъ".

6—19 апрѣля главнокомандующій былъ увѣдомленъ адмираломъ Сеймуромъ, что лордъ Керзонъ послалъ Чичерину въ субботу 17 апрѣля телеграмму: „Хотя вооруженныя силы на Югѣ Россіи и были разбиты, но нельзя допустить, чтобы онѣ были обречены на полную гибель и если-бы не послѣдовало немедленнаго отвѣта Чичерина, что онъ согласенъ на принятіе посредничества лорда Керзона и прекращеніе дальнѣйшаго наступленія на Югѣ, Британское Правительство было-бы вынуждено направить корабли для всѣхъ необходимыхъ дѣйствій, чтобы охранить армію въ Крыму и предупредить вторженіе совѣтскихъ силъ въ ту область, въ которой находятся вооруженныя силы Юга Россіи". Въ то же время получено было извѣстіе отъ генерала Манженъ, что французское правительство согласуетъ свои дѣйствія съ правительсвомъ Британіи для поддержанія генераля Врангеля, оказывая ему всю необходимую матеріальную поддержку, пока онъ не получитъ отъ Совѣтовъ условій перемирія, гарантирующихъ его арміи соотвѣтствующее положеніе.

Переговоры съ Чичеринымъ не привели, однако, къ желательнымъ результатамъ.

29 апрѣля 1920 г. лордъ Керзонъ просилъ передать слѣдующее заявленіе главнокомандующему русской арміи: „отвѣтъ, который мы получили отъ Чичерина, на наше предложеніе установить условія для арміи генерала Врангеля въ Крыму, не былъ до сихъ поръ удовлетворительнымъ. Вмѣсто того, чтобы выдвинуть условія совѣтовъ, какъ мы его объ этомъ спрашивали, Чичеринъ стремится добиться другихъ политическихъ уступокъ, которыя мы не можемъ ему предоставить. Такимъ образомъ, мы безсильны въ настоящій моментъ исполнить просьбу генералу Врангеля. Въ случаѣ, какъ это представляется всего вѣроятнѣе въ настоящее время, мы не могли-бы достигнуть для него необходимыхъ условій, единственный выходъ заключался бы въ томъ, чтобы онъ самъ ихъ осуществилъ. Продолженіе войны генераломъ Врангелемъ имѣло бы роковой исходъ и не могло бы быть поддержано нами никакой матеріальной помощью".

Британское правительство, начавъ съ угрозы посылки своего флота для воздѣйствія на совѣтское правительство, кончило тѣмъ, что, ничего не добившись отъ совѣтовъ, предложило генералу Врангелю начать самому непосредственные переговоры съ большевиками.

Было ясно, что правительство Великобританіи поставило себѣ задачей во что-бы то ни стало добиться прекращенія вооруженной борьбы на Югѣ Россіи, хотя бы цѣною гибели десятковъ тысячъ людей, входившихъ въ русскую армію.

Генералъ Врангель отказался подчиниться требованіямъ Британскаго Правительства.

И теперь, когда извѣстно, съ какимъ грубымъ насиліемъ генералъ Маршъ расправился съ правительствомъ и войсками генерала Юденича, и какъ была прекращена всякая возможность борьбы сѣверной арміи, можно легко представить себѣ, какая участь ожидала бы и крымскую армію, въ случаѣ подчиненія англійскимъ требованіямъ.

Для достиженія цѣли англійской политики не стоило останавливаться передъ средствами, хотя бы недостойными великой націи.

Въ отвѣтъ на англійскія предложенія генералъ Врангель отдалъ приказъ о наступленіи, и войска перешли за Перекопъ. Начались успѣшные для насъ бои за обладаніе Сѣверной Таврiей.

Выходъ изъ Крыма диктовался необходимостью расширить базу, гдѣ не хватало для людей продовольствія, а также и соображеніями стратегическими, чтобы предупредить концентрацію и готовившееся наступленіе на Перекопъ большевистскихъ силъ.

Войска, реорганизованныя и ободренныя, вновь оказались способными вести бой съ противникомъ и одерживать побѣды.

Для тѣхъ, кто пережилъ всѣ ужасы Новороссійской катастрофы, это оказалось сверхъестественнымъ.

Въ нѣсколько недѣль и слѣда не осталось отъ прежняго распада.

Это уже не была толпа, озлобленная, морально упавшая, внушавшая страхъ мирному населенію.

Какъ будто люди стали другими, и вновь бросилась въ бой прежняя отважная дружина, умѣвшая побѣждать во много разъ сильнѣйшаго врага, почти безоружная, кровью добывая себѣ оружіе и снаряды. Вновь воскресла угасшая надежда.

Ллойдъ Джорджъ въ палатѣ общинъ категорически заявилъ, что наступленіе Врангеля совершается безъ участія англійскаго правительства.

„Никакой помощи наступленію англичане не оказываютъ, и не отвѣтственны за все, могущее быть совершеннымъ генераломъ Врангелемъ".

Иное положеніе заняло французское правительство.

Отказавшись отъ всякаго участія въ русскихъ дѣлахъ послѣ злосчастной одесской эвакуаціи, Франція въ данное время вновь готова была оказать помощь русской арміи.

Главнокомандующій получилъ сообщеніе, что Французское Правительство относится отрицательно къ соглашенію съ большевиками и никакого давленія на сдачу Крыма не окажетъ, сочувствуетъ мысли удержаться въ Крыму и Таврiи и не будетъ участвовать ни въ какомъ посредничествѣ, если бы другіе его предприняли.

Такое расхожденіе между французскимъ правительствомъ и великобританскимъ вытекало изъ того, что въ вопросѣ о начавшейся войнѣ между Совѣтской Россіей и Польшей французское правительство, во главѣ котораго стоялъ Мильеранъ, рѣзко расходилось съ англійскимъ, руководимымъ Ллойдъ-Джорджемъ.

Политика Франціи была построена на созданіи сильнаго Польскаго государства, какъ оплота противъ Германіи и противъ вторженія красныхъ армій, угрожавшихъ Европѣ.

Когда польскія войска, послѣ временнаго успѣха стали быстро отступать, подъ натискомъ красныхъ армій, для правительства Франціи стало ясно, какая опасность угрожаетъ Европѣ.

Франція напрягала всѣ силы, чтобы спасти Варшаву.

На русскую армію французское правительство смотрѣло какъ на ту силу, которая въ тылу у большевиковъ должна отвлечь на себя красноармейскіе корпуса, которые могли бы ударить на польскій фронтъ.

Вотъ чѣмъ объясняется рѣзкое измѣненіе политики Франціи въ это время.

Въ одной изъ статей, помѣщенныхъ въ „Танъ“ послѣ крымской эвакуаціи, было сказано: „когда банды большевиковъ подошли къ Варшавѣ, угрожая не только молодому польскому государству, но и всей европейской цивилизаціи, Франція употребила всѣ усилія, чтобы спасти Польшу. Французское Правительство использовало два способа защиты противъ большевитской угрозы: генералъ Вейганъ былъ посланъ съ сотнями французскихъ офицеровъ для реорганизаціи польской арміи. Кромѣ того, Польша получила отъ Франціи значительную матеріальную поддержку. Вторымъ способомъ защиты Польши было созданіе угрозы большевитскому тылу, т. е. опора на антибольшевитскія силы подъ командованіемъ генерала Врангеля. Натискъ генерала Врангеля содѣйствовалъ спасенію Варшавы. Сопротивленіе большевиковъ было значительно ослаблено нападеньемъ бѣлыхъ на ихъ тылъ.

Мильеранъ, уже будучи президентомъ французской республики, открыто признался въ томъ, что поддержка, оказанная русской арміи, единственно объясняется необходимостью спасти Польшу.

Совсѣмъ иначе дѣйствовалъ Ллойдъ-Джорджъ.

Руководясь настроеніемъ англійскихъ рабочихъ массъ, требовавшихъ не только прекращенія всякой вооруженной борьбы противъ большевиковъ, но и признанія совѣтскаго правительства, Ллойдъ-Джорджъ уже вступилъ на путь сближенія съ совѣтами.

Это была политика безпринципная, политика сегодняшняго дня, стремившаяся путемъ соглашеній какъ нибудь выйти изъ создавшихся затрудненій.

Онъ предлагалъ посредничество Англіи на новой конференціи въ Лондонѣ для прекращенія русско-польской войны.

Русская армія оказалась въ узлѣ сложнѣйшихъ международныхъ отношеній, гдѣ для однихъ она являлась орудіемъ спасенія Польши, а для другихъ той антибольшевитской силой, которую нужно было во что-бы то ни стало ликвидировать.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ послѣдовало признаніе Франціей правительства Юга Россіи.

Два условія были поставлены для такого признанія со стороны Французскаго Правительства: подтвержденіе обязательства оплаты внѣшнихъ русскихъ долговъ, что нужно было для французскихъ держателей ренты, и заявленіе демократическихъ принциповъ, что нужно было для лѣвыхъ круговъ французскаго парламента.

Матеріальная помощь Франціи была весьма незначительна.

Правительство республики было скупо въ своихъ расходахъ.

Правда, оно начало переговоры съ представителями генерала Врангеля о снабженіи арміи и о заключеніи займа.

Но эти переговоры затянулись до момента катастрофы и не привели ни къ чему.

Весной 1920 года на пароходѣ „Ольга“ были отправлены запасы, состоявшіе изъ вещей, безполезныхъ для войны на сумму около 8 милл. франковъ, согласно договору, заключенному еще генераломъ Деникинымъ — и это все.

Но помощь, оказанная Франціей оффиціальнымъ признаніемъ, имѣла большое значеніе.

Благодаря только ей, армія имѣла возможность получить снабженіе изъ стараго русскаго запаса, разбросаннаго во всѣхъ частяхъ свѣта.

Только благодаря содѣйствію Франціи оказалось возможнымъ перевести это имущество на корабляхъ въ Крымъ.

Признаніе поддержало авторитетъ генерала Врангеля, и тѣмъ самымъ заставило подчиниться его авторитету и сплотиться вокругъ арміи русскіе общественные круги.

Но загладить роковую ошибку, совершенную въ 1918 году, когда Европа, сломивъ Германію, рѣшила, что Россіи уже не существуетъ, и что миръ долженъ быть заключенъ безъ нея, эту роковую ошибку уже исправить было нельзя.

* * *

Послѣ разгрома большевитскихъ армій подъ Варшавой, было заключено перемиріе, и насталъ критическій моментъ.

Было несомнѣнно, что большевики сосредоточатъ всѣ свои силы на Крымскомъ фронтѣ, и обрушатся на русскую армію, чтобы выместить свое пораженіе подъ Варшавой и вновь ободрить свои войска, упавшія духомъ, побѣдой въ Крыму.

Русская армія своею кровью участвовала въ спасеніи Варшавы, а спасеніе Варшавы означало спасеніе всей Европы. Трудно даже представить себѣ, какія роковыя послѣдствія были бы въ случаѣ торжества большевиковъ надъ Польшей.

Хотя русская армія являлась, такимъ образомъ, участницей огражденія Европы отъ страшнаго разгрома, тѣмъ не менѣе, при заключеніи перемирія между Польшей и Совѣтской Россіей, не было ни слова заявлено объ огражденіи Крыма отъ большевитскаго нашествія.

Русская армія была предоставлена собственной участи.

* * *

Послѣ тяжелыхъ боевъ въ Сѣверной Тавріи, при неожиданно наступившихъ суровыхъ морозахъ, армія перешла на перешеекъ и стала на Перекопѣ. Особыхъ волненій и опасеній извѣстія эти не вызвали въ населеніи. Отъѣзда изъ Севастополя не замѣчалось и жизнь продолжала течь своимъ нормальнымъ порядкомъ, когда внезапно былъ объявленъ приказъ Главнокомандующаго объ очищеніи Крыма.

Борьба въ Крыму началась и продолжалась въ тяжелыхъ усло-

віяхъ. Съ первыхъ же дней надъ дѣломъ обороны Крыма нависла возможность вынужденной эвакуаціи.

Генералъ Врангель писалъ русскому военному представителю въ Константинополѣ: „Готовясь къ продолженію борьбы и не теряя вѣры въ успѣхъ, дѣлаю все возможное, дабы въ случаѣ неудачи не быть застигнутымъ врасплохъ. И здѣсь прежде всего надо имѣть уголь и созданіе его запаса на случай эвакуаціи — моя задача.

Тоннажемъ мы сейчасъ обезпечены, планъ эвакуаціи разработанъ во всѣхъ деталяхъ, но угля пока еще недостаточно...

Подготовка на случай неудачи базы въ Сербіи необходима".

Еще въ самомъ началѣ крымскаго періода борьбы Русской арміи, былъ совершенно секретно разработанъ Штабомъ Главнокомандующаго совмѣстно съ командующимъ флотомъ планъ возможной эвакуаціи. Въ Черноморскомъ бассейнѣ долженъ былъ оставаться тоннажъ судовъ съ той цѣлью, чтобы всегда можно было обезпечить выполненіе плана. Право давать разрѣшенія на выходъ судовъ за проливы было сохранено лишь за командующимъ флотомъ. Весь потребный тоннажъ судовъ былъ распредѣленъ по портамъ, въ соотвѣтствіи съ тѣми соображеніями, по которымъ могли быть направляемы для посадки войсковыя части. Въ мѣстахъ посадки былъ образованъ неприкосновенный запасъ угля и машиннаго масла и опредѣленное количество продовольствія. Особыя суда были предназначены для вывоза больныхъ и раненныхъ.

Когда было принято рѣшеніе объ оставленіи Крыма, тотчасъ былъ данъ приказъ о сосредоточеніи судовъ въ портахъ, согласно выработанному плану. Принятое рѣшеніе держалось въ полномъ секретѣ и сосредоточеніе судовъ объяснялось предполагаемымъ десантомъ на Кубань и Одессу. Только полный секретъ обезпечивалъ успѣхъ всего предпріятія. Зналъ объ этомъ только Начальникъ Штаба и оба командующіе арміями, даже ближайшіе сотрудники Главнокомандующаго, какъ Кривошеинъ, не были извѣщены о принятомъ рѣшеніи.

29 октября Главнокомандующій получилъ согласіе Командующаго легкимъ дивизіономъ судовъ въ Черномъ морѣ контръ-адмирала Дюменилль прикрыть эвакуацію находящимися въ его распоряженіи судами и привлечь въ помощь французскіе транспорты и грузовые пароходы.

Принятое рѣшеніе было приведено въ исполненіе такимъ же рѣшительнымъ порядкомъ. Войска получили приказъ оторваться отъ противника и быстрыми переходами достигли указанныхъ имъ портовъ. Приказъ объ оставленіи Крыма всѣхъ поразилъ своей неожиданностью. Однако, не было замѣтно никакой паники, никакой особенной тревоги. Всю ночь готовились къ отъѣзду, укладывались и въ темныхъ улицахъ Севастополя, съ ранняго утра, начали передвигаться повозки и возлѣ домовъ видны были группы людей, суетливо накладывавшихъ свои поклажи. Посадка началась съ утра, все происходило въ порядкѣ. Не было замѣтно никакихъ сценъ отчаянія, никакихъ грубыхъ выходокъ со стороны населенія. Люди дѣлали свое

дѣло спокойно, не торопясь, увѣренные въ томъ, что такъ нужно, не охваченные страхомъ.

Незабываемыя, отвратительныя сцены, происходившія при эвакуаціи Одессы и Новороссійска, когда люди давили другъ друга, выбрасывали за бортъ, бросаясь спасаться на коробли, не повторились въ Севастополѣ. А между тѣмъ это была глубокая драма. Наступилъ конецъ трехъ лѣтъ напряженной борьбы, усилій и страданій, самоотверженныхъ подвиговъ, пораженій и новыхъ побѣдъ. Оставлялся послѣдній клочекъ русской земли. Люди отплывали отъ берега Севастополя и направлялись въ новый путь къ неизвѣстному будущему. Одни оставляли въ Крыму своихъ близкихъ, друзей, другіе родныхъ, — всѣ покидали родную землю и направлялись на чужбину.

Непроницаемая завѣса спускалась между берегомъ русской земли и уходящими кораблями. Что будетъ съ тѣми, кто остался и что ожидаетъ тѣхъ, кто отплывалъ къ другимъ берегамъ?

Но ни слезъ, ни сценъ отчаянія не было видно. Общее настроеніе было сосредоточенно и серьезное. Главнокомандующій появлялся на улицахъ среди толпы, и его бодрый, какъ всегда видъ, его увѣренныя и спокойныя слова, внушали всѣмъ такую же бодрость. Рабочіе Севастополя, распропагандированные большевитской пропагандой, въ это время не позволили себѣ никакихъ грубыхъ выступленій. Это не было какъ въ Одессѣ, гдѣ рабочіе умышленно портили котлы пароходовъ, отказывались грузить уголь, избивали и грабили отъѣзжающихъ. Въ Севаспополѣ напротивъ ребочіе, грузчики и лодочники усердно помогали нагрузкѣ судовъ, перевозили людей на пароходы и не было съ ихъ стороны никакихъ проявленій озлобленности противъ уходящихъ. А когда генералъ Врангель, оставшись послѣднимъ, сѣлъ на катеръ и отплылъ отъ пристани, среди собравшейся толпы раздались крики ура.

Въ томъ же порядкѣ происходила посадка на суда и въ другихъ портахъ Крыма: въ Евпаторіи, Ялтѣ и Керчи. Только въ Феодосіи, благодаря неумѣлости генерала Фостикова, часть терцевъ и кубанцевъ, прибывшихъ туда на погрузку, осталась на берегу. Донцы отошли къ Керчи и погрузились вмѣстѣ съ своимъ Донскимъ корпусомъ, а нѣсколько сотъ терцевъ осталось въ Крыму и ушло въ горы. Труднѣйшая эвакуація арміи, подъ давленіемъ превосходнаго во много разъ численностью непріятеля, планомѣрно выполненная по заранѣе составленному плану, съ посадкой въ разныхъ портахъ, вполнѣ удалась. Съ 31 октября по 3 ноября изъ портовъ Крымскаго полуострова вышло 126 судовъ разной величены, которыя приняли на себя до 136 тысячъ человѣкъ.

Многіе послѣ готовы были обвинять генерала Врангеля за то, что онъ оставилъ Крымъ. Защита Крыма представляла нелегкую задачу. Большевики сосредоточили на фронтѣ втрое больше количество войскъ,—70 тысячъ штыковъ и 25 тысячъ сабель, изъ которыхъ 10 тысячъ конницы Буденнаго, переведенной съ польскаго фронта. Наступившіе сильные морозы покрыли Сиваши льдомъ и

сдѣлали ихъ проходимыми для непріятеля. Пришлось растянуть линію обороны и использовать всѣ силы для расположенія длинной цѣпью на протяженіи болѣе, чѣмъ 60 верстъ. Въ запасѣ не оставалось уже необходимаго резерва для дѣйствія на случай прорыва позиціи. Послѣ отхода войскъ за Перекопъ, передъ генераломъ Врангелемъ встала дилемма, продолжать ли отчаянную борьбу, защищая Крымъ или тотчасъ и немедленно выполнить планъ эвакуаціи? Конечно, на перекопскихъ позиціяхъ можно было-бы держаться, хотя укрѣпленія эти и не были приведены въ такое состояніе, при которомъ приступъ ихъ былъ бы невозможенъ: не было ни тяжелыхъ орудій, ни прикрытій, ни блиндажей, защитникамъ приходилось мерзнуть при 15 градусахъ стужи, не было достаточно теплой одежды. Можно было продержаться мѣсяцъ — другой, можно было отбить приступъ непріятеля, хотя въ снарядахъ у насъ и былъ недостатокъ... При такой тяжелой обстановкѣ продолжать борьбу все съ новыми и новыми силами противника значило подвергать и армію и все населеніе Крыма — риску, что одинъ изъ этихъ приступовъ можетъ быть удаченъ для непріятеля, позиціи прорваны и тогда неизбѣжно наступила бы катастрофа. Эвакуацію нельзя было бы совершить. Съ арміей было бы кончено и всѣ 136 тысячъ человѣкъ подверглись бы всѣмъ тѣмъ ужасамъ, на которые способна мстительная жестокость большевиковъ. Для генерала Врангеля было бы легче, какъ военному, остаться со своей арміей и биться до конца, но онъ принялъ другое рѣшеніе и для принятія такого рѣшенія нужны были немалыя усилія надъ самимъ собой. Онъ принялъ всю тяжесть отвѣтственности на одного себя. По его приказу войска, готовыя еще сражаться съ врагомъ, отошли и сѣли на корабли.

Они сохранили свою боеспособность. Это не была разбитая армія. И то, что послѣ оставленія Крыма, авторитетъ Главнокомандующаго не пошатнулся, и что люди съ тѣмъ-же довѣріемъ продолжали относиться къ нему, показываетъ, что войска сумѣли понять своего Главнокомандующаго и признали правильностъ его рѣшенія.

Отходъ изъ Крыма не былъ катастрофой. Армія осталась цѣла.

2.

На рейдѣ Константинополя сосредоточилось до 126 русскихъ судовъ.

Здѣсь были и военные корабли, какъ крейсеръ „Корниловъ“, большіе пароходы пассажирскаго типа и маленькія суда самой различной вмѣстимости.

Вездѣ развѣвались русскіе флаги — андреевскій и бѣло-сине-красный.

Раздавалась русская команда, слышна была русская молитва на утренней и вечерней зарѣ, и громкое русское „ура“ неслось съ кораблей, когда они проходили мимо „Корнилова“, гдѣ на мостикѣ появлялся главнокомандующій русской арміей генералъ Врангель.

Такъ вотъ каково появленіе русскихъ въ Царьградѣ.

Многовѣковая исторія перевернута вверхъ дномъ.

Это тѣ русскіе, которые съ давнихъ временъ являлись угрозой съ сѣвера для Оттоманской имперіи, надеждой всѣхъ порабощенныхъ христіанскихъ народовъ Востока, тѣ, отцы и дѣды которыхъ появлялись на берегахъ Босфора, стояли подъ самыми стѣнами Константинополя въ Санъ-Стефано.

На городскихъ зданіяхъ развѣваются флаги всѣхъ народовъ-побѣдителей — Англіи, Франціи, Италіи, Греціи, Сербіи — нѣтъ только русскаго знамени.

Воды Босфора все также ровнымъ прибоемъ ложатся на старинныя стѣны и башни Византіи.

Съ кораблей виденъ по берегамъ Золотого Рога великолѣпный силуэтъ города, виденъ куполъ Святой Софіи.

Щемящее чувство охватываетъ, когда одну минуту задумываешься надъ тѣмъ, что случилось.

На Босфорѣ стоятъ англійскіе дреднауты съ гигантами пушками. По улицамъ проходятъ войска во французской, англійской, греческой формахъ, а русскіе, затерянные въ толпѣ, приравнены къ тѣмъ, кого чернокожіе разгоняютъ палками у воротъ международнаго бюро, ищутъ пріюта въ ночлежкахъ, пищи въ даровыхъ столовыхъ.

Великолѣпныя, съ колоннами, зданія дворца русскаго посольства на Перѣ — всѣ переполнены толпой бѣженцевъ, комнаты отведены подъ лазаретъ, и залы, видѣвшія прежнее великолѣпіе, съ портретами императоровъ на стѣнахъ, теперь превращены въ сплошной бивуакъ для прибывающихъ постояльцевъ.

Во дворѣ посольскаго зданія толпа въ дырявыхъ шинеляхъ съ женщинами и дѣтьми.

Кто эти люди?

Это тѣ, которые были не послѣдними въ старой Россіи, тѣ, которые руководили дѣлами, создавали культуру, богатство и могущество государства.

А военные?

Это тѣ, которые съ 14 года пошли на войну, исполняя свой воинскій долгъ, израненные въ бояхъ, теперь бездомные скитальцы, тѣ генералы, которымъ воздаются почести во всемъ мірѣ, національные герои, прославленные за свой подвигъ, это тѣ „неизвѣстные“, память которыхъ чтутъ всѣ народы, одержавшіе побѣду въ міровой войнѣ.

Здѣсь, въ переднихъ русскаго посольства они жмутся и ютятся у стѣнъ, ожидая, гдѣ найти себѣ пріютъ и помощь.

* * *

На первыхъ-же дняхъ по прибытіи въ Константинополь состоялось совѣщаніе на крейсерѣ „Вальдекъ Руссо“.

Въ этомъ совѣщаніи приняли участіе верховный комиссаръ Франціи де-Франсъ, графъ де-Мартель, генералъ де-Бургонь, командовавшій оккупаціоннымъ корпусомъ, адмиралъ де-Бонъ и его начальникъ штаба, и, съ другой стороны, генералъ Врангель и генералъ Шатиловъ.

На совѣщаніи было подтверждено соглашеніе, которое состоялось еще прежде съ графомъ де-Мартель, что Франція беретъ подъ свое покровительство русскихъ, прибывшихъ изъ Крыма, и, въ обезпеченіе своихъ расходовъ, принимаетъ въ залогъ нашъ военный и торговый флотъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано необходимымъ сохранить организацію кадровъ русской арміи съ ихъ порядкомъ подчиненности и военной дисциплины.

На сохраненіи арміи генералъ Врангель настаивалъ самымъ категорическимъ образомъ.

Это было необходимо по мотивамъ моральнаго характера.

Нельзя было относиться къ союзной русской арміи иначе, чѣмъ съ должнымъ уваженіемъ; нельзя было пренебречь всѣмъ ея прошлымъ, ея участіемъ въ міровой войнѣ вмѣстѣ съ союзниками, кровью, пролитой за общее дѣло Европы, наконецъ, ея вѣрностью до конца въ тяжелой борьбѣ съ большевиками.

Сохраненіе дисциплины, подчиненность своему командованію, диктовались также практическими соображеніями.

Вся эта масса людей, сразу признанная толпой бѣженцевъ, оскорбленная въ своемъ достоинствѣ и вышедшая изъ повиновенія, могла бы представить серьезную угрозу для сохраненія порядка.

Эти соображенія учитывались оффиціальными представителями Франціи.

Адмиралъ де-Бонъ, генералъ де-Бургонь и адмиралъ Дюме-

нилль, какъ военные, чувствовавшіе наиболѣе свой долгъ въ отношеніи русской арміи, горячо поддерживали заявленіе русскаго главнокомандующаго. И подъ ихъ вліяніемъ верховный комиссаръ Франціи г. де-Франсъ, типичный представитель дипломатическаго корпуса, далъ свое согласіе на сохраненіе въ военныхъ лагеряхъ войсковыхъ частей и подчиненности послѣднихъ ихъ генераламъ.

Такимъ образомъ, съ согласія французскихъ властей армія осталась цѣла, подчиненная своему командованію въ порядкѣ строгой дисциплины, съ своей организаціей, съ своими судами, съ своими боевыми знаменами и оружіемъ.

На совѣщаніи было намѣчено также разсредоточеніе арміи. Были выдѣлены войсковыя части и направлены — І-ый корпусъ подъ начальствомъ генерала Кутепова въ Галлиполи, кубанцы съ генераломъ Фостиковымъ на островъ Лемносъ и донцы подъ командой генерала Абрамова въ Чаталджу.

Штабъ главнокомандующаго былъ сокращенъ до минимума. Правительство Юга Россіи было переформировано. Кривошеинъ оставилъ свой постъ и выѣхалъ въ Парижъ. Ушелъ Тверской, завѣдывавшій внутренними дѣлами и другіе члены крымскаго правительства. Струве продолжалъ вести дѣла внѣшнихъ сношеній, а Бернацкій — финансовъ, но оба они также скоро выѣхали въ Парижъ. При главнокомандующемъ остался изъ состава крымскаго правительства одинъ Н. В. Савичъ. Однако, указа о сложеніи власти Правителя главнокомандующимъ не было издано.

Генералъ Врангель далъ такое объясненіе происшедшей перемѣнѣ южно-русскаго правительства: „Съ оставленіемъ Крыма я фактически пересталъ быть Правителемъ Юга Россіи и, естественно, что этотъ терминъ самъ собою отпалъ. Но изъ этого не слѣдуетъ дѣлать ложныхъ выводовъ: это не значитъ, что носитель законной власти пересталъ быть таковымъ, за ненадобностью названіе упразднено, но идея осталась полностью. Я нѣсколько недоумѣваю, какъ могутъ возникать сомнѣнія, ибо принципъ, на которомъ построена власть и армія не уничтоженъ фактомъ оставленія Крыма. Какъ и раньше, я остаюсь главой власти“.

Акта отреченія не послѣдовало. Генералъ Врангель не сложилъ съ себя власти, преемственно принятой имъ отъ адмирала Колчака и генерала Деникина, и продолжалъ нести ее, какъ долгъ, отъ котораго нельзя отказаться. А въ то время это означало возложить на себя всю отвѣтственность въ почти безнадежномъ положеніи. Русскія общественныя организаціи въ Константинополѣ единодушно поддерживали главнокомандующаго.

Въ обращеніи своемъ отъ 17 ноября къ генералу Врангелю, представители городского и земскаго союзовъ, комитета русской адвокатуры, торгово-промышленныхъ и профессіональныхъ организацій Юреневъ, Тесленко, Глазовъ, Алексѣевъ и пр. заявляли: „Собравшіеся въ Константинополѣ представители русскихъ общественныхъ организацій горячо привѣтствуютъ Васъ и въ Вашемъ лицѣ доблестную русскую армію, до конца продолжавшую неравную борьбу за

культуру и русскую государственность и вмѣняютъ себѣ въ непремѣнную обязанность заявить, что они считаютъ борьбу съ большевизмомъ продолжающейся и видятъ въ Васъ, какъ и прежде, главу Русскаго Правительства и преемственнаго носителя законной власти, объединяющей русскія силы, борющіяся противъ большевиковъ".

„Мы ждемъ полнаго выясненія позиціи Франціи" говорилъ генералъ Врангель, „если она не признаетъ армію, какъ ядра новой борьбы съ большевизмомъ, я найду путь для продолженія этой борьбы".

Въ этихъ словахъ лѣвая печать усмотрѣла угрозу — нѣчто зловѣщее. На генерала Врангеля посыпались обвиненія, что онъ хочетъ начать какую то новую авантюру, жертвуя людьми ради своего личнаго честолюбія. „Дѣло Крыма безвозвратно кончено" не безъ злорадства провозглашали они.

Для тѣхъ, кто не жилъ съ арміей, было непонятно, что иначе и не могъ говорить генералъ Врангель.

Онъ говорилъ такъ (и въ этомъ была вся сила его словъ) потому, что такъ думали, такъ чувствовали и этого хотѣли десятки тысячъ людей, офицеровъ и солдатъ русской арміи.

У нихъ было свое прошлое, которое они не могли и не хотѣли забыть, свои подвиги и жертвы, которыми нельзя было пренебречь, у нихъ сохранились ненадломленныя силы и крѣпкій духъ, непоколебленная вѣра въ себя и въ своихъ вождей. Они хотѣли оставаться тѣмъ, чѣмъ были, русской арміей.

Такимъ людямъ нельзя было сказать „вы кончили ваше дѣло, вы больше не нужны и можете расходиться на всѣ четыре стороны, кто куда хочетъ".

Были ли упадочныя настроенія среди войскъ?

Да, были. Они не могли не быть. Тяжелые удары судьбы, пережитыя испытанія, усталость послѣ трехлѣтнихъ непрерывныхъ боевъ, лишенія и страданія моральныя, неизвѣстность будущаго — угнетали людей. Чтобы устоять въ бурѣ нужны были исключительныя силы, которыхъ у многихъ не хватило. Но ядро арміи было здорово. Люди готовы были идти тѣмъ же труднымъ путемъ, идти безъ конца, даже безъ надежды. Нашлись вожди, которые влили въ нихъ новыя силы, подкрѣпили слабѣвшихъ и падавшихъ и вновь поставили ихъ на ноги.

Положеніе русскихъ на константинопольскомъ рейдѣ было тяжело, особенно въ первое время, когда не организована была помощь. Однако тѣ описанія ужаса, которыя стали появляться въ печати, не соотвѣтствовали дѣйствительности.

„Уже два дня идетъ проливной дождь" отмѣчаетъ корреспондентъ. „Подулъ нордъ-остъ, море свѣжѣетъ и палубные пассажиры, а ихъ на каждомъ пароходѣ 60 проц., въ ужасномъ состояніи. Прибавьте къ этому полное отсутствіе горячей пищи въ теченіи 10 дней, ничтожное количество вообще пищи и слова объѣзжавшаго пароходы морского врача вамъ не покажутся преувеличеніемъ.

„Продержите пароходы еще недѣлю и не понадобится хлопотъ

о размѣщеніи бѣженцевъ. Всѣ они размѣстятся на Скутарійскомъ кладбищѣ".

„Стонъ и ужасъ стоятъ на Босфорѣ", пишетъ другой. „Тѣ лаконическія вѣсти, которыя идутъ оттуда, только въ слабой степени даютъ представленіе о творящемся тамъ кошмарѣ".

И, наконецъ, третій говоритъ: „Они лежатъ потому, что не могутъ сидѣть. Они сидятъ потому, что не въ состояніи протянуть руку и произносить слова. Но есть еще стоящіе, просящіе, протягивающіе руки и даже—о, ужасъ, не понятый еще міромъ, и даже улыбающіеся. О, это улыбка распятаго. Вспомните ее всѣ, кто имѣетъ еще память".

Такія свидѣтельства очевидцевъ являются скорѣе показателемъ развинченности нервовъ и страдаютъ преувеличеніемъ. Поражало скорѣе другое—то спокойствіе, съ которымъ русскіе переносили невзгоды, обрушившіяся на нихъ, поражала та бодрость, которую они сумѣли сохранить въ себѣ, несмотря на всю тяжесть пережитого. „Мы шли семь дней въ пути отъ Севастополя къ Босфору", пишетъ одинъ изъ ѣхавшихъ на пароходѣ „Ріонъ", „погода стояла тихая, безвѣтренная. Море было спокойно. Если спросить, что переживало огромное большинство тѣхъ людей, которые биткомъ набили каюты, палубу, трюмъ и всѣ проходы на пароходѣ „Ріонъ", то правильно было бы отвѣтить. Всѣ были поглощены заботою, какъ бы согрѣть свои застывшіе пальцы, какъ бы укрыться лучше отъ дождя, добыть кипятку, теплой пищи и кусокъ хлѣба. И эти заботы такъ захватывали всего человѣка, что ничто другое не приходило на умъ. Люди, находящіеся въ Совдепіи, должны испытывать нѣчто подобное. Ощущеніе голода и холода доминируетъ надъ всѣмъ. Старый, развалившійся „Ріонъ" былъ перегруженъ сверхъ мѣры. На немъ кромѣ большого военнаго груза помѣщалось до 6 тысячъ человѣкъ. Пароходъ шелъ медленнымъ ходомъ, съ сильнымъ креномъ на лѣвый бортъ. Въ пути не хватило угля. Это случилось на 5-ый день. Ночь была темная, накрапывалъ дождь. Ярко въ темнотѣ свѣтился электрическій фонарь на палубѣ парохода и качающійся то синій, то красный огонь на миноносцѣ, шедшемъ на буксирѣ. Съ вахтенной будки въ рупоръ слышался голосъ капитана и ему отвѣчалъ такой же голосъ въ рупоръ съ миноносца. Зловѣще звучали эти голоса. Нужно было перегружать уголь съ миноносца, гдѣ оставался его нѣкоторый запасъ. По палубѣ заходили люди и слышно было какъ звякала цѣпь и шуршалъ канатъ. На противоположномъ концѣ какой то старикъ съ сѣдыми волосами (его лицо было освѣщено свѣтомъ элекрическаго фонаря) громко произносилъ рѣчь. Отдѣльныя слова долетали до насъ. Это была проповѣдь: „Туманы и мглы, гонимые вѣтромъ......", говорилъ старикъ. Среди шума каната, топота ногъ по палубѣ вдругъ раздалась пѣснь женскаго голоса. Пѣла помѣшаная, миловидная молодая женщина, которую мы часто видѣли на пароходѣ, ходящей по палубѣ. Ея мужа разстрѣляли большевики, ребенокъ ея умеръ, она сошла съ ума въ чрезвычайкѣ. Она бродила по пароходу съ веселой улыбкой и по време-

намъ пѣла всегда веселыя пѣсни. Глаза ея глядѣли, широко раскрытые, по-дѣтски радостно. Вся ночь прошла въ нагрузкѣ угля. Это была страшная ночь. На слѣдующій день насъ взялъ на буксиръ американскій крейсеръ и привелъ на Босфоръ. Мы стали среди голубого разлива. Зеленые холмы и скаты и красные камни у берега всѣ были залиты лучами солнца. Раздалась громкая пѣснь, удалая русская пѣснь. Пѣли 40 кубанцевъ на нашей палубѣ. Говоръ замолкъ на пароходѣ, смолкли крики лодочниковъ внизу. Пѣснь захватила всѣхъ. Какъ рукой сняло тяжелыя переживанія прошлой ночи. Какъ будто все стало инымъ и даже нашъ „Ріонъ", накренившійся на лѣвый бортъ, уже пересталъ нагонять тоску своимъ унылымъ видомъ, развалившейся проржавой посудины".

130 тысячъ русскихъ въ нѣсколько дней на пароходахъ появились на Босфорѣ. Задача ихъ прокормить и размѣстить представлялась нелегкой. Продовольствія, вывезеннаго изъ Крыма, хватало всего дней на 10. Константинополь не былъ подготовленъ къ пріему такой массы людей. Тѣмъ не менѣе задача эта была разрѣшена, благодаря дружнымъ усиліямъ русскихъ организацій, содѣйствію Американскаго Кр. Креста, французовъ и англичанъ. Земскому Союзу было отпущено 40.000 лиръ изъ средствъ Главнаго Командованія. Были сняты хлѣбопекарни, организована выпечка хлѣба и на десяткахъ баржей хлѣбъ ежедневно подвозился къ пароходамъ. Такимъ образомъ, предсказанія морского врача не сбылись въ дѣйствительности. Врядъ ли смертность среди русскихъ была высока, несмотря на тяжелыя условія, въ которыхъ они находились. Сыпной тифъ, этотъ страшный бичъ, свирѣпствовавшій въ Ростовѣ, Новороссійскѣ и Екатеринодарѣ и уносившій тысячи жертвъ, больше, чѣмъ гибло въ сраженіяхъ, въ Крыму не былъ распространенъ. Явное свидѣтельство о хорошемъ санитарномъ состояніи арміи. Онъ не былъ занесенъ и въ Константинополь на пароходахъ.

Съ 4 ноября по 7-ое подходили пароходы и останавливались на рейдѣ „Мода". А уже 9-го стали отходить суда съ войсками въ Галлиполи и съ бѣженцами въ Катарро. Постепенно началась и разгрузка больныхъ и раненыхъ и остальной массы бѣженцевъ. Раненые были размѣщены въ русскихъ лазаретахъ — въ зданіи Русскаго Посольства, въ Николаевскомъ госпиталѣ, въ Харбіе, во французскомъ госпиталѣ Жанны д'Аркъ, а бѣженцы распредѣлены по лагерямъ Санъ-Стефано, Тузлѣ, на островахъ Халки и въ цѣломъ рядѣ другихъ мѣстъ. Участіе къ русскимъ выказали всѣ иностранцы, но особенно американцы, снабдившіе лазареты санитарнымъ имуществомъ и медикаментами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и оказавшіе самую большую помощь. Также дружно работали и русскія организаціи въ Конистантинополѣ, Городской и Земскій союзы, Красный Крестъ и представители русскаго главнаго командованія, объединившись въ центральный объединенный комитетъ для согласованія своихъ дѣйствій. Благодаря общей дружной работѣ, бѣдствіе было предотвращено.

3.

Константинополь постепенно наполнялся рядомъ эвакуацій, начиная съ первой одесской, затѣмъ со второй одесской, новороссійской и затѣмъ крымской. Массы русскихъ прошли черезъ Константинополь, частью осѣли въ немъ, а частью разсосались по другимъ странамъ, на Балканскомъ полуостровѣ и въ Западной Европѣ. Кого только не было въ средѣ русской эмиграціи—и калмыки, и горцы, и казаки, и крестьяне южной Россіи. Были и представители зажиточныхъ классовъ—торговцы, землевладѣльцы, промышленники. Была, наконецъ, въ большомъ числѣ и русская интеллигенція. Въ рядахъ арміи, а въ особенности въ первомъ корпусѣ, былъ столь значительный процентъ съ среднимъ и высшимъ образованіемъ, какой врядъ ли существовалъ когда либо въ другой арміи. Были тамъ рядовыми и офицерами и учителя, и агрономы, техники, инженеры, и студенты высшихъ учебныхъ заведеній и гимназисты.

Никогда еще Европа не видѣла такой массовой эмиграціи.

Русскихъ считается болѣе 2-хъ милліоновъ покинувшихъ Россію. Это, въ сущности, былъ выходъ цѣлыхъ слоевъ русскаго народа, мало похожій на французскую эмиграцію XVIII вѣка. Россія лишилась въ нихъ своихъ лучшихъ силъ образованнаго общества. Русскіе оставили Крымъ не съ тѣмъ, чтобы жить за предѣлами своего отечества, какъ эмиграція. Они хотѣли оставаться русскими, вернуться въ Россію и служить только Россіи. Они уходили со своими учрежденіями учебными и санитарными, со своимъ духовенствомъ, наконецъ, со своимъ флотомъ и со своей военной организаціей. Войска расположились въ лагеряхъ Галлиполи, Лемноса и Чаталджи, а гражданское населеніе и тѣ, которые отстали отъ арміи, размѣстились въ бѣженскихъ лагеряхъ, или разбрелись въ Константинополѣ. Началось тяжелое существованіе, когда человѣкъ всецѣло поглощенъ заботами о насущномъ хлѣбѣ, о ночлегѣ, о томъ, чтобы какъ нибудь добыть средства для своей семьи. Тяжело было видѣть старыхъ, заслуженныхъ людей съ боевыми отличіями, торгующими разными бездѣлушками на Перѣ, русскую дѣвушку въ ресторанахъ на Перѣ, дѣтей, говорящихъ по русски, въ ночную пору на улицахъ, заброшенныхъ и одичавшихъ, солдатъ въ сѣрыхъ рванныхъ шенеляхъ, забравшихся во дворъ пустой мечети. Сколько разъ приходилось встрѣчать поздно ночью людей, укрывавшихся подъ карнизами домовъ отъ дождя и вѣтра. Нельзя было безъ краски стыда видѣть русскую женщину въ компаніи пьяныхъ, англійскихъ матросовъ въ кабачкѣ Галата. Какая тоска брала слышать русскую пѣснь, пропѣтую на улицѣ женщиной подъ шарманку.

Въ этихъ ужасныхъ условіяхъ борьбы за существованіе люди были готовы на все, лишь бы какъ нибудь устроиться. Одни нани-

мались на службу въ англійкую полицію, другіе изыскивали способы бѣжать къ Кемаль-Пашѣ, третьи завербовывались въ иностранные легіоны, не брезгали ничѣмъ, лишь бы вырваться изъ бѣдственнаго положенія. Развивалась погоня за наживой, нездоровая спекуляція, торговали всѣмъ, чѣмъ могли, брались за все, ни чѣмъ не гнушаясь, вплоть до открытія игорныхъ домовъ и ночныхъ притоновъ. Создавалась нездоровая атмосфера. Со всѣхъ сторонъ къ главному командованію посыпались претензіи поставщиковъ и торговцевъ, озлобленныхъ за понесенные убытки при крымской эвакуаціи. Они шумной толпой, другъ передъ другомъ, стремились расхитить послѣднія средства, оставшіяся для содержанія арміи. Нужно было оберегать и остатки сохранившейся казны, и бороться, чтобы недопустить тлетворныхъ вліяній на духъ арміи,

Въ столицѣ Оттоманской имперіи, занятой союзниками, положеніе русскихъ было особенно тяжело. Они не имѣли никакого подданства. Русскіе оффиціальные представители не признавались. Все зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія оккупаціонныхъ властей. Заступничество русскаго дипломатическаго представителя и военнаго агента, могло имѣть успѣхъ, лишь, благодаря ихъ личнымъ умѣньямъ и хорошимъ отношеніямъ съ союзниками.

Русскій консульскій судъ продолжалъ дѣйствовать, но рѣшенія его не были обязательны для англійской полиціи. Русскіе были безправны. Итальянское правительство наложило арестъ и захватило все серебро, вывезенное изъ ростовскаго государственнаго банка, и казаки были лишены средствъ, въ то время, какъ они были въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Французы наложили руку на русское имущество, находившееся на пароходѣ „Ріонъ“, и тѣмъ самымъ отняли одежду и обувь у русскихъ солдатъ, такъ нуждавшихся и въ томъ и въ другомъ, при наступившей зимней стужѣ. Мы испили чашу національнаго униженія до дна. Мы узнали что значитъ жить на пайкѣ, который все больше и больше урѣзывали, угрожая то и дѣло лишить всякаго пропитанія и выселить изъ помѣщенія. Мы узнали, что значитъ быть въ зависимости отъ заносчиваго коменданта и грубаго французскаго сержанта. Мы узнали надменность и высокомѣріе англичанъ, дерзость и заносчивость французовъ. Мы узнали, что значитъ не имѣть права передвиженія, и съ чѣмъ связано полученіе визъ на выѣздъ и пріѣздъ. На каждомъ шагу, намъ давали чувствовать, что русскимъ не разрѣшено то, что разрѣшено французамъ и англичанамъ. Мы почувствовали, что съ нами можно поступать, какъ нельзя это сдѣлать съ другими. Мы почувствовали это, когда насъ спускали съ лѣстницы и разгоняли въ толпѣ палками чернокожіе, одѣтые во французскую военную форму, когда насъ выталкивали за дверь, чтобы дать дорогу французскому офицеру. Мы поняли, что значитъ сдѣлаться людьми безъ отечества. Весь смыслъ сохраненія арміи въ томъ и заключался, что пока была армія у насъ оставалась надежда, что мы не обречены затеряться въ международной толпѣ, униженные и оскорбленные въ своемъ чувствѣ русскихъ

4.

Русскіе оказались въ Константинополѣ въ узлѣ сложныхъ международныхъ отношеній. Столица Оттоманской Имперіи была занята союзными войсками, въ водахъ Босфора стояли союзныя эскадры. Власть находилась въ рукахъ верховныхъ комиссаровъ Англіи и Франціи. Султанъ продолжалъ жить въ своемъ дворцѣ, при немъ его дворъ, великій визирь и правительство. Но въ Ангорѣ другое турецкое правительство съ Кемалемъ-пашей во главѣ не признавало власти султана, какъ плѣнника иностранцевъ. Стамбулъ переживалъ времена упадка и разложенія, какъ много вѣковъ назадъ, когда грубые воины-крестоносцы, пришельцы съ запада, наложили свои закованныя въ желѣзо руки на одряхлѣвшую Византію и жадные купцы генуэзцы и венеціанцы, какъ пираты бросались расхищать сокровища гибнущей имперіи. Такъ-же, какъ въ тѣ отдаленныя времена изъ Анатоліи поднимались на спасеніе имперіи горные пастухи подъ предводительстомъ мужественныхъ феодаловъ, такъ и теперь изъ тѣхъ же анатолійскихъ горъ выступили такіе-же грубые пастухи, не хотѣвшіе признавать надъ собою власти чужеземцевъ, какъ признала ее разслабленная и развращенная столичная толпа.

Русскіе, эвакуированные изъ Крыма, оказались въ положеніи незванныхъ гостей. Англія подозрительно относилась къ военному лагерю у самаго входа въ Дарданеллы. Франція всѣми силами старалась выжить русскихъ изъ Чаталджи и Галлиполи, Греки ревниво глядѣли на русскую военную силу подъ стѣнами Константинополя, мечтая сами захватить Царь-Градъ. Турки въ то время были хорошо расположены къ русскимъ. При входѣ въ мечеть аскеръ спрашивалъ: „урусъ"? и привѣтливо пропускалъ во внутрь храма, куда грековъ не допускали. Въ дни рамазана во дворахъ мечетей можно было видѣть много русскихъ и никого изъ иностранцевъ. Русскіе не были побѣдителями и не внушали къ себѣ враждебности турокъ. Они были приравнены къ нимъ и одинаково терпѣли отъ иноземной власти. По улицамъ Перы происходили греческія патріотическія манифестаціи сперва венезелистовъ, а потомъ приверженцевъ короля Константина. Для русскихъ и тѣ и другіе были одинаково чужды и они одинаково оставались равнодушными къ шумнымъ уличнымъ демонстраціямъ въ столицѣ Оттоманской имперіи, такъ оскорблявшихъ національное чувство мусульманъ.

* * *

Больше двухъ лѣтъ прошло со времени прекращенія военныхъ

дѣйствій и больше года по заключеніи Версальскаго мира, а Европа все еще находилась въ атмосферѣ войны.

Ненависть и месть, порожденныя пережитымъ ужасомъ войны, продолжали раздѣлять европейскіе народы на два непримиримыхъ лагеря — побѣдителей и побѣжденныхъ. Мира не наступило. Порванныя связи не возстановлены во взаимныхъ отношеніяхъ международной торговли, кредита, обмѣна и передвиженія изъ одной страны въ другую. Напротивъ, Европа распалась на рядъ отдѣльныхъ государствъ, оградившихъ себя такими заставами, что общеніе между странами было почти прервано. Во внутреннемъ управленіи господствовалъ произволъ, насиліе и грубая расправа военнаго положенія. Война противъ войны привела къ тому, что никогда еще Европа не переживала такого напряженнаго состоянія вооруженнаго перемирія. Ни войны, ни мира. Малыя государства Польша, Румынія, Греція, Юго-Славія изнемогали подъ непосильнымъ бременемъ созданія военной мощи и сильнаго государства. Франція не могла и не хотѣла приступить къ разоруженію, добиваясь силой принудить Германію къ платежу наложенныхъ иа нее милліардныхъ долговъ.

Программа Вильсона, возвѣщавшая установленіе мира на началахъ права и справедливости, на самоопредѣленіи народностей и уваженіи къ правамъ слабыхъ меньшинствъ, испарилась въ залахъ Версальскаго дворца. Отъ этихъ новыхъ гуманныхъ идей, осталась, какъ отраженіе кривого зеркала, Лига Націй, безъ средствъ, безъ вліянія, безъ авторитета, злая насмѣшка надъ провозглашеннымъ идеаломъ.

Народы-завоеватели, нѣмцы, венгры, турки, основавшіе могущественныя имперіи на покореніи болѣе слабыхъ племенъ и народовъ, были побѣждены. Старая Европа, созданная на крови и желѣзѣ, рухнула.

Имперія Гогенцолерновъ пала. Монархія Габсбурговъ развалилась на части, но восторжествовавшая демократія оказалась не менѣе ихъ жадной къ захватамъ, не менѣе безпощадной къ слабымъ.

Италія не только присоединила славянскую область Тріеста и Фіуме, но домогалась пріобрѣтенія далматинскаго побережья и острововъ съ греческимъ населеніемъ, какъ вознагражденіе за участіе въ войнѣ.

Румынія отторгла отъ Россіи Бессарабію, пользуясь слабостью сосѣда. Польша присоединила къ своимъ владѣніямъ земли, населенныя двумя милліонами русскихъ, какъ призъ побѣдителя, а въ Галиціи не только не ввела автономіи, но продолжала держать русскую область на положеніи военной оккупаціи.

А сколько пришлось перенести русскимъ, искавшимъ спасенія отъ большевиковъ на территоріи Польши и Румыніи. На Днѣстрѣ ихъ съ женами и дѣтьми при переправѣ встрѣчали выстрѣлами, въ концентраціонныхъ лагеряхъ подвер али жестокимъ насиліямъ и униженію, грабили, морили голодомъ, обращались хуже, чѣмъ съ плѣнными врагами.

Въ отношеніи нѣмцевъ, венгровъ, австрійцевъ въ земляхъ, при-

соединенныхъ къ Румыніи, къ Польшѣ, къ Чехіи и Юго-Славіи, всѣ несправедливости стали возможны.

Угнетенные сами превратились въ угнетателей.

Общность экономической и моральной катастрофы Европы неизбѣжно диктовала необходимость общихъ усилій для возстановленія стараго, разрушеннаго зданія. Но вмѣсто солидарности, между народами установился антагонизмъ и рознь, восторжествовалъ грубый государственный эгоизмъ и интересъ господствующей національности. Картина раздора и междуусобицы роняла моральный вѣсъ и значеніе Европы во всемъ мірѣ. Европа была поражена безсиліемъ. Старый міръ востока и запада держался на такихъ колоссахъ, какъ Германія и Россія. Послѣ окончанія войны, Америка отошла отъ европейскихъ дѣлъ, Англія не имѣла сухопутной арміи. Осталась Франція, какъ единственная сила для установленія новаго порядка на континентѣ и цѣлая система малыхъ, слабыхъ, неокрѣпшихъ государственныхъ новыхъ образованій. Слабость этихъ силъ тотчасъ же сказалась. Европа не могла справиться съ задачей укрѣпленія міра. Турецкіе отряды Кемаля въ нѣсколько десятковъ тысячъ, скорѣе всякаго вооруженнаго сброда, чѣмъ войска, являлись грозной опасностью для востока. Авантюристъ д'Аннунціо, захвативъ Фіуме, дерзко бросалъ вызовъ всей Европѣ. Франція не могла исторгнуть отъ Германіи наложенныя на эту послѣднюю денежныя обязательства. Но нигдѣ не сказалось такъ безсиліе Европы, какъ въ русскомъ вопросѣ. Извѣстно выраженіе Клемансо „Россіи больше нѣтъ". Россія была признана пустымъ мѣстомъ на картѣ Европы. Усталая послѣ міровой войны, Европа вначалѣ сдѣлала попытку одолѣть большевизмъ, какъ общаго врага Россіи и ея союзниковъ. Но эта слабая попытка обнаружила все безсиліе Европы, обнаружила также, что возстановленіе Россіи въ ея прежней мощи совсѣмъ не входитъ въ расчеты западныхъ державъ. Когда была одержана побѣда надъ Германіей, пристижъ союзниковъ былъ великъ. И малѣйшаго усилія съ ихъ стороны было достаточно, чтобы воля ихъ была исполнена. Въ это время германскія войска, въ количествѣ 500 тысячъ, занимавшія югъ Россіи, оставляли его, возвращаясь обратно въ Германію. Было очевидно, что съ ихъ уходомъ вся эта огромная область, населенная болѣе 40 милл. жителей, оставленная безъ вооруженныхъ силъ, будетъ охвачена анархіей, вслѣдъ за которой тотчасъ же появится большевизмъ. Необходимость спасенія всего этого русскаго края была настолько очевидна, что и генералъ Бертело, а послѣ верховный комиссаръ по дѣламъ востока Франше д'Эспере, дали обѣщанія занять югъ Россіи двѣнадцатью дивизіями пѣхоты и четырьмя кавалеріи. Но вмѣсто этого въ Одессѣ высадились всего одна бригада французскаго дессанта и такое-же количество греческихъ войскъ. Они высадились въ Одессѣ, заняли Севастополь, но не пошли дальше. Англія оказала поддержку добровольческой арміи, боровшейся на Кубани и на Дону противъ большевиковъ, присылкой въ Новороссійскъ снаряженія и обмундированія. Но скоро обнаружилось, что союзники вовсе не намѣрены оказать безкорыстную помощь

Россіи. Россія была раздѣлена на сферы французскаго и англійскаго вліянія. Восторжествовали интересы угля и нефти. Началась политика использованія слабости Россіи, для извлеченія своекорыстныхъ выгодъ. Англія вела двойную игру. То, что дѣлалось руками Черчиля, разрушалось политикой Ллойдъ Джорджа, а этотъ послѣдній строилъ свои политическіе разсчеты на поддержкѣ большевитской власти, ослабляющей могущество Россіи, опасной для интересовъ Англіи въ ея индѣйскихъ владѣніяхъ. Въ Закавказьѣ Англія покровительствовала независимой Грузіи и не допускала Добровольческихъ войскъ для занятія Баку. На сѣверѣ генералъ Маршъ предалъ армію генерала Юденича и поддержалъ образованіе независимой Латвіи и Эстоніи.

Франція ставила ставку на могущественную Польшу. Безцѣльно простоявъ въ Одессѣ, французскія войска внезапно ее бросили. Никогда еще моральному престижу Франціи не было нанесено такого удара. Россія была брошена на произволъ судьбы.

Россія переживала участь Польши временъ ея упадка и ея раздѣловъ. Но раздѣлы Польши совершались не дружественными союзными державами. Сознаніе несправедливости совершаемаго было присуще даже участникамъ Польскаго дѣлежа XVIII вѣка. Императрица Екатерина II въ свое оправданіе объявляла, что она возвращаетъ Россіи отторженныя отъ нея земли. Марія Терезія плакала, по циничному выраженію Фридриха Великаго „плакала, но все-таки брала“.

Исторія знаетъ раздѣлы Польши, названные смертнымъ грѣхомъ, тяготѣвшимъ надъ Европой, но исторія еще не знала расчлененія дружественной державы ея же союзниками.

Нельзя безъ чувства глубокого волненія читать слова изъ рѣчи Черчиля, произнесенной имъ на англо-русскомъ собраніи въ Лондонѣ:

„Сила Лиги Націй будетъ испытана въ русскомъ вопросѣ. Если, Лига Націй не сможетъ спасти Россію, Россія въ своей агоніи разрушитъ Лигу Націй. Всѣмъ легкомысленнымъ, всѣмъ неосвѣдомленнымъ, всѣмъ простодушнымъ, всѣмъ поглощеннымъ личными интересами — я говорю: Вы можете покинуть Россію, но Россія Васъ не покинетъ.

Веселье царило на улицахъ, когда я ѣхалъ сюда нынче вечеромъ. Улицы были залиты тысячами, десятками тысячъ народа, чувствующаго, что насталъ моментъ, когда онъ можетъ радоваться и торжествовать великую побѣду въ великой войнѣ. И есть-ли здѣсь кто нибудь, кто станетъ отрицать, что народъ сполна заплатилъ за свое право оглашать воздухъ криками радости? На декоративныхъ щитахъ, на улицахъ, начертаны наименованія всѣхъ полей битвъ, разсѣянныхъ по всему земному шару, на которыхъ ради праведнаго дѣла дралась наша молодежь, завоевывая себѣ мѣсто въ исторіи.

Но видѣлъ я также, рядомъ съ этими счастливыми толпами, мрачную фигуру русскаго медвѣдя. Переваливаясь, ступалъ медвѣдь черезъ степи, черезъ снѣга, шествуя на окровавленныхъ лапахъ, и онъ здѣсь среди насъ. Его тѣнь падаетъ на наше веселье. Онъ

стоитъ на стражѣ, снаружи у дверей залы совѣта союзныхъ державъ. Въ Версальской галлереѣ зеркалъ онъ пребывалъ недалеко отъ насъ. И здѣсь, нынче вечеромъ, мы ощущаемъ гнетъ его присутствія. Міръ передѣлать невозможно безъ участія Россіи. Невозможно идти по пути побѣды, благоденствія и мира и предоставить эту огромную часть человѣческой рассы на жертву мученіямъ во тьмѣ варварства".

* * *

Война внесла глубокія измѣненія въ психологію народныхъ массъ.

Милліоны людей были оторваны въ теченіе трехъ лѣтъ отъ родного очага, отъ своего привычнаго труда, отъ мирнаго уклада жизни.

Они пріобрѣли навыки военныхъ лагерей и походовъ, сроднились съ жизнью боевыхъ приключеній, лихорадочнаго возбужденія на поляхъ битвъ во всѣхъ частяхъ свѣта.

Они не хотѣли вернуться вновь къ условіямъ повседневнаго труда съ его заботами о добываніи насущнаго хлѣба.

Множество людей изъ трудовыхъ классовъ, выдвинувшіеся на военномъ поприщѣ, уже не мирились со своимъ прежнимъ соціальнымъ положеніемъ и не хотѣли снова сдѣлаться конторщиками въ магазинахъ, встать у станка на фабрикѣ или спускаться въ шахты на тяжелый трудъ.

Много было разоренныхъ и обездоленныхъ войной, множество семей потеряли своихъ единственныхъ кормильцевъ и впали въ нищету.

На улицахъ Лондона можно было видѣть инвалидовъ съ кружками на груди, просящихъ милостыню.

Гнетъ безработицы, наступившей послѣ прекращенія военныхъ заказовъ, выгонялъ на улицы толпы рабочихъ.

И наряду съ этимъ роскошь новыхъ богачей, разжившихся на общемъ бѣдствіи войны, била въ глаза и вызывала злобу и зависть.

Росло возмущеніе несправедливостью существующаго строя.

Рабочіе не хотѣли мириться съ тяжелыми условіями своего существованія.

Производительность труда упала, наступило то, что было названо деморализаціей труда.

Но такая-же деморализація наступила и въ области капитала.

Развилась нездоровая спекуляція, не останавливающаяся ни передъ чѣмъ, лишь бы нажиться,—и такая-же деморализація въ политикѣ.

Гладстонъ говорилъ, что онъ никогда не приступалъ къ произнесенію рѣчи въ парламентѣ, не совершивъ про себя мысленно молитву.

Какому Богу молился Ллойдъ Джорджъ, когда онъ говорилъ свою извѣстную рѣчь о торговыхъ сношеніяхъ съ большевиками, не видя въ этомъ ничего предосудительнаго подобно тому, какъ въ торговлѣ съ африканскими дикарями и людоѣдами?

И англійскіе судьи, прославленные за свое правосудіе, примѣ-

няясь къ новымъ принципамъ британскаго правительства, морально опустились до того. что отказывали въ искѣ русскимъ торговымъ фирмамъ, хотя на запроданныхъ большевиками товарахъ значились ихъ торговыя клейма.

Никогда еще государственные люди не доходили до такого откровеннаго цинизма.

Основы правовыя и моральныя, невидимыя подпорки общества и государства, были расшатаны.

Общее явленіе обнаружилось во всѣхъ странахъ Западной Европы.

Народныя массы выступили на историческую сцену, ихъ удѣльный вѣсъ поднялся, они выступили бурно съ притязаніями на свое мѣсто подъ солнцемъ, въ сознаніи своей силы, съ психологіей неимущихъ, съ враждебностью къ зажиточнымъ классамъ, безъ уваженія къ старымъ заслуженнымъ авторитетамъ и старымъ традиціямъ.

Роволюція въ Россіи и крушеніе Германской Имперіи не только подорвали монархичесиій принципъ, но и авторитетъ власти въ Европѣ. Повиновеніе въ силу почитанія старыхъ авторитетовъ исчезло, исчезло и сознаніе цѣлаго и массы добивались вырвать силою то, что они хотѣли получить для себя.

Воды вышли изъ береговъ и бурными потоками стремились проложить новыя русла.

Наступилъ періодъ массовыхъ забастовокъ и рабочаго движенія, приближающагося къ большевизму.

Во главѣ правительствъ встали демагоги, вся задача которыхъ сводилась къ умѣнію играть настроеніями народныхъ низовъ.

Это не была политика, руководимая высшимъ государственнымъ интересомъ въ предвидѣніи задачъ и цѣлей будущаго, а политика обходовъ и зигзаговъ отъ одного случая до другого, политика, не внушавшая къ себѣ ни довѣрія, ни уваженія.

Рабочія массы путемъ активныхъ выступленій добивались удовлетворенія своихъ классовыхъ интересовъ подъ угрозой дезорганизаціи промышленности и разрушенія государственнаго порядка.

Ллойдъ Джорджъ приходилъ къ соглашенію на совѣщаніяхъ съ рабочими организаціями, и ихъ постановленія преподносились парламенту, какъ готовое рѣшеніе.

Старый парламентъ Англіи, окруженный вѣковымъ уваженіемъ, былъ униженъ въ своемъ значеніи, низведенный до роли учрежденія, скрѣпляющаго актъ, навязанный ему соглашеньемъ премьера.

На этой же почвѣ заигрыванія съ настроеніями рабочихъ массъ сложилась и политика сближенія съ большевиками.

Красинъ уже былъ въ Лондонѣ, и въ мартѣ послѣдовало заключеніе торговаго договора съ совѣтами.

Міровая война, предательство большевиковъ, Брестъ-Литовскій миръ были забыты.

Звѣрскій режимъ большевизма, явно разоблаченный въ низости злодѣяній, ими совершенныхъ, въ массовыхъ разстрѣлахъ заключенныхъ, въ убійствѣ заложниковъ, въ казни епископовъ и священни-

ковъ, въ гоненіяхъ на православную церковь, въ грабежахъ и насиліяхъ надъ мирнымъ населеніемъ, въ подломъ убійствѣ русскаго государя, своею смертью запечатлѣвшаго вѣрность данному слову, — ничто не помѣшало премьеру Англіи протянуть руку тѣмъ, кто былъ запятнанъ кровью и грязью неслыханныхъ преступленій передъ человѣчествомъ.

Въ глазахъ англійской демократіи большевизмъ сталъ рисоваться, какъ сила, сломившая царизмъ.

Старыя предубѣжденія противъ Россіи вновь всплыли на поверхность, и ненависть къ самодержавію, какъ къ режиму еврейскихъ погромовъ и жандармскаго произвола, овладѣла общественнымъ мнѣніемъ Запада.

Рабочія массы были воспитаны въ тѣхъ же идеяхъ классовой борьбы.

Имъ внушали, что только пролетаріатъ является носителемъ прогресса и ему одному принадлежитъ будущее.

Ихъ развращали лестью и демагогіей.

И когда въ Москвѣ провозгласили диктатуру пролетаріата и торжество тѣхъ самыхъ идей соціализма, на которыхъ рабочіе воспитывались и на Западѣ, то, естественно, они стали видѣть въ большевизмѣ нѣчто свое, совершенное пролетаріатомъ, и солидаризировались съ большевизмомъ.

Въ Москву, какъ во вторую Мекку, стали стекаться послѣдователи соціалистическихъ ученій.

Изъ Москвы шли директивы и указанія.

Къ словамъ Ленина, этого грязнаго маньяка лжи и предательства, прислушивались во всей Европѣ.

Горькій превозносилъ Ленина, ставилъ его выше Петра Великаго, объзвлялъ его замыслы планетарными, попутно трунилъ надъ западнымъ мѣщанствомъ, которому угрожалъ нашествіемъ гунновъ, и надъ русскимъ народомъ, этимъ лѣнивымъ, бездарнымъ и пассивнымъ существомъ, который заслужилъ свою жалкую участь и не внушаетъ даже состраданія.

Получалось отвратительное зрѣлище — превознесеніе гнуснаго явленія большевизма.

Если бы одну сотую злодѣйствъ и преступленій, совершенныхъ большевиками, позволилъ себѣ какой-нибудь абсолютный монархъ, султанъ марокскій, то вся Европа была бы охвачена негодованіемъ, а здѣсь — кровавая оргія, мучительство нелѣпой и злобной тираніей цѣлаго русскаго народа не только не вызывало возмущенія, но встрѣчало сочувствіе.

Все это было сдѣлано пролетаріатомъ во имя соціальной революціи.

И этимъ всѣ злодѣянія получали оправданіе.

Всѣ антибольшевитскія силы стали рисоваться, какъ силы реакціи.

Для общественнаго мнѣнія Западной Европы не имѣло никакого значенія, что это были русскіе патріоты, что бѣлыя войска были той

русской арміей, которая начала міровую войну, что они боролись, оставались неизмѣнно вѣрными союзникамъ, — все это ничего не значило.

Таковы были чудовищныя искаженія русской дѣйствительности въ затемненномъ сознаніи западно-европейскаго общества.

Только въ Америкѣ неуклонно обнаруживалось рѣзко-отрицательное отношеніе къ большевизму.

Въ нотѣ, направленной къ Италіи, правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ высказывается противъ европейской конференціи, которая повлекла бы за собою два послѣдствія, а именно признаніе большевитскаго режима и почти неизбѣжное разрѣшеніе русскаго вопроса на основѣ расчлененія Россіи.

„Хотя Соединенные Штаты и глубоко сожалѣли о выходѣ Россіи изъ числа воюющихъ въ критическое время и о несчастной сдачѣ ея въ Брестъ-Литовскѣ, однако Соединенные Штаты вполнѣ понимали, что русскій народъ никоимъ образомъ за это не былъ отвѣтственъ.

Соединенные Штаты неизмѣнно сохраняютъ вѣру въ русскій народъ, въ его высокія качества и въ его будущее и увѣрены, что возстановленная, свободная и единая Россія вновь займетъ руководящее положеніе въ мірѣ, объединившись съ другими свободными народами въ дѣлѣ поддержанія мира и справедливости.

Мы не желаемъ, чтобы Россія въ то время, когда она находится въ безпомощномъ состояніи во власти непредставляющаго ее правительства, для котораго единственнымъ правомъ является грубая сила, была еще болѣе ослаблена политикой расчлененія, служащей чьимъ-то другимъ, но не русскимъ, интересамъ.

Теперешніе правители Россіи не правятъ по волѣ или съ согласія сколько-нибудь значительной части русскаго народа, — это является неоспоримымъ фактомъ.

Силою и лукавствомъ захватили они полномочія и органы правительства и продолжаютъ пользоваться захваченнымъ, примѣняя жестокое угнетеніе въ цѣляхъ сохраненія въ своихъ рукахъ власти.

Соединенные Штаты не могутъ признать суверенитетъ нынѣшнихъ правителей Россіи и поддерживать съ ними отношенія, обычныя между дружественными правительствами. Это убѣжденіе не имѣетъ ничего общаго съ какой-либо особой политической или соціальной структурой власти, которую пожелалъ бы избрать самъ русскій народъ. Оно основывается на рядѣ совершенно иныхъ фактовъ. Эти факты, которые никѣмъ не оспариваются, привели Правительство Соединенныхъ Штатовъ независимо отъ его воли къ убѣжденію, что существующій въ Россіи режимъ основанъ на отрицаніи всѣхъ принциповъ чести и совѣсти и всѣхъ обычаевъ и договоровъ, служащихъ основаніемъ для постановленій международнаго права.

Отвѣтственные руководители этого режима часто и открыто провозглашали и хвастались, что они готовы подписать соглашенія и договоры съ иностранными державами не имѣя въ тоже время ни малѣйшаго намѣренія соблюдать подобные сдѣлки и выполнять такія соглашенія.

Большевитское правительство находится подъ контролемъ политической партіи, имѣющей широкія международныя развѣтвленія и этотъ международный органъ, широко субсидируемый большевиками изъ государственныхъ источниковъ, открыто преслѣдуетъ цѣль возбужденія революціи во всемъ мірѣ.

По мнѣнію Правительства Соединенныхъ Штатовъ у него не можетъ быть общей почвы съ властью, понятія которой о международныхъ отношеніяхъ столь чужды его собственнымъ понятіямъ и претятъ нравственному чувству.

Не можетъ быть взаимнаго довѣрія и вѣры, не можетъ быть даже уваженія, если приходится давать залоги и заключать соглашенія двумъ странамъ, изъ которыхъ одна съ самого начала держитъ въ умѣ циническое отрицаніе своихъ обязательствъ".

Справедливыя указанія правительства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, полныя вѣры и дружбы къ русскому народу, не были услышаны въ Европѣ, и Англія, а за ней и Франція и другія государства встали на путь сближенія съ совѣтами и, одновременно, расчлененія Россіи.

Послѣдствія были таковы.

Если взглянуть на карту Россіи въ ея современныхъ границахъ, то можно увидѣть, что Россія потеряла пріобрѣтенія Петра Великаго и Екатерины II, отрѣзана отъ Балтійскаго моря и отброшена въ Азію.

Политика же соглашенія съ большевиками привела къ тому, что въ Москвѣ укрѣпился III Интернаціоналъ.

Преступное сообщество, даже въ революціонномъ подпольѣ представлявшее серьезную угрозу, превратилось теперь во всероссійскую власть и использовало всѣ огромныя богатства страны и неисчерпаемый людской матерьялъ для партійной цѣли всемірной революціи.

Въ области экономической — шестая часть земного шара, благодаря совершенному надъ нею коммунистическому опыту, изъята изъ международнаго торговаго оборота, и Россія изъ страны, вывозящей хлѣбъ и сырье на многія сотни милліоновъ золотомъ, превратилась въ страну, нуждающуюся въ привозномъ хлѣбѣ для прокормленія своего населенія.

Всѣ увѣренія о возможности эволюціи большевитской власти оказались пустымъ вымысломъ.

Никакая торговля, никакой вывозъ изъ Россіи сырья сталъ невозможенъ.

Голодъ, наступившій въ ближайшее-же лѣто, ясно обнаружилъ, что русскій народъ подъ большевитской властью обреченъ на вымираніе.

Таковы были послѣдствія западно-европейской политики въ отношеніи Россіи.

А въ Галлиполи и на Лемносѣ 50.000 русскихъ, оставленныхъ всѣми, являлись на глазахъ у всего міра живымъ укоромъ тѣмъ, кто пользовался ихъ силой и ихъ кровью, когда они были имъ нужны, и бросилъ ихъ, когда они впали въ несчастье.

5.

Въ послѣднихъ числахъ ноября предсѣдатель совѣта министровъ Лейгъ сдѣлалъ заявленіе въ комиссіи по иностраннымъ дѣламъ, что политика Франціи въ отношеніи совѣтовъ остается точно такой же, какъ и предшествовавшаго министерства.

Предсѣдатель совѣта министровъ добавилъ, что онъ склоненъ разрѣшить коммерческія сдѣлки между французами и русскими, онъ также не считаетъ нужнымъ продолжать блокаду, чтобы не сдѣлать русскій народъ отвѣтственнымъ за ошибки его правителей. Что-же касается генерала Врангеля, то послѣ его пораженія, Франція считаетъ себя свободной отъ всякихъ по отношенію къ нему обязательствъ и только изъ гуманныхъ побужденій Франція приходитъ на помощь его солдатамъ.

Изъ заявленія Лейга было ясно, что французское правительство было готово вступить на тотъ путь, который указанъ былъ Ллойдъ-Джорджемъ — если не прямого признанія большевитской власти, то соглашенія по торговымъ дѣламъ и сближенія съ ними. Неминуемымъ послѣдствіемъ такой политики, являлся и отказъ отъ всякой связи съ русской арміей. Какъ только заявленіе Лейга стало извѣстнымъ генералу Врангелю, онъ тотчасъ же увѣдомилъ нашихъ представителей въ Парижѣ, что оно произведетъ на армію удручающее впечатлѣніе. „Не могу вѣрить, заявилъ генералъ Врангель, чтобы интересамъ Франціи отвѣчало обратить организованную и крѣпкую духомъ армію, ей дружественную, — въ стадо бѣженцевъ, озлобленное противъ союзниковъ, бросившихъ ихъ на произволъ судьбы. Положеніе арміи очень тяжелое, и только надежда на использованіе ея по прямому назначенію, т. е. въ борьбѣ противъ большевиковъ за освожденіе Родины — все равно теперь, или позже — можетъ сохранить ее, иначе должно наступить разложеніе“. И, дѣйствительно, распространившіеся слухи о перемѣнѣ французской политики, произвели удручающее впечатлѣніе на русскихъ. Была потеряна увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, каждый спрашивалъ себя — что-же съ нами будетъ?

Условія первоначальнаго разселенія въ Галлиполи были тяжелы. Приходилось устраиваться въ полуразрушенныхъ зданіяхъ, часто безъ оконъ, безъ печей и съ дырявою крышей. Все приходилось дѣлать своими руками, при большомъ недостаткѣ матеріаловъ. Положеніе въ лагерѣ, находившемся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, по тѣснотѣ палатокъ, отсутствію дровъ, печей въ достаточномъ количествѣ, было крайне тяжело. Изъ этого положенія удалось

выйти благодаря исключительной энергіи и настойчивости генерала Кутепова. Спасло и то, что во главѣ французскаго командованія мы встрѣтили такихъ людей, которые не формально исполняли предписанія своего начальства, а, понимая и участливо относясь къ русскимъ, входили во всѣ нужды ихъ положенія и оказали имъ и моральную поддержку, и матеріальную помощь, насколько они были въ силахъ. Генералъ де-Бургонь, этотъ старый военный, понимавшій тѣ связи чести, которыя соединяли союзныя арміи между собой и прилагавшій и ранѣе всѣ усилія, чтобы улучшить жизнь нашихъ людей въ Галлиполійскомъ лагерѣ, поспѣшилъ успокоить тревогу, вызванную извѣстіемъ объ измѣненіи французской политики. „Не можетъ быть и вопроса", — писалъ онъ, — „о разрушеніи организаціи арміи, но какое бы ни было ея дальнѣйшее назначеніе французскія власти также, какъ и вы, стремятся обезпечить, благодаря этой военной организаціи, безусловный порядокъ и дисциплину. Воспользоваться арміей, какъ вооруженной силой, не входитъ въ намѣренія французскаго правительства. Такимъ образомъ, военная организація должна имѣть ту цѣль, чтобы свести къ минимуму рискъ возможныхъ осложненій, въ ожиданіи того назначенія, которое будетъ указано. Мы расчитываемъ на помощь, какъ личнаго авторитета генерала Врангеля, такъ и на его вліяніе на армію для того, чтобы спокойно провести этотъ періодъ ожиданія". Въ лицѣ адмирала де-Бонъ, этого исключительнаго по благородству человѣка, мы нашли настоящаго друга, который не остановился передъ тѣмъ, чтобы въ донесеніяхъ своему правительству защищать русскую армію отъ всего того вреда, который могли нанести ей неправильныя распоряженія изъ центра.

Старый адмиралъ переживалъ вмѣстѣ съ русскими всѣ ихъ страданія, понималъ всю боль ихъ національнаго униженія, понималъ, что это тѣ-же люди, которые своею кровью оказали помощь для спасенія Парижа. Онъ не разъ сопровождалъ генерала Врангеля, при его поѣздкахъ въ военные лагеря и, видя тотъ бодрый духъ, который господствовалъ среди русскихъ войскъ, онъ призналъ, что безуміе среди того безсилія, которымъ поражена вся Европа, сводить на нѣтъ такую силу, какую представляютъ изъ себя русскія войска, умѣющія такъ бодро переносить всѣ невзгоды, и всегда готовыя идти въ бой со своимъ врагомъ. Адмиралу Дюминилю точно также мы обязаны тѣмъ, что въ тяжелую минуту онъ помогъ намъ выйти изъ критическаго положенія. Организація арміи была сохранена и авторитетъ главнокомандующаго не былъ подорванъ. При поѣздкахъ главнокомандующаго въ лагери, онъ лично могъ убѣдиться, какой бодрый духъ господствуетъ среди войскъ. Войска встрѣчали своего главнокомандующаго съ такимъ воодушевленіемъ, что ясно было, что они готовы за нимъ слѣдовать и увѣрены, что только съ нимъ они могутъ найти путь изъ, казалось бы, безвыходнаго положенія. Вскорѣ, вслѣдъ за извѣстіемъ о декларацiи французскаго правительства, было получено сообщеніе отъ старшины дипломатическаго корпуса М. Н. Гирса о дальнѣйшихъ предположе-

ніяхъ французскаго министерства. Международная обстановка, тяжелое финансовое положеніе и соображенія внутренней политики лишаютъ французское правительство возможности взять на себя задачу сохраненія арміи. Единственная возможность продолжить помощь, это разсматривать всѣхъ эвакуированныхъ, какъ бѣженцевъ, исключительно съ гуманитарной точки зрѣнія. Только при этомъ можно разсчитывать на полученіе средствъ. Ради этого необходимо придать дѣлу помощи характеръ благотворительнаго почина самихъ русскихъ, создавъ въ Парижѣ не политическое, а общественное объединеніе, для пріисканія средствъ и оказанія помощи всѣмъ бѣженцамъ. Это сообщеніе, подтвержденное потомъ и оффиціальнымъ представителемъ Франціи въ Константинополѣ, произвело большое смущеніе въ русскихъ константинопольскихъ кругахъ. Ясно было, что французское правительство не только хочетъ свести армію на положеніе бѣженцевъ, но хочетъ окончательно устранить генерала Врангеля, передать распоряженіе денежными средствами и попеченіе о бѣженцахъ въ руки организованнаго въ Парижѣ благотворительнаго комитета. До этихъ поръ вся организація помощи велась Центральнымъ Объединеннымъ Комитетомъ при участіи и въ полномъ согласіи съ представителями главнаго командованія. Организація эта была налажена и давала хорошіе результаты. Съ этого-же времени начинается рядъ треній. Естественно, что, если главнокомандующій устранялся французскимъ правительствомъ, то кто-нибудь долженъ былъ занять пустое мѣсто и каждая изъ организацій, по весьма понятнымъ причинамъ, стремилась взять въ свои руки и средства, и дѣло благотворительной помощи. Всѣ тѣ, кто былъ настроенъ противъ арміи, подняли голову. А недовольныхъ было много, было много раздраженныхъ людей, готовыхъ винить и Кривошеина, и генерала Врангеля, и штабъ, и гнилой тылъ въ бѣдствіяхъ, ихъ постигшихъ. Оставшіеся за штатомъ, не сумѣвшіе найти новыхъ мѣстъ и новыхъ окладовъ, озлобленные и ожесточенные, цѣлою толпою наполняли посольскій дворъ, этотъ центръ, откуда исходили всѣ слухи, сплетни, злословія и клевета по городу. И въ рядахъ войскъ были, конечно, такіе, которые не могли выдержать тяжелыхъ испытаній. Гражданская война, со всѣми ея ужасами, тяжелое переживаніе нашихъ неудачъ, безвыходность положенія создали много недовольныхъ. Иные потеряли всякую волю и истрепанные, привыкшіе къ разгулу, даже доблестные офицеры, теперь съ надорванными силами, съ разрушеннымъ организмомъ, подавленные морально, представляли элементъ, разлагавшій армію.

За періодъ гражданской войны, когда офицеровъ переманивали то въ украинскія войска на службу гетмана, то къ Петлюрѣ, то въ разныя организаціи нѣмецкой оріентаціи. то къ полякамъ, въ войска Булакъ-Булаховича — выработался особый типъ авантюристовъ, подобныхъ ландскнехтамъ Валленштейна, готовыхъ служить кому угодно, но и готовыхъ во всякое время на предательство. „Перелеты“ — какъ ихъ называли въ смутное время на Руси. Были и офицеры, подобные Слащеву, этому когда-то доблестному защитнику

Крыма, а теперь морально деградированному человѣку. Былъ „матросъ“ Баткинъ, когда то, по порученію адмирала Колчака, объѣхавшій всю Россію для произнесенія патріотическихъ рѣчей, а теперь продавшій себя большевикамъ и служившій ихъ тайнымъ агентомъ въ Константинополѣ. Былъ и Секретёвъ, совершенно спившійся и погрязшій въ разгулѣ, былъ и полковникъ Брагинъ, продававшій впослѣдствіи русскихъ въ Бразилію, какъ бѣлыхъ негровъ, плантаторамъ Санъ-Паоло. Всѣ эти люди и имъ подобные шумной толпой требовали, клеветали, старались захватить что-то и всѣми средствами повредить тѣмъ, кого они ненавидѣли въ данное время. Генералъ Слащевъ издавалъ брошюры, требовалъ суда общества и гласности. Онъ обвинялъ генерала Врангеля, что послѣдній не принялъ его плана защиты Крыма, и увѣрялъ, что если бы онъ, Слащевъ-Крымскій, всталъ бы во главѣ войска, то Крымъ былъ бы спасенъ снова. А вмѣсто этого, — онъ уволенъ и принужденъ влачить тяжелое существованіе бѣженца. Генералъ Врангель обѣщалъ будто бы всѣмъ своимъ офицерамъ матеріальную помощь, а теперь утаилъ какія то деньги и оставилъ его, генерала Слащева, на произволъ судьбы. Какой то анонимный авторъ обличалъ въ „Запискахъ строевого офицера“ всѣ стратегическія ошибки штаба главнокомандующаго, какъ будто бы это въ данное время имѣло какой либо смыслъ, кромѣ желанія обличенія и нанесенія вреда русской арміи. Вотъ отъ какой заразы приходилось оберегать людей. Нелегко было выбраться изъ узла интригъ, недоброжелательства, сплетенъ и мелкихъ происковъ, отстоять армію и отъ „союзниковъ“, готовыхъ затянуть мертвую петлю на ея шеѣ и отъ моральнаго разложенія внутри нея самой. И если, тѣмъ не менѣе, удалось выйти изъ этого положенія и не застрять въ топкомъ болотѣ моральнаго упадка, то это произошло потому, что въ средѣ самихъ же русскихъ нашлись люди, сохранившіе въ себѣ здоровыя нравственныя силы, чтобы дать отпоръ разлагающимъ вліяніямъ. Нашлись и среди иностранцевъ такіе, которые выказали столько человѣчнаго участія къ бѣдствіямъ и страданіямъ людей. Сестра милосердія французскаго госпиталя Жанны д'Аркъ, не ограничиваясь тѣмъ, что заботливо ухаживала за своими ранеными, сама искала — гдѣ и какъ бы помочь людямъ, всегда съ особой привѣтливостью и добротой оказывая русскимъ всевозможныя услуги. Американецъ, еще съ Екатеринодара принимавшій участіе въ помощи русскимъ и привязавшійся къ нимъ, — теперь не оставилъ ихъ въ несчастьѣ, и сколько русской молодежи обязаны ему возможностью окончить свое образованіе! Сѣдой мулла, встрѣтивъ въ переулкѣ Стамбула такого же старика, русскаго бѣженца, въ обтрепанной одеждѣ, кладетъ ему въ руку пять лиръ и поспѣшно отходитъ, чтобы тотъ не возвратилъ ему деньги. Въ переулкахъ Галаты и на крутыхъ спускахъ у моста можно было видѣть старую женщину, пробирающуюся поздно вечеромъ. Она искала заброшенныхъ дѣтей — подъ мостомъ, въ пустыхъ дворахъ мечетей. Она ловила ихъ, часто отрывавшихся и убѣгавшихъ отъ нея, вела къ себѣ, обогрѣвала, кормила и послѣ устраивала въ пріюты. Эта старая

женщина была еврейка. Вотъ такому участію къ человѣку и обязаны русскіе своимъ спасеніемъ. Но, какъ только, къ незажившимъ ранамъ прикасалась жесткая рука политики, такъ тотчасъ творилось злое дѣло. Для французовъ тѣ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, которые были выброшены судьбою на берегъ Галлиполи, на Лемносъ и въ Константинополь явились докучливымъ осложненіемъ, отъ котораго не знали какъ отдѣлаться. Для англичанъ — антибольшевитской силой, которую нужно было ликвидировать, чтобы она не мѣшала имъ заключить выгодную сдѣлку съ большевиками. И англійскіе генералы, принимавшіе такое дѣятельное участіе въ помощи русскимъ въ арміи генерала Деникина, — теперь отворачивались отъ нихъ и оставались безучастными къ ихъ бѣдствіямъ. Для партійныхъ дѣятелей лѣваго лагеря русскіе въ Галлиполи — оказывались „врангелевцами", которыхъ нужно лишить всякой поддержки и чѣмъ скорѣе съ ними покончить, какъ съ силой реакціонной, тѣмъ лучше. И начиналась кампанія клеветы и доносовъ, направленная на разрушеніе того, что создавалось русскими въ Галлиполи съ такимъ самоотверженіемъ и съ такимъ трудомъ. Для католическихъ монаховъ, разъ возникалъ интересъ святого престола, русскіе представлялись, какъ заблудшее стадо, которое нужно было вернуть въ лоно католической церкви, и начиналось совращеніе изъ православія малолѣтнихъ дѣтей и измученныхъ, истерзанныхъ бѣдствіями несчастныхъ русскихъ людей. Для турокъ, которые такъ хорошо относились къ русскимъ, какъ только начиналось подстрекательство, русскіе превращались въ гяуровъ.

И тотъ-же добрый мулла, подававшій милостыню старику русскому, готовъ былъ призывать къ рѣзнѣ русскихъ, такъ-же какъ и армянъ.

6.

Струве, находившійся въ то время въ Парижѣ, обратился съ письмомъ къ министру-президенту Лейгу. „Армія“, писалъ Струве, „покинула Крымъ подъ давленіемъ превосходныхъ силъ непріятеля, въ увѣренности, что, оставляя свою родную землю, она не вынуждена будетъ положить оружія, но сохранитъ свою организацію въ цѣляхъ продолжать борьбу въ будущемъ. Рѣшеніе союзниковъ, угрожающее положить конецъ существованію нашей національной арміи, не можетъ не вызвать среди войскъ горячаго чувства возмущенія. Мы присоединяемся къ этому протесту со всѣми русскими патріотами и считаемъ своимъ долгомъ привлечь вниманіе правительства республики на самыя гибельныя послѣдствія принятаго рѣшенія“. Но этотъ горячій протестъ русскаго патріотическаго чувства былъ заглушенъ другими голосами изъ противоположнаго лагеря.

Уже давно лѣвая печать вела кампанію противъ бѣлаго движенія и противъ русской арміи, боровшейся въ Крыму. Партійные дѣятели эсъ-эровъ, находившіеся за-границей, въ Чешскомъ, тоже соціалистическомъ, правительствѣ и особенно въ президентѣ Масарикѣ и министрѣ Бенешѣ, нашли себѣ поддержку и покровительство. Они избрали Прагу своимъ центромъ, гдѣ и начали изданіе газеты „Воля Россіи“. Оставленіе Крыма русской арміей явилось для нихъ давно ожидаемой неизбѣжной катастрофой и не безъ злорадства они заявляли, что бѣлому движенію съ его генеральской диктатурой положенъ конецъ разъ на всегда. Въ своихъ изданіяхъ, подтасовывая сообщенія корреспондентовъ, они изображали эвакуацію изъ Крыма, какъ паническое бѣгство. „Населеніе Крыма грузилось на суда, пробивая себѣ дорогу въ порту револьверами и штыками. Число покончившихъ самоубійствомъ, сброшенныхъ и бросившихся въ море — не поддается учету“.

„Исходъ съ Юга Россіи начался еще до оставленія Деникинымъ Екатеринодара и Ростова“ писали въ „Современныхъ Запискахъ“. „Послѣ Новороссійска онъ только на время задержался: перемѣстившіеся въ Крымъ воинскія части и бѣженцы по истеченіи 8 мѣсяцевъ снова поднялись, чтобы снова бѣжать, на этотъ разъ уже за предѣлы Родины“.

И это говорилось въ моментъ нашего наивысшаго національнаго униженія, когда люди, зажатые въ тиски, съ отчаяніемъ боролись за право на уваженіе къ себѣ, за сохраненіе достоинства русскаго имени...

Какъ разъ въ это время, Милюковъ нашелъ вполнѣ подходя-

щимъ перемѣнить курсъ своей политики. „Крымская трагедія“ въ третій или въ четвертый разъ показала непригодность генеральско-диктаторскаго метода борьбы съ московскими правителями, утверждали эсъ-эры. Вслѣдъ за ними и Милюковъ призналъ, что эвакуація Крыма не временный стратегическій ходъ, удачно выполненный, а катастрофа, съ которой уходитъ въ прошлое цѣлая полоса борьбы. Объясненіе же катастрофы Милюковъ находилъ въ неразрывной связи военной диктатуры съ опредѣленной соціальной группой, не сумѣвшей отказаться ни отъ своихъ классовыхъ стремленій, ни отъ своихъ политическихъ взглядовъ, принадлежащихъ къ прошлому, а не къ будущему. Таковое рѣшеніе было принято Милюковымъ также какъ и въ вопросѣ германской оріентаціи безъ всякаго соглашенія съ своими политическими единомышленниками. Изъ среды самой кадетской партіи тотчасъ же послѣдовали возраженія на новую тактику, объявленную Милюковымъ. Въ газетѣ „Руль“, издаваемой Набоковымъ, писалось: „зарубежная русская общественность переходитъ на новыя позиціи, на которыя лѣвая часть ея перешла уже раньше, еще въ то время, когда борьба продолжалась. Трагично лишь то, безмѣрно трагично, что не могутъ послѣдовать за общественностью тѣ сотни тысячъ добровольцевъ, которые, воспринявъ прежніе, отброшенные теперь лозунги, положили свои молодыя жизни на сѣверномъ, южномъ, восточномъ и западномъ фронтахъ въ неустанной борьбѣ съ большевиками. Не менѣе мучительно думать о томъ, какія чувства должны испытывать десятки тысячъ эвакуированныхъ изъ Крыма солдатъ и бѣженцевъ и при видѣ открывшейся имъ картины русской эмиграціи, отъ нихъ отрекающейся. Но такъ, или иначе, вопросъ рѣшенъ, какъ пишетъ П. Н. Милюковъ, безповоротно даже самыми упорными сторонниками вооруженной борьбы, въ средѣ которыхъ онъ занималъ почетное мѣсто, благодаря его авторитету“.

Но все это нисколько не смущало Милюкова и онъ съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, продолжалъ отстаивать свою точку зрѣнія. И когда ему указывали, что и въ Особомъ Совѣщаніи при генералѣ Деникинѣ принимали участіе видные кадеты, какъ Астровъ, Степановъ, Федоровъ, а Долгоруковъ и Струве сотрудничали съ генераломъ Врангелемъ въ Крыму, онъ, ничуть не смущаясь, заявлялъ: „Я не скрываю отъ себя, что кадетизмъ за истекшій періодъ въ извѣстной степени испортилъ свое лицо. Но элементы будущаго у насъ есть и безъ нихъ обойтись будетъ невозможно“.

„Я полагаю“, настаивалъ Милюковъ, „что періодъ военной диктатуры конченъ. Тѣ, кто еще не убѣдился въ этомъ, поймутъ это очень скоро, черезъ небольшое количество недѣль“.

Предсказаніе Милюкова, несмотря на всю его самоувѣренность, не оправдалось.

Не только черезъ нѣсколько недѣль всѣ не усвоили точки зрѣнія Милюкова, но самъ онъ оказался лидеромъ, отъ котораго отказывается своя-же собственная партія.

Конечно, не всѣ могли съ такимъ легкимъ сердцемъ признать, что участвуя въ героической борьбѣ противъ большевиковъ, они тѣмъ самымъ „портятъ лицо кадетизма“, какъ это сдѣлалъ Милюковъ.

„Будущее принадлежитъ тѣмъ“, самоувѣренно заявилъ Милюковъ, „кто окончательно скомпрометировалъ себя въ революціи и тѣмъ неразрывно связалъ себя съ нею“.

Очевидно, что къ такимъ „скомпрометированнымъ“ людямъ Милюковъ причислялъ прежде всего самого себя, но онъ забылъ, что онъ былъ скомпрометированъ не только въ революціи, но и въ германской оріентаціи, а въ глазахъ революціонеровъ въ имперіализмѣ, когда, во время самаго разгара революціонныхъ страстей, онъ настаивалъ на завладѣніи Константинополемъ.

Но Милюковъ привыкъ считать себя звѣздой первой величины, и его ничуть не смущали ни возраженія товарищей по партіи, ни уроки прошлаго.

При большой умственной трудоспособности, Милюковъ никогда не отличался чуткостью, онъ дѣлалъ одну безтактность за другой и, сдѣлавъ, онъ тѣмъ упорнѣе защищалъ свою позицію, чѣмъ очевиднѣе была ошибка.

Онъ думалъ, что съ людьми можно обходиться, какъ съ фигурами на шахматной доскѣ, разставляя ихъ по своему усмотрѣнію и забывалъ, что политика дѣлается на человѣческой кожѣ.

Когда-то въ Екатеринодаръ, въ дни большихъ успѣховъ Добровольческой арміи, пріѣзжалъ Милюковъ на кадетскій съѣздъ, чтобы оказать поддержку генералу Деникину.

Тогда въ одной изъ газетъ была напечатана рѣзкая статья, казавщаяся несправедливостью, о томъ, что кадеты, привѣтствующіе Добровольческую армію теперь, при ея побѣдахъ, отказались бы возложить вѣнокъ на ея могилу въ случаѣ ея пораженія.

Къ счастью, не вся партія к.-д. заслужила такой рѣзкій, но справедливый отзывъ.

За Милюковымъ потянулись всѣ уставшіе, гибкіе и неустойчивые, всѣ тѣ, кто считалъ Крымъ провалившимся дѣломъ, генерала Врангеля конченнымъ человѣкомъ, и искалъ новой точки опоры; за нимъ пошли и тѣ, которые не умѣли самостоятельно идти своимъ путемъ и привыкли слѣдовать за своимъ лидеромъ.

Наконецъ, пошли и тѣ, кто былъ связанъ съ Милюковымъ узами древней дружбы и совмѣстной работы, краснѣли, но все-таки пошли.

„Революція въ Россіи совершилась“, утверждалъ Милюковъ, „хотя и въ безобразныхъ формахъ, но все-таки совершилась — это нужно признать“.

Милюковъ никогда не отличался брезгливостью, онъ могъ пить изъ мутнаго источника и утверждать, что это сладчайшій демократическій нектаръ.

Позиція Милюкова, его новая тактика, не могла не встрѣтить отпора въ русскихъ кругахъ.

Бурцевъ въ газетѣ „Общее Дѣло“ отражалъ эти общественныя теченія, противныя политикѣ Милюкова.

У Бурцева было одно драгоцѣнное свойство: онъ готовъ былъ порвать съ своими ближайшими друзьями и протянуть руку своимъ политическимъ противникамъ, разъ онъ считалъ, что правота была на ихъ сторонѣ.

Онъ не былъ связанъ никакими партійными узами.

Пасманикъ, ближайшій сотрудникъ Бурцева, выказалъ исключительное мужество, пойдя за одно съ тѣми, которыхъ считалъ виновниками еврейскихъ погромовъ.

Въ этомъ и заключалась та большая заслуга, которую они оказали русскому дѣлу въ эти тяжелые дни.

Въ противовѣсъ партіи Милюкова, стремившагося сойтись съ с.-р. и затѣвавшаго съѣздъ въ Парижѣ членовъ Учредительнаго Собранія, по инниціативѣ Гучкова, сперва въ Парижѣ, а потомъ и въ другихъ центрахъ, возникли парламентскіе комитеты, объединявшіе всѣхъ членовъ законодательныхъ учрежденій Россіи безъ различія партійнаго направленія.

Благодаря дѣйствіямъ Милюкова, стремившагося отгородить себя отъ всякихъ реакціонныхъ, по его мнѣнію, элементовъ и замкнуться только въ тѣсный союзъ съ партійной группой эсъ-эровъ, въ русскомъ обществѣ произошелъ глубокій расколъ, обезсилившій русское представительство заграницей и дискредитировавшій русскихъ въ глазахъ иностранцевъ.

Испытанный другъ Россіи, Крамаржъ, писалъ:

„Признаюсь, что рѣдко картина общественной жизни производила такое грустное и тяжелое впечатлѣніе, какъ послѣ пораженія арміи Врангеля. Вся Россія въ рукахъ большевиковъ, нигдѣ нѣтъ просвѣта, а русскіе люди заграницей не могутъ понять, что бѣдной, измученной родинѣ нужно нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ прежніе губительные лозунги и старыя дрязги, которые уже свое сдѣлали дѣло — погубили Россію и которые прежде всего надо забыть, чтобы Россію спасти.

Милліоны людей умираютъ отъ голода, тысячи гибнутъ отъ руки звѣрскихъ палачей, тысячи томятся въ изгнаніи, а русскіе заграницей спорятъ о томъ, кто имѣетъ право говорить отъ ихъ имени — думцы, или учредиловцы, или еще кто-либо другой.

Спорить сегодня о томъ, кто имѣетъ больше права говорить именемъ русскаго народа — думцы, или члены Учредительнаго Собранія съ его жалкой исторіей, которой лучше не вспоминать, совершенно излишне.

Мнѣ кажется, что право имѣютъ только тѣ, которые готовы работать, жертвовать собою и, главное, пожертвовать ради спасенія родины своими партійными лозунгами, партійной ненавистью и личными интересами и которые сумѣютъ сказать новое слово новой Россіи".

7.

Новый курсъ французской политики, стремившейся превратить русскую армію въ массу бѣженцевъ, и все дѣло помощи русскимъ сосредоточить въ рукахъ благотворительнаго комитета, съ одной стороны, и новая тактика Милюкова съ другой, шедшая какъ-разъ навстрѣчу намѣреніямъ правительства Франціи,—привели въ Константинополѣ къ ряду треній между главнымъ командованіемъ и русскими общественными организаціями.

Въ Константинопольской кадетской партіи начались споры и пререканія между сторонниками новой тактики и ея противниками.

Политическій Объединенный Комитетъ, включавшій въ свой составъ представителей различныхъ общественныхъ группъ, но руководимый своимъ бюро, преимущественно кадетскаго состава, съ Юреневымъ во главѣ, сталъ явно отступать отъ своего первоначальнаго направленія, выраженнаго въ постановленіи 15 ноября, гдѣ русскіе общественные дѣятели, безъ различія партій, заявляли, что они видятъ въ лицѣ генерала Врангеля, какъ и прежде, главу русскаго правительства и преемственнаго носителя власти, объединяющаго русскія силы, борющіеся противъ большевизма.

Теперь они стремились подчинить главнокомандующаго своему вліянію, а если власть главнокомандующаго признавалась, то только подъ условіемъ общественнаго контроля и признанія демократической программы.

Начались нападки, теперь уже не на Кривошеина и генерала Климовича, а на Пильца, какъ представителя отжившаго режима и еще на кого-то, кто внушалъ къ себѣ подозрѣніе со стороны демократическихъ круговъ въ своей реакціонности.

Конечно, въ Константинополѣ все это не могло вылиться въ явно враждебное отношеніе къ арміи, какъ это случилось въ Парижѣ и въ Прагѣ.

Въ Константинополѣ это было бы немыслимо.

Однако, нападки на главное командованіе, и заявленія, что пора отказаться отъ „крымской психологіи", и перестать вести великодержавную политику на „Лукуллѣ", показывали, что сѣмена, посѣянныя Милюковымъ, дали ростки.

Конечно, созданіе органа общественнаго представительства диктовалось всѣми условіями сложной борьбы, которую приходилось вести за русское дѣло за-границей.

Нельзя было оставлять генерала Врангеля одного съ его военнымъ штабомъ.

Но трудность заключалась въ томъ, что нелегко было образовать авторитетное въ глазахъ русскаго общественнаго мнѣнія представительство, надпартійное, объединявшее всѣхъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такое, которое не притязало бы на доминирующее значеніе въ отношеніи къ арміи и ея главнокомандующему.

Ни генералъ Врангель, ни военная среда никогда не допустили бы, чтобы армія была низведена на положеніе корпуса Булакъ-Балаховича при комитетѣ Савинкова.

Нужно было искать добросовѣстнаго соглашенія.

А между тѣмъ, этого-то и не хватало.

По примѣру Парижа, въ Константинополѣ образовался парламентскій комитетъ, включившій въ свой составъ членовъ законодательныхъ учрежденій Россіи, и уже не по примѣру Парижа, въ него вошли представители всѣхъ партій, въ числѣ 36, правые, октябристы, кадеты, народные соціалисты и двое членовъ Учредительнаго Собранія.

Парламентскій Комитетъ занялъ ту-же позицію, какъ и Парижскій, вступивъ въ рѣзкую борьбу со всѣми теченіями милюковскаго направленія.

Въ Константинополѣ началась та-же борьба, только въ ослабленномъ видѣ, какая велась въ Парижѣ.

Въ общественныхъ группахъ, организованныхъ въ отдѣльные политическіе кружки, появившихся во множествѣ въ Константинополѣ, и въ парламентскомъ комитетѣ, генералъ Врангель нашелъ общественную опору въ его борьбѣ за армію, и въ критическія минуты въ Константинополѣ всѣ общественныя организаціи умѣли объединяться и проявлять то единодушіе, какого совершенно не было въ Парижѣ.

Въ этомъ константинопольская общественность выгодно отличалась отъ парижской: она была ближе къ арміи, умѣла ее лучше понимать и не впадала въ такія чудовищныя ошибки, какія могли быть совершены только въ Парижѣ.

Вотъ почему въ Константинополѣ и могъ образоваться Русскій Совѣтъ, давшій общественное представительство безъ партійной борьбы, отдавшій свои силы на согласованную работу съ главнокомандующимъ для спасенія русской арміи.

* * *

Въ Константинополѣ образовался по иниціативѣ частныхъ лицъ цѣлый рядъ благотворительныхъ оранизацій.

Стали возникать пріюты, школы, была открыта и гимназія, дешевыя столовыя, начлежные дома, библіотеки, клубы для молодежи.

Въ бѣженскихъ лагеряхъ создавались русскіе храмы, образовывались церковные хоры, начала слагаться и приходская жизнь. Русское богослуженіе съ его церковнымъ пѣніемъ, привлекало въ храмы не только русскихъ, но и грековъ, и иностранцевъ. Русскіе постепенно стали пробивать себѣ дорогу въ чужомъ для нихъ городѣ, и сколько было проявлено терпѣнія, выносливости и настойчивости,

въ невыносимо тяжелыхъ условіяхъ существованія! Благодаря знанію языковъ, многіе получили мѣста въ банкахъ, конторахъ, магазинахъ, въ англійскихъ и французскихъ учрежденіяхъ. Появились художники-любители, исполнявшіе заказы иностранцевъ на виды Константинополя, писавшіе вывѣски магазиновъ и декораціи, кто могъ брался за сапожное, слесарное или столярное ремесло, другіе брались за ручной трудъ, копали канавы, мостили мостовыя, занимались рубкой лѣса, становились грузчиками въ портахъ, и не только солдаты и казаки, но и офицеры, не останавливались передъ ручнымъ трудомъ. Люди опростились, исполняли всю черную работу. Бывшій камеръ-юнкеръ чистилъ картошку на кухнѣ, жена генералъ-губернатора стояла за прилавкомъ, бывшій членъ государственнаго совѣта пасъ коровъ на азіатскомъ берегу, и въ высокихъ сапогахъ, и въ курткѣ появлялся на засѣданія парламентскаго комитета: всѣ обходились безъ прислуги, сами стирали, мыли полы и готовили на кухнѣ. И все это дѣлали просто, безъ ропота. Жены офицеровъ становились прачками, нанимались прислугой. Появиться въ хорошемъ костюмѣ, обѣдать въ модномъ ресторанѣ, было предосудительнымъ. Это могли позволить себѣ только спекулянты. Признакомъ порядочности были рваные сапоги и дырявые локти. Собраніе членовъ высшихъ законодательныхъ учрежденій можно было принять за сборище оборванцевъ. О комнатѣ безъ клоповъ, о мягкой постели, никто и не мечталъ. Бѣдствіе переносили легко, жаловаться было нельзя; были и такіе, кто былъ еще и въ худшемъ положеніи. Между людьми отпали всѣ перегородки и условности, и люди стали ближе другъ къ другу, помогали чѣмъ могли, и эта помощь, исходившая отъ такого же бѣдняка, принималась легко. Сколько было проявлено русской женщиной нравственныхъ силъ въ этой тяжелой борьбѣ за существованіе!

Избалованная богатствомъ, преодолѣвая въ себѣ и прирожденную гордость, и свѣтскія привычки, она бралась за тяжелый трудъ и несла его съ такимъ самоотверженіемъ и простотою.

Нелегко далась такая жизнь, но въ ней люди какъ бы перерождались, становились другими, сбросивъ съ себя то старое, что мѣшало имъ въ новыхъ условіяхъ, въ которыя они были поставлены.

Если бы кто нибудь хотѣлъ увидать уголокъ стараго, свѣтскаго Петербурга, онъ не нашелъ бы этого въ Константинополѣ; ему нужно было бы обратиться въ Парижъ. Въ Константинополѣ и слѣда не осталось отъ прошлаго. Въ пожилой женщинѣ, стряпающей на кухнѣ, моющей полы и занятой стиркой, нельзя было бы узнать прежней свѣтской графини. Въ пастухѣ коровьяго стада съ изумленіемъ можно было бы угадать бывшаго члена Государственнаго Совѣта.

Не въ Константинополѣ, а въ Парижѣ можно было увидѣть окаменѣлости бюрократическаго міра и восковыя фигуры представителей большого свѣта, въ уголкѣ яхтъ-клуба, перенесеннаго въ Парижъ, во всемъ своемъ нетронутомъ видѣ съ своими неискоренимыми навыками, съ роскошными обѣдами, съ неизжитой психоло-

гіей, съ протягиваніемъ двухъ пальцевъ людямъ другого круга, съ понятіями, нешедшими дальше того, что все должно быть возстановлено на прежнемъ мѣстѣ, какъ было, яхтъ-клубъ прежде всего, а все остальное послѣ.

Произошло изверженіе вулкана, все сожжено и погребено подъ лавой и пепломъ, а уголокъ яхтъ-клуба уцѣлѣлъ, такъ, какъ если бы все еще дѣло происходило въ залахъ роскошнаго особняка, съ его зеркальными стеклами, на большой Морской въ Петербургѣ. Уцѣлѣлъ яхтъ-клубъ, уцѣлѣли и партіи, осколки партій, но въ томъ же нетронутомъ видѣ, каковы они были и раньше въ старомъ Петербургѣ.

Въ Россіи все истреблено, разрушено, все разграблено, ничего не осталось отъ стараго дома, но партіи сохранились такъ-же, какъ и прежде, со всѣми своими программами, лозунгами, своей тактикой, своими лидерами, съ тѣми же клубными понятіями, — партія прежде всего, — а все остальное къ ней прилагательное, съ неизжитой старорежимной психологіей, съ неискоренимой ненавистью къ ненавистному правительству, какъ будто бы все еще продолжался режимъ Плеве, съ такой же неискоренимой ненавистью къ помѣщикамъ, какъ будто они все еще владѣли своими землями, а не превратились въ голодныхъ пролетаріевъ, заслуживающихъ, казалось бы, къ себѣ хотя бы нѣкотораго состраданія, все съ тѣми-же лозунгами „земля какъ воздухъ и вода“, какъ будто крестьянскія массы подъ этими самыми лозунгами не совершили всероссійскаго погрома, и не оказались хотя и съ землей, но безъ хлѣба и голодные.

Въ уголкахъ стараго Петербурга, уцѣлѣвшихъ въ Парижѣ, ничего не хотѣли замѣчать и продолжали, и думать и говорить по старому. Въ партіяхъ торжествовали, когда послѣ безконечныхъ пререканій, удавалось Ивана Ивановича, лидера кружка изъ 9 членовъ, склонить, вынести общую согласительную формулу съ Петромъ Ивановичемъ лидеромъ другого столь же многочисленнаго кружка, торжествовали побѣду, какъ будто Россія была спасена, а въ яхтъ-клубѣ многозначительно сообщали, что такой-то, былъ принятъ на завтракѣ у NN, или спорили, доказалъ ли сенаторъ К. законность правъ такого-то, какъ будто среди урагана событій, могло имѣть какое-либо значеніе завтракъ у NN, мнѣніе сенатора К., или общая резолюція двухъ партійныхъ группъ, согласившихся объединиться на новой тактикѣ.

Когда, послѣ тонкаго завтрака, за чашкой кофе, съ ликерами, съ коньякомъ, съ сырами разныхъ сортовъ, и съ фруктами среди разговора о благотворительномъ спектаклѣ, о литературной новинкѣ, и послѣдней лекціи Пуанкарэ мимоходомъ обмолвятся: „Ну что бѣдняга Врангель? Какъ! армія еще существуетъ! Развѣ не всѣ разбѣжались“, среди этихъ свѣтскихъ разговоровъ, передъ нами вставала другая картина. Развалины маленькаго города на пустынномъ берегу. Домъ всего съ тремя стѣнами, съ дырявой крышей, гдѣ ютится семья съ дѣтьми, еле прикрытая отъ дождя и вѣтра. Пожилой полковникъ, ночующій подъ перевернутой лодкой. Палатки

лагеря среди размокшей глины. Люди въ непрестанномъ трудѣ, напрягающіе силы, чтобы отвоевать себѣ мѣсто на землѣ. Приземистый, коренастый генералъ, крѣпко сложенный, твердой походкой обходитъ палатки съ ранняго утра, и люди усталые разбитые, видя его бодрый видъ и слыша его рѣшительный голосъ, вновь становятся бодрыми, выпрямляютъ спину и бодро берутся за трудъ.

Когда слышались разговоры вродѣ того, что кадетизмъ нѣсколько испортилъ свое лицо, вспоминался старый князь, въ отрепанной одеждѣ, на дырявомъ диванѣ, въ тѣсной, промерзлой коморкѣ, гдѣ-то въ закоулкахъ Новороссійска. Нордостъ врывался ураганомъ въ каменную яму, куда были брошены люди. Сыпной тифъ вырывалъ то одного, то другого изъ близкихъ людей. Разнузданные солдаты, посланные отогнать зеленыхъ, перебили своихъ офицеровъ и ушли въ горы. На вокзалѣ площадная ругань и драки между пьяными офицерами. А старый князь все съ тѣмъ же упорствомъ настаиваетъ, что нужно продолжать борьбу, идти въ Крымъ и биться до конца.

Водораздѣлъ раздѣлилъ старую отъ новой Россіи, но линія водораздѣла прошла совсѣмъ не тамъ, гдѣ ее намѣчали лидеры старыхъ партій. Произошла катастрофа, но только не въ Крыму, а въ Парижѣ.

8.

Въ серединѣ января 1921 года въ Парижѣ собрался съѣздъ членовъ Учредительнаго Собранія.

Онъ былъ обставленъ всѣмъ соотвѣтствующимъ декорумомъ, подобающимъ высокому собранію.

Высшіе представители дипломатическаго корпуса, посолъ въ Вашингтонѣ и посолъ въ Парижѣ выступали со своими заявленіями, оглашались привѣтствія, произносились рѣчи отъ лица партійныхъ организацій, устраивались соглашенія между фракціями и выносились общія резолюціи.

Корреспонденты русскихъ и иностранныхъ газетъ оповѣщали европейскія страны и Америку о дебатахъ и принятыхъ рѣшеніяхъ.

Вся внутренняя фальшь была прикрыта бутафоріей внѣшней декораціи.

По существу же съѣздъ былъ лишенъ всякаго серьезнаго значенія. Резолюціи по вопросу о признаніи иностранными державами совѣтской власти, о торговыхъ договорахъ съ большевиками, о концессіяхъ съ такимъ же успѣхомъ могли быть вынесены на всякомъ другомъ собраніи, и вѣсъ этихъ заявленій нисколько не прибавился отъ того, что вынесены они были по соглашенію между П. Н. Милюковымъ и Авксентьевымъ. съ устраненіемъ Карташева, Гучкова и представителей промышленности.

Все то же, что составляло сущность объединенія между кадетской группой Милюкова и эсъ-эрами объ отношеніи къ русской арміи и къ бѣлому движенію, было обойдено молчаніемъ, или было высказано въ столь неясныхъ выраженіяхъ, что только посвященные могли догадываться, для чего собственно созванъ съѣздъ и въ чемъ заключается та новая тактика кадето-эсэровскаго соглашенія, которая должна была пробудить живыя силы внутри России и привести къ сверженію большевизма.

Это были обычныя рѣчи и обычныя резолюціи, уснащенныя демократической банальщиной, давно пріѣвшіяся, и не только не способныя поднять упавшій духъ русскихъ, замученныхъ въ большевитскихъ застѣнкахъ, но даже хотя бы нѣсколько одушевить самихъ тридцать членовъ собранія, выступавшихъ другъ передъ другомъ со своими декларациями.

Нельзя сказать, чтобы идея созыва за-границей Учредительнаго Собранія была удачной.

Инициаторы полагали, что только они, выбранные всеобщей подачей голосовъ, могутъ представлять новую, демократическую Рос-

сію и никто другой. Они не умѣли отрѣшиться отъ прошлаго, отъ роли сыгранной ими въ революціи, отъ своей собственной психологіи. Дѣятели мартовской революціи, они все еще находились въ дурманѣ революціонныхъ лозунговъ и партійной фразеологіи и не умѣли понять всей жалкой роли, разыгранной временнымъ правительствомъ въ трагедіи русской жизни, не догадывались, что по мѣрѣ наростанія ненависти къ большевизму росло и отвращеніе къ керенщинѣ, какъ къ фальшивой прелюдіи большевизма. Они все продолжали вѣрить, что учредительное собраніе пользуется неизмѣнной популярностью въ Россіи и не умѣли понять, что обманъ темныхъ народныхъ массъ нелѣпой системой всеобщихъ выборовъ по спискамъ при участіи разнузданной солдатчины, малолѣтнихъ и деревенскихъ бабъ не могъ внушить благоговѣйныхъ чувствъ къ собранію, завершившемуся арестами, насиліями, убійствомъ и разгономъ однихъ членовъ другими.

Гораздо большее значеніе, чѣмъ резолюціи съѣзда и его декларації, имѣло появленіе на сценѣ такихъ фигуръ, какъ Керенскій и Черновъ.

Всѣмъ стало воочію и безошибочно ясно, въ чемъ заключалась новая тактика Милюкова.

Появившееся затѣмъ въ печати извѣстное письмо Чернова, разоблачающее его двусмысленное поведеніе на собраніи, гдѣ онъ, по его словамъ, ходилъ на самомъ краю пропасти, остерегаясь упасть въ кадетскую яму, и постановленіе центральнаго комитета партіи с.-р. въ Москвѣ, отвергающее всякое соглашеніе съ буржуазными партіями, явно показали, какими гнилыми нитками было сшито соглашеніе парижской группы к.-д. съ заграничной группой с.-р.

Но въ то время Милюковъ торжествовалъ побѣду; онъ оказался какъ-разъ въ своей сферѣ вынесенія декларацій, согласительныхъ формулъ и резолюцій.

Какой-то извѣстный парижскій скульпторъ выставилъ бюсты Милюкова и Керенскаго, какъ великихъ людей русской революціи, и въ газетахъ писали, что Милюковъ изображаетъ волю и мощь революціи, а Керенскій ея порывъ и пафосъ.

Происшедшее затѣмъ возстаніе въ Кронштадтѣ окрылило надеждами членовъ парижскаго совѣщанія.

Въ этомъ возстаніи они увидѣли подлинное народное движеніе, въ противоположность бѣлому, какъ реакціонному, обреченному на провалъ.

Но прошло тридцать дней, и возстаніе было подавлено.

Были подавлены также и крестьянскіе бунты, вспыхивавшіе то тутъ, то тамъ въ разныхъ концахъ Россіи.

И въ довершеніе всего постановленіе центральнаго комитета партіи эсъ-эровъ въ Москвѣ признало: „Пролетаріатъ городовъ въ настоящее время занятъ прежде всего вопросомъ прямого спасенія своей жизни отъ голодной смерти“.

„Крайне ослабленная организаціонная распыленность, усталость отъ борьбы, аполитизмъ, недовѣріе къ своимъ силамъ, — вотъ тѣ

черты, которыя къ сожалѣнію, такъ сильно запечатлѣлись въ настоящее время на лицѣ городского рабочаго. Въ трудовомъ крестьянствѣ точно также сильно подорвалась вѣра въ партіи и политическія группировки. Оно еще въ большей степени охвачено аполитическими настроеніями".

Далѣе осуждаются „стихійныя выступленія трудящихся массъ".

„П. С. Р. въ современной обстановкѣ должна рѣшительно высказаться противъ лишь разоряющихъ страну и ослабляющихъ фронтъ трудящихся стихійныхъ повстанческихъ движеній, противъ партизанщины, противъ голодныхъ бунтовъ въ городахъ" и пр.

Такимъ образомъ, ожиданіе, что изнутри Россіи подымется мощная волна народнаго негодованія, которая смететъ большевизмъ и расчиститъ путь на Москву, оказались тѣми-же тщетными надеждами, какія и раньше высказывались — „народъ придетъ", „народъ скажетъ", „народъ возьметъ", и являлись лишь свидѣтельствомъ собственной неспособности къ какимъ-либо активнымъ дѣйствіямъ.

Таковы были тѣ живыя силы, которыя думалъ объединить и возглавить Милюковъ, и которыя, будучи связаны съ революціей, заключали въ себѣ все будущее Россіи.

Теперь, когда все это стало достояніемъ исторіи, и вся несостоятельность новой тактики Милюкова столь явно обнаружилась, многіе изъ участниковъ парижскаго совѣщанія, по всей вѣроятности, не стали бы слишкомъ настаивать, чтобы въ ихъ біографіяхъ было упомянуто о тѣхъ дняхъ, когда они выступали со своими заявленіями въ парижскомъ собраніи въ январѣ 1921 года.

Струве и Бернацкій въ Парижѣ принимали всѣ мѣры къ образованію внѣпартійнаго комитета для завѣдыванія дѣломъ помощи русскимъ, согласно настоянію французскаго правительства.

Финансовые круги уклонялись отъ участія въ томъ дѣлѣ, которое не обѣщало ничего, кромѣ тяжелой отвѣтственности, безконечныхъ нареканій и непріятностей.

Только въ началѣ января удалось, наконецъ, составить т. н. дѣловой комитетъ изъ представителей арміи, финансоваго союза, банковскихъ дѣятелей, Краснаго Креста, городского и земскаго союзовъ.

Комитетъ этотъ, однако, не встрѣтилъ сочувствія во французскомъ правительствѣ, т. к. оно не было склонно считаться съ представительствомъ русской арміи, и въ вопросѣ о ликвидаціи имущества, полученнаго отъ генерала Врангеля, держалось своихъ особыхъ взглядовъ, идущихъ вразрѣзъ со взглядами комитета.

Комитетъ въ своей деклараціи, поданной французскому правительству, опредѣленно выступилъ въ защиту русскихъ интересовъ и противъ присвоенія иностранцами русскаго имущества, находившагося въ ихъ рукахъ.

Съ пріѣздомъ въ Парижъ Бахметева, посла временнаго правительства въ Америкѣ, дѣло приняло сразу другой оборотъ.

2 февраля 1921 г. находившіеся въ Парижѣ Гирсъ, Маклаковъ и Бахметевъ при участіи Бернацкаго собрали совѣщаніе, на которомъ было признано, что армія генерала Врангеля потеряла свое международное значеніе и южно-русское правительство съ потерей территоріи, естественно прекратило свое существованіе.

При всей желательности сохраненія самостоятельной русской арміи съ національно-политической точки зрѣнія разрѣшеніе этой задачи встрѣчается съ непреодолимыми затрудненіями финансоваго характера.

Все дѣло помощи бѣженцамъ надлежитъ сосредоточить въ вѣдѣніи какой либо одной организаціи.

По мнѣнію совѣщанія, такой объединяющей организаціей долженъ быть земско-городской комитетъ помощи бѣженцамъ.

Единственнымъ органомъ, основаннымъ на идеѣ законности и преемственности власти, объединяющимъ дѣйствія отдѣльныхъ агентовъ, можетъ явиться совѣщаніе пословъ.

Въ силу этого и было принято рѣшеніе образовать въ Парижѣ подъ предсѣдательствомъ старшины дипломатическаго представительства М. Н. Гирса совѣщаніе пословъ съ устраненіемъ представи-

тельства главнаго командованія, съ финансовымъ комитетомъ, при участіи Бернацкаго, отказавшагося къ тому времени отъ представительства русской арміи, и кн. Львова въ качествѣ уполномоченнаго земско-городского союза.

Что же представлялъ собою земско-городской союзъ, этотъ единственный органъ общественнаго представительства, съ которымъ считалось посольское совѣщаніе, включивъ его предсѣдателя, князя Львова, въ свой составъ?

Въ Парижѣ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ было организовано частное общество, занявшееся дѣломъ самопомощи, пріобрѣвшее типографію для своихъ изданій и т. д.

Общество это называлось Земско-Городскимъ Объединеніемъ; въ его составъ входили всѣ земскіе и городскіе дѣятели, выбранные на послѣднихъ выборахъ прямой подачей голосовъ, всѣ-же остальные земскіе дѣятели, т. н. цензовики, допускались только по баллотировкѣ.

Вотъ это-то Объединеніе, возглавляемое кн. Львовымъ, и явилось инціативной группой, созвавшей въ Парижѣ, въ концѣ января, съѣздъ организацій земскаго союза и городского союза, дѣствовавшихъ въ то время за границей въ Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, Константинополѣ, Берлинѣ и другихъ городахъ.

Наканунѣ созыва съѣзда, въ общество, именуемое Земско-Городскимъ Объединеніемъ, были выбраны Милюковъ и Керенскій, съ цѣлью, очевидно, подчеркнуть полную аполитичность.

На съѣздѣ былъ выбранъ Земско-Городской Комитетъ помощи бѣженцамъ, какъ было объявлено въ газетахъ, являющійся единственно полномочной за границей центральной организаціей.

Въ составъ комитета были выбраны 30 членовъ.

Все это были имена, за исключеніемъ, трехъ или четырехъ, совершенно неизвѣстныя земской Россіи, а имена-же Винавера, Минора, Рубинштейна, Коновалова и прочихъ явно свидѣтельствовали, что подборъ людей въ Земско-Городской Комитетъ дѣлался вовсе не по признаку заслуженнаго авторитета въ земской средѣ, а по совершенно иному основанію, а именно по скомпрометтированности въ революціи, какъ говорилъ Милюковъ.

Такимъ образомъ, подъ флагомъ Земско-Городского Комитета, возглавляемаго кн. Львовымъ, укрылась группа лицъ, использовавшая вывѣску чужого заслуженнаго имени для своихъ собственныхъ цѣлей.

Кн. Львовъ, такъ-же какъ и во время своего злосчастнаго предсѣдательствованія во временномъ правительствѣ, оказался во главѣ и вновь подъ контролемъ, такъ называемой, революціонной демократіи.

Былъ сдѣланъ общественный подлогъ, было пріобрѣтено расположеніе американскаго и французскаго общественнаго мнѣнія, но съ русскимъ обществомъ не сочли нужнымъ считаться.

Что значило русское общественное мнѣніе?

Вѣдь русскіе были признаны бѣженской массой, ничего незна-

чущей величиной въ глазахъ демократическихъ верховъ, къ тому же реакціонно настроенной, а въ силу этого и незаслуживающей никакого вниманія.

Такъ сложился высшій органъ попеченія о русскихъ за границей, якобы аполитичный, въ дѣйствительности же находившійся подъ контролемъ политической группы лѣваго направленія, хозяйственный органъ, стоившій на свое содержаніе значительныхъ суммъ, расходовавшій средства по своему усмотрѣнію съ полнымъ игнорированіемъ арміи.

Этотъ органъ попеченія о русскихъ бѣженцахъ, созданный по настоянію французскаго правительства, не могъ пользоватся довѣріемъ въ русской средѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не пріобрѣлъ и авторитета въ глазахъ иностранцевъ. Пожертвованія на нужды русскаго бѣженства не притекали въ кассу Земско-Городского Комитета, а армія, благодаря такому направленію политики, была оставлена безъ поддержки и безъ средствъ.

Быть можетъ, въ той обстановкѣ, которая сложилась въ Парижѣ, при вздутыхъ демократическихъ настроеніяхъ, господствовавшихъ въ то время, и трудно было создать какой-либо иной органъ русскаго представительства за границей, но всѣ тѣ, кто былъ связанъ съ арміей, не могли не почувствовать, что вслѣдъ за лѣвой общественностью и посольское совѣщаніе отвернулось отъ арміи и сдѣлано это было подъ давленіемъ иностранной державы, въ то самое время, когда съ такимъ отчаяніемъ армія боролась за свое существованіе.

10.

Мысль о созданіи единаго центра русскаго представительства за границей возникла тотчасъ-же послѣ оставленія Крыма русской арміей.

Однако, попытки осуществленія такого національнаго объединенія въ Парижѣ, на подобіе чешскаго и польскаго во время міровой войны, потерпѣли крушеніе, выродившись въ рядъ враждующихъ между собою отдѣльныхъ групповыхъ представительствъ: Учредительнаго Собранія, Парламентскаго, Земскаго, Торгово-промышленнаго, а впослѣдствіи правыхъ монархическихъ организацій и Національнаго Союза.

Получился разбродъ, а не единство.

Необходимость созданія общественнаго центра, находящагося въ связи съ арміей, сознавалась въ Константинополѣ и получила свое выраженіе въ образованіи Русскаго Совѣта, состоявшаго изъ выборныхъ представителей отъ парламентскихъ комитетовъ, земскихъ и городскихъ организацій, торгово-промышленныхъ и финансовыхъ круговъ, а такъ-же изъ лицъ, приглашенныхъ главнокомандующимъ.

Хотя въ Константинополѣ борьба за армію, полная трагизма, происходила на виду у всѣхъ, тѣмъ не менѣе только по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ преодолѣніемъ многихъ треній, удалось, наконецъ, организовать и открыть Русскій Совѣтъ.

Тренія эти происходили потому, что и въ Константинопольской общественной средѣ были теченія, если не враждебныя по отношенію къ арміи и къ ея главнокомандующему, то и не такія, которыя могли бы слиться въ одно русло.

Пережитки прошлаго, интеллигентская отчужденность отъ арміи и военной среды, наконецъ, роль, сыгранная нѣкоторыми въ революціи, отталкивали ихъ отъ сближенія съ военными кругами.

Психологія такихъ общественныхъ дѣятелей двоилась.

Они признавали армію, но что они больше признавали — армію или т. н. завоеванія революціи — оставалось невыясненнымъ; ихъ непреодолимо тянуло къ лѣвымъ теченіямъ, болѣе родственнымъ для нихъ, и отталкивало отъ того, гдѣ имъ мерещились правыя настроенія.

Однихъ обольщало то, что другимъ было ненавистно.

Значительное же большинство, какъ и всегда, въ своемъ поведеніи руководилось тѣмъ, гдѣ можно лучше устроиться, и психологію свою приспособляло къ создавшейся обстановкѣ.

А такъ какъ въ это время, подъ давленіемъ французскаго пра-

вительства, уклонъ совершился въ сторону земско-городской организаціи, державшей въ своихъ рукахъ денежныя средства и назначенія на мѣста, и, напротивъ, быть на сторонѣ арміи — значило подвергать себя ударамъ, то естественно, что большинство предпочитало держаться въ сторонѣ отъ центра напряженной борьбы и не становилось опредѣленно ни на ту, ни на другую сторону.

И если въ Константинополѣ, тѣмъ не менѣе, создалось общественное представительство, всецѣло ставшее на сторону арміи, то произошло это потому, что нашлись такіе люди изъ русской общественной среды, которые были связаны съ арміей кровными узами, сжились и сроднились съ нею.

Они и образовали то крѣпкое ядро, вокругъ котораго сгруппировался Русскій Совѣтъ.

Конечно, Русскій Совѣтъ не оправдалъ ожиданій тѣхъ, которые надѣялись найти въ немъ центръ русскаго національнаго объединенія за границей.

Онъ и не могъ сдѣлаться такимъ центромъ.

Константинополь былъ слишкомъ удаленъ отъ Парижа, гдѣ разрѣшались всѣ вопросы международной политики, печать находилась подъ строгой цензурой оккупаціонныхъ властей; наконецъ, многіе изъ членовъ Русскаго Совѣта, проживая въ другихъ странахъ Западной Европы, не могли принимать въ немъ участія, и по необходимости Русскій Совѣтъ замкнулся въ сравнительно тѣсный кругъ Константинополя.

И тѣмъ не менѣе Русскій Совѣтъ, несмотря на всѣ затрудненія, сыгралъ значительную роль въ дѣлѣ организаціи русскаго общественнаго мнѣнія за границей. Такого центра, въ которомъ объединялись бы самыя различныя политическія направленія, не сложилось ни въ Парижѣ, ни въ Берлинѣ; онъ сложился только въ Константинополѣ. Никогда и тѣни партійнаго разногласія не замѣчалось въ засѣданіяхъ Русскаго Совѣта. А тамъ сидѣли рядомъ другъ съ другомъ Г. А. Алексинскій, наводившій ужасъ своими выступленіями во 2-ой Государственной Думѣ, и Шульгинъ, бросившій обвиненіе къ сидѣвшимъ на лѣвыхъ скамьяхъ той же 2-ой Думы, „не принесли ли они съ собой въ карманахъ бомбы“, князь П. Долгоруковъ, представитель к.-д. партіи, одно имя котораго было ненавистно для правыхъ, и правые В. П. Шмитъ и гр. Уваровъ, къ которымъ столь же враждебно относились въ к.-д. кругахъ, товарищами предсѣдателя были—И. П. Алексинскій, народный соціалистъ, и правый—гр. Мусинъ-Пушкинъ. Соединить всѣхъ на одну дружную работу при такой злобной партійности, которая раздирала русское общество, можно было только благодаря тому, что члены Русскаго Совѣта подчинялись высшей задачѣ — служенію русской арміи. И въ этой работѣ, которой всѣ одинаково были преданы, партійныя разногласія смолкали.

Въ политической борьбѣ, въ отстаиваніи русской арміи, какъ противъ нападокъ лѣвыхъ, такъ и противъ иностраннаго посягательства, Русскій Совѣтъ оказалъ всю свою поддержку обществен-

наго представительства Главнокомандующему. Въ этой тяжелой борьбѣ армія не была оставлена одна. Въ то время, какъ другія партійныя организаціи стремились подчинить своему вліянію армію, сдѣлать изъ нея орудіе своихъ партійныхъ достиженій, только Русскій Совѣтъ, въ своей согласованной работѣ съ Главнокомандующимъ, сумѣлъ осуществить единство общественныхъ силъ и представительства арміи, столь необходимаго при полномъ разладѣ въ русской эмиграціи.

11.

Милюковъ досталъ деньги отъ тѣхъ парижскихъ круговъ, которые считали нужнымъ поддерживать демократическую политику, сводившуюся, въ сущности, не къ борьбѣ съ большевизмомъ, а къ противодѣйствію бѣлому движенію, изъ опасенія, какъ бы борьба противъ большевиковъ не привела къ возстановленію стараго строя съ его полицейскимъ режимомъ, притѣсненіями евреевъ, инородцевъ и пр.

Вмѣстѣ съ Винаверомъ онъ сталъ издавать „Послѣднія Новости" и получилъ, такимъ образомъ, въ свои руки органъ печати въ Парижѣ.

Изо дня въ день въ газетѣ писались статьи, дискредитировавшія армію и главнокомандующаго, помѣщались обличительныя замѣтки и разоблаченія за подписью цѣлаго ряда именъ офицеровъ, совершенно такъ-же, какъ это послѣ дѣлалось въ смѣновѣховскихъ изданіяхъ, сообщались свѣдѣнія, полученныя изъ французскихъ источниковъ и оказавшіяся затѣмъ ложными, о томъ, напримѣръ, что генералъ Врангель сложилъ съ себя власть и главное командованіе, и оставилъ армію и т. д.

Словомъ, это была работа упорная и послѣдовательная надъ разложеніемъ арміи, работа тѣмъ болѣе пагубная, что она шла какъ-разъ въ руслѣ французскихъ правительственныхъ стремленій отдѣлаться такъ или иначе отъ русской арміи.

Во главѣ французскаго правительства всталъ политическій дѣлецъ Бріанъ. Онъ очень скоро подпалъ подъ вліяніе Ллойдъ-Джорджа, обольщенный блескомъ таланта британскаго премьера.

Правда, въ правительственномъ заявленіи Бріана въ первый разъ съ парламентской трибуны были признаны заслуги русской арміи въ міровой войнѣ, но это нисколько не помѣшало новому министерству принимать такія мѣры противъ послѣднихъ остатковъ той-же русской арміи, которыя совсѣмъ не вязались съ чувствомъ благодарности за помощь, оказанную для спасенія Парижа.

Французская политика пошла на поводу у Ллойдъ-Джорджа, а этому послѣднему русскія военныя части на берегу Босфора мозолили глаза, служа помѣхой для заключенія торговой сдѣлки съ большевиками.

Въ январѣ мѣсяцѣ ушелъ командующій оккупаціоннымъ корпусомъ генералъ Нейрталь-де-Бургонь, оставившій по себѣ самую лучшую память среди русскихъ.

Онъ уѣхалъ во Францію на свою ферму, о которой всегда мечталъ, тяготясь разлукой съ родиной.

Его замѣнилъ штабной генералъ Шарпи — полная противоположность своему доброму и сердечному предшественнику.

Сухой, раздражительный въ обращенiи Шарпи былъ точнымъ, до педантизма, исполнителемъ предписанiй своего начальства и строгимъ, взыскательнымъ начальникомъ въ отношенiи къ своимъ подчиненнымъ.

Къ нему перешло дѣло русскаго бѣженства и военныхъ контингентовъ, и онъ проявилъ все безсердечiе штабнаго бюрократизма въ такомъ вопросѣ, гдѣ болѣзненно ощущалось тысячами людей каждое жестокое прикосновенiе къ незажившимъ ранамъ.

Но какое дѣло было французскому генералу до страданiй людей, разъ бумага за № должна была быть исполнена.

14 января былъ изданъ совершенно секретный приказъ, подписанный Шарпи, ясно характеризовавшiй какъ самаго человѣка, такъ и то направленiе, въ которомъ онъ намѣренъ былъ вести русскiя дѣла.

Приказъ этотъ объяснялъ, что одной изъ главныхъ задачъ въ настоящее время является возможно скорѣйшая эвакуацiя на постоянное жительство русскихъ бѣженцевъ, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, и далѣе содержалъ въ себѣ предписанiе комендантамъ лагерей тѣхъ мѣръ, какiя должны быть приняты для осуществленiя этой цѣли.

Въ концѣ приказа уже откровенно признавалось, что при проведенiи этихъ мѣръ нужно лишь стремиться, чтобы не очень рѣзко противодѣйствовать распоряженiямъ русскаго командованiя, которое, по словамъ приказа, имѣетъ намѣренiе задерживать русскихъ въ рядахъ армiи „путемъ убѣжденiя, интригъ и даже насилiй", „такъ какъ намъ дѣйствительно необходимо, чтобы русское командованiе сохраняло извѣстный авторитетъ для того, чтобы помочь намъ поддержать порядокъ и дисциплину, но при условiи, если этотъ авторитетъ не препятствовалъ бы намъ въ дѣлѣ эвакуацiи бѣженцевъ".

Съ этого дня и началась та недостойная политика подтачиванiя и развала русской армiи, которая такъ соотвѣтствовала намѣренiямъ большевиковъ.

И соучастникомъ такой политики явился Милюковъ со своими „Послѣдними Новостями".

Для Милюкова нужно было свалить генерала Врангеля, какъ политическаго противника точно такъ-же, какъ для Ллойдъ-Джорджа нужно было ликвидировать русскiя военныя части въ окрестностяхъ Константинополя для цѣлей своей политики, а для Брiана — чтобы удобнѣе сойтись съ Ллойдъ-Джорджемъ въ вопросѣ о германскихъ платежахъ.

И никому изъ нихъ не было дѣла до живыхъ людей съ ихъ человѣческими чувствами, страданiями и несчастьемъ.

На совѣщанiи съ представителями константинопольскаго парламентскаго комитета генералъ Врангель говорилъ:

„Я ушелъ изъ Крыма съ твердой надеждой, что мы не вынуждены будемъ протягивать руку за подаянiемъ, а получимъ помощь

отъ Франціи, какъ должное, за кровь, пролитую въ войнѣ, за нашу стойкость и вѣрность общему дѣлу спасенія Европы. Правительство Франціи, однако, приняло другое рѣшеніе. Я не могу не считаться съ этимъ и принимаю всѣ мѣры, чтобы перевести наши войска въ славянскія земли, гдѣ они встрѣтятъ братскій пріемъ.

Конечно, я не могу допустить роспуска русской арміи. Но никакихъ насильственныхъ мѣръ для задержанія людей въ военныхъ лагеряхъ я не принимаю. Если и есть полицейскія мѣры запрещенія въѣзда въ Константинополь, то онѣ принимаются союзными властями для огражденія отъ чрезмѣрнаго наплыва безработныхъ.

Я вовсе не хочу во что-бы то ни стало задерживать людей въ арміи. Но я не хочу, чтобы люди уходили изъ арміи, проклиная свое прошлое, съ чувствомъ досады и раздраженія, махнувъ на все рукой, я хочу, чтобы они навсегда сохранили съ арміей свою связь, всегда чувствовали, что они принадлежатъ арміи и готовы войти въ ея ряды, какъ только явится возможность".

Въ Константинополѣ появились уже большевитскіе агенты, торговая миссія открыла свое отдѣленіе при покровительствѣ англичанъ. И тотчасъ-же почувствовалось ихъ тлетворное вліяніе на русскую среду; соблазнъ крупныхъ барышей отъ доставки товаровъ на югъ Россіи уже сталъ охватывать торговые круги Константинополя.

То одинъ, то другой соблазнялся коммерческимъ разсчетомъ и забѣгалъ въ большевитскую контору.

Зараза стала охватывать людей. Моральная болѣзнь — потеря сознанія, что можно и чего нельзя, честнаго и безчестнаго.

Стали появляться и агенты, пропагандировавшіе, возвращеніе на родину русскихъ бѣженцевъ.

Нѣкто Серебровскій переманивалъ людей на работы въ Баку, соблазняя высокимъ заработкомъ.

И французскія власти, такъ-же, какъ и англичане, не постѣснялись воспользоваться услугами такихъ большевитскихъ агентовъ, лишь-бы снять со своего пайка какъ можно больше ртовъ.

По всѣмъ бѣженскимъ лагерямъ развивалась пропаганда возвращенія въ Россію.

Въ январѣ мѣсяцѣ французское командованіе приняло рѣшеніе переселить донской корпусъ изъ раіона Чаталджи на островъ Лемносъ. Казаки уже устроились на отведенномъ имъ мѣстѣ, разселились въ землянкахъ и палаткахъ, и своимъ трудомъ обставили вполнѣ сносно свое жилье. Имъ не хотѣлось переѣзжать на островъ Лемносъ, памятный еще по первой англійской эвакуаціи послѣ Новороссійска, когда русскіе вымирали тамъ цѣлыми семьями. Къ тому же было получено извѣстіе, что съ перваго февраля французы прекращаютъ выдачу пайка. Несмотря на настоятельныя указанія генерала Врангеля, Шарпи все-таки упрямо настоялъ на своемъ и издалъ отъ себя приказъ о выселеніи казаковъ изъ Чаталджи. Послѣдствія тотчасъ же сказались. Казаки съ оружіемъ въ рукахъ, лопатами и кольями разогнали присланныхъ чернокожихъ французскихъ солдатъ и съ обѣихъ сторонъ оказались раненые.

Только тогда французскія власти поняли свою ошибку и обратились къ генералу Врангелю, прося его отдать приказъ казакамъ о переселеніи на островъ Лемносъ.

Приказу главнокомандующаго донцы подчинились и переѣздъ на Лемносъ совершился въ полномъ порядкѣ.

Однако, политика французскаго командованія не измѣнилась. Въ началѣ февраля комендантами лагерей были сдѣланы объявленія о записи желающихъ возвратиться въ Совѣтскую Россію. При этомъ распространялись свѣдѣнія о принятыхъ якобы французскимъ правительствомъ мѣрахъ получить для нихъ отъ совѣтовъ гарантію ихъ личной безопасности, вмѣстѣ съ тѣмъ для понужденія къ выселенію всюду были вывѣшены объявленія, что выдача пайка должна въ ближайшее время прекратиться, такъ какъ Франція не можетъ безъ конца держать русскихъ на своемъ продовольствіи. Понятно, какое дѣйствіе на людей, измученныхъ и полуголодныхъ, должны были производить подобныя заявленія французскихъ властей.

Изъ числа бѣженцевъ, пожелавшихъ выѣхать, оказалось свыше 1500 человѣкъ и столько же изъ строевыхъ казачьихъ частей.

Первая отправка въ Новороссійскъ состоялась въ серединѣ февраля.

Въ тѣхъ же числахъ штабомъ французскаго оккупаціоннаго корпуса было доведено до свѣдѣнія главнокомандующаго и одновременно сообщено комендантамъ лагерей для освѣдомленія русскихъ о сдѣланномъ Бразиліей предложеніи принять желающихъ туда эмигрировать. Въ сообщеніи указывалось, что штатъ Санъ-Паоло объявилъ французскому правительству о своемъ желаніи принять до 10.000 русскихъ переселенцевъ. Эмигрирующимъ предполагалось предоставить средства на переѣздъ, землю для колонизаціи, денежные авансы для начала работъ. Въ дальнѣйшемъ штатъ С.-Паоло высказывалъ готовность принять и вторую партію такой же численности.

Сообщенія эти оказались лживыми. Никакой гарантіи личной безопасности для возвращающихся на родину со стороны Совѣтскаго правительства дано не было. Первая же партія, прибывшая въ Новороссійскъ, была подвергнута жестокимъ насиліямъ, о чемъ извѣстили нѣсколько казаковъ, бѣжавшихъ и возвратившихся оттуда въ Константинополь.

Точно такъ же и въ Бразилію русскіе вовсе не принимались въ качествѣ земледѣльцевъ-колонистовъ съ надѣленіемъ землей, а какъ рабочіе, закабаленные кофейнымъ плантаторамъ штата Санъ-Паоло.

Уже съ лѣта въ Россіи обнаружился страшный голодъ, доведшій людей до пожиранія труповъ и человѣческаго мяса, а въ Бразиліи русскіе оказались запроданными, какъ негры, плантаторамъ. Ясно, какое бережное отношеніе къ людямъ, отдавшимъ себя подъ покровительство Франціи, выказали французскія власти.

Въ сложномъ механизмѣ парламентской машины, въ ожесточенной борьбѣ партій, среди криковъ прессы и шума Парижа, что значила судьба нѣсколькихъ тысячъ русскихъ, обреченныхъ на голодную смерть или на рабство.

Вѣдь они были ничтожной величиной въ сложнѣйшихъ проблемахъ европейскаго мира. И могъ ли удѣлить имъ вниманіе Бріанъ.

И развѣ способенъ былъ проявить участіе къ людямъ генералъ Шарпи, когда онъ имѣлъ передъ собою точное предписаніе за № и подписью своего начальства, а подчиненные генерала Шарпи развѣ осмѣлились бы когда-нибудь не исполнить то, что имъ приказано. Они были бы немедленно удалены со службы. И генералъ Бруссо, комендантъ на островѣ Лемносъ, въ своей исполнительности дошелъ до предѣловъ жестокости къ тѣмъ самымъ людямъ, съ которыми онъ былъ въ самыхъ близкахъ отношеніяхъ въ штабѣ русскаго верховнаго главнокомандующаго во время міровой войны.

И появилась ли хотя слабая краска стыда у издателей „Послѣднихъ Новостей". Ничуть, они продолжали вести свою линію и заслужили одобреніе министра-президента Бріана, ссылавшагося на ихъ мнѣніе, какъ серьезныхъ политиковъ, въ подкрѣпленіе своего отношенія къ русской арміи.

Въ первой половинѣ марта Верховный комиссаръ Франціи поставилъ главнокомандующаго въ извѣстность о рѣшеніи французскаго правительства отправить въ Совѣтскую Россію новую партію 3—3 съ половин. тысячи человѣкъ и желаніи его усилить эвакуацію русскихъ изъ лагерей. При этомъ онъ увѣдомлялъ, что правительство республики стоитъ передъ рѣшеніемъ прекратить въ ближайшее время всякую матеріальную поддержку русскимъ.

Съ этого времени французское командованіе начинаетъ оказывать настойчивое давленіе, въ цѣляхъ заставить главнокомандующаго подчиниться требованіямъ французскаго правительства.

14 марта генералъ Пелле, верховный комиссаръ Франціи, смѣнившій г. де-Франсъ, сообщая главнокомандующему о полученномъ имъ телеграфномъ предписаніи отъ своего правительства принять всѣ мѣры къ тому, чтобы новая партія для возвращенія въ Одессу была безотлагательно отправленна, приводитъ въ текстѣ содержаніе этой телеграммы: въ ней правительство республики увѣдомляло, что оно стоитъ передъ необходимостью въ короткое время прекратить безплатное снабженіе пайкомъ русскихъ бѣженцевъ. „Послѣдніе должны быть предупреждены, что они должны выбирать между тремя слѣдующими рѣшеніями: 1) вернуться въ Россію, 2) эмигрировать въ Бразилію, 3) выбрать себѣ работу, которая могла бы содержать ихъ".

Такія требованія министерства Бріана не могли быть объяснены только вопросомъ денежнаго разсчета. Количество людей, находившихся на французскомъ пайкѣ, значительно уже сократилось: болѣе двадцати тысячъ было уже вывезено въ Сербію. Велись переговоры о переѣздѣ и остальныхъ въ славянскія земли. Наконецъ для покрытія своихъ расходовъ правительство республики взяло себѣ значительныя цѣнности, заключавшіеся въ торговыхъ судахъ и въ другомъ имуществѣ, свыше чѣмъ на сто милліоновъ франковъ.

Передъ русскими въ самой категорической формѣ ставилось требованіе по телеграфу погибать отъ голода, возвращаться къ

большевикамъ или ѣхать въ Бразилію. Такое отношеніе французскихъ властей вызвало глубокое возмущеніе.

„Если французское правительство настаиваетъ на уничтоженіи русской арміи въ такомъ порядкѣ“, заявилъ генералъ Врангель верховному комиссару, „то единственный выходъ перевести всю армію съ оружіемъ въ рукахъ на побережье Чернаго моря, чтобы она могла бы, по крайней мѣрѣ, погибнуть съ честью“.

Въ генералѣ Врангелѣ французскія власти видѣли главное препятствіе для осуществленія своихъ плановъ, и они начали рядъ мѣръ, чтобы изолировать его отъ арміи, запрещали разсылку приказовъ главнокомандующаго къ войскамъ, мѣшали его поѣздкамъ въ военные лагери, не выпускали генерала Врангеля и начальника штаба ген. Шатилова изъ Константинополя, наконецъ предложили ему поѣхать въ Парижъ, по приглашенію французскаго правительства.

На это послѣднее предложеніе генералъ Врангель отвѣтилъ, что онъ готовъ ѣхать въ Парижъ, но подъ условіемъ, чтобы отправка людей изъ военныхъ лагерей въ Совѣтскую Россію и въ Бразилію была пріостановлена до его возвращенія и чтобы ему былъ гарантированъ свободный, обратный проѣздъ въ Канстантинополь.

Генералъ Пелле не могъ понятно согласиться на выставленныя условія, онъ заявилъ, „разсредоточеніе арміи является настолько необходимымъ, что не терпитъ никакой отсрочки“.

Наступили тревожные дни. Ходили слухи, что французскія власти намѣрены арестовать генерала Врангеля.

Войска волновались, готовыя съ оружіемъ въ рукахъ идти на Константинополь въ случаѣ насилія надъ главнокомандующимъ. 22 марта, въ годовщину того дня, когда генералъ Врангель сталъ во главѣ русской арміи, онъ обратился съ приказомъ къ войскамъ: „Нынѣ новыя тучи нависли надъ нами... Съ неизмѣнной, непоколебимой вѣрой, какъ годъ тому назадъ, я обѣщаю вамъ съ честью выйти изъ новыхъ испытаній. Всѣ силы ума и воли я отдаю на службу арміи. Офицеры и солдаты, армейскій и казачьи корпуса, мнѣ одинаково дороги. Какъ въ тяжелые дни оставленія родной земли, никто не будетъ оставленъ безъ помощи. Въ первую очередь она будетъ подана наиболѣе нуждающимся. Какъ годъ тому назадъ, я призываю васъ крѣпко сплотиться вокругъ меня, помятуя, что въ нашемъ единеніи — наша сила“.

Въ двадцатыхъ числахъ марта генералъ Бруссо, комендантъ острова Лемноса, исполняя приказаніе командира оккупаціоннаго корпуса Шарпи, потребовалъ, чтобы немедленно былъ данъ отвѣтъ, какой изъ трехъ выходовъ выбирается русскими изъ ихъ положенія.

Для опроса, въ лагери были посланы французскіе офицеры съ воинскими командами и было заявлено, что тѣ, кто будетъ пытаться посягнуть на свободу рѣшенія, будетъ отвѣчать передъ французской властью.

Пароходъ стоялъ у пристани и три тысячи человѣкъ, навербованныхъ въ такомъ порядкѣ, подъ угрозою, должны были немедленно сложить свои вещи и отправиться въ Одессу.

Вечеромъ въ комнатѣ русскаго посольства собрались общественные представители всѣхъ русскихъ организацій въ Константинополѣ. Они были вызваны генераломъ Врангелемъ. Генералъ Фостиковъ, только что пріѣхавшій съ острова Лемноса, съ волненіемъ разсказывалъ, какими грубыми сценами сопровождалась вербовка людей для отправки ихъ въ Одессу; какъ на лагерь кубанцевъ во время опроса были наведены пушки съ французскихъ миноносцевъ, какимъ оскорбленіямъ подвергались русскіе офицеры, какъ французская команда прикладами отгоняла ихъ отъ солдатъ, чтобы они не мѣшали французамъ дѣлать ихъ дѣло, какъ многіе были насильно посажены на пароходъ и бросались за бортъ, вплавь достигая берега, лишь бы не быть вывезенными въ Совдепію.

Его слова произвели глубокое впечатлѣніе. Постоянно, въ повседневной жизни, русскіе подвергались оскорбленіямъ, и каждый почувствовалъ въ этихъ новыхъ грубыхъ выходкахъ французскихъ властей уничтоженіе своего достоинства, какъ русскаго.

Никогда французы не осмѣлились-бы такъ поступить ни съ сербами, ни съ греками, ни съ румынами, а русскихъ можно было прикладами ружей, при помощи чернокожихъ, загонять въ загонъ, и отправлять въ трюмахъ пароходовъ, какъ стадо барановъ, подъ большевитскій ножъ.

Всѣ были взволнованы. Поздно ночью разошлось совѣщаніе. Было принято рѣшеніе немедленно обратиться съ протестомъ ко всѣмъ верховнымъ комиссарамъ въ Константинополѣ, къ французскому правительству, а къ сербскому и болгарскому народамъ съ просьбой дать русскимъ пріютъ въ своихъ земляхъ.

Въ протестѣ, поданномъ французскому верховному комиссару, парламентскій комитетъ заявлялъ:

„Мы не можемъ оставаться спокойными зрителями, когда на нашихъ глазахъ изъ нашей среды вырывается нѣсколько тысячъ человѣкъ, чтобы бросить ихъ въ руки нашихъ злѣйшихъ враговъ.

Вы утверждаете, что отправляются тѣ, кто добровольно выразилъ желаніе возвратиться въ Россію. Но о какомъ же добровольномъ согласіи можетъ идти рѣчь, когда людямъ предложили на выборъ, умереть-ли съ голоду на пустынномъ островѣ или садиться на пароходъ, когда ихъ принуждали къ немедленному рѣшенію вооруженныя команды и на лагерь были наведены орудія и пулеметы съ военныхъ судовъ. Мы заявляемъ Вамъ, что казаки, отправляемые Вами въ одесскій портъ, обречены на голодъ, на месть со стороны большевиковъ или, что для насъ ужаснѣе всего, — на принудительное поступленіе въ ряды красной арміи.

Долгъ и честь франко-русской дружбы, кровь, совмѣстно пролитая въ міровой войнѣ, обязываютъ насъ бережно относиться другъ къ другу.

Исторія не кончается сегодняшнимъ днемъ“.

На нашихъ глазахъ безжалостно, не останавливаясь передъ средствами, разрушали русскую армію, разрушали не смотря на то, что въ тяжеломъ изгнаніи, на чужой землѣ, она дала высшее доказа-

тельство патріотизма, твердости духа и повиновенія своимъ начальникамъ.

Ген. Врангель обратился съ письмомъ къ маршаламъ Франціи:

„Я счелъ своимъ долгомъ поставить Васъ въ извѣстность, дабы въ рѣшительную минуту, когда найдете нужнымъ, могли-бы возвысить свой авторитетный голосъ и предупредить стоящихъ у власти людей, быть можетъ въ горячей работѣ дня, въ вихрѣ политическихъ страстей, потерявшихъ истинное направленіе и пренебрегающихъ узами крови, коими скрѣплены народныя арміи въ двухъ великихъ націяхъ".

Для ускоренія вопроса о переселеніи русской арміи въ славянскія земли, въ Сербію и Болгарію были посланы генералъ Шатиловъ, Львовъ и Хрипуновъ и черезъ нѣсколько дней они выѣхали въ Бѣлградъ, а затѣмъ въ Софію.

То, что произошло на Лемносѣ, не могло не взволновать русскіе круги. Какъ только въ Сербіи стали извѣстны лемносскія событія, тотчасъ-же поднялись негодующіе протесты во всѣхъ русскихъ колоніяхъ. Даже въ парижской прессѣ появились статьи, осуждающія политику правительства: „Мы не можемъ пройти мимо трагедіи нашихъ союзниковъ и не поднять голоса противъ мѣръ насилія, которымъ подвераются тѣ, кто сражался подъ знаменемъ, признаннымъ Франціей," писалось въ одной изъ французскихъ газетъ. Маршалъ Фошъ отвѣтилъ главнокомандующему, отзываясь съ теплымъ чувствомъ объ участіи русской арміи въ міровой войнѣ, онъ признавался, что не можетъ вмѣшиваться, какъ военный, въ дѣла политики.

Правительство Бріана не сразу сдало свои позиціи, однако оно не рѣшилось прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, а избрало косвенный путь для воздѣйствія на главнокомандующаго.

Въ рединѣ апрѣля въ парижскихъ газетахъ появилось сообщеніе агентства Гаваса подъ заглавіемъ „позиція генерала Врангеля", которое являлось офиціознымъ сообщеніемъ французскаго правительства.

Составленное въ явно враждебномъ къ самому существованію русской арміи духѣ, сообщеніе это тенденціозно обрисовывало происшедшія событія и пыталось объяснить принимаемыя французами мѣры, побуждавшія русскихѣ ѣхать въ Бразилію и въ Совдепію, не болѣе не менѣе, какъ чувствами гуманности. „Въ виду образа дѣйствія, принятаго генераломъ Врангелемъ и его Штабомъ", говорилось далѣе въ сообщеніи, „наши международныя отношенія заставляютъ насъ вывести эвакуированныхъ изъ Крыма людей изъ его подчиненія, неодобряемаго, впрочемъ, всѣми серьезными и здравомыслящими кругами...

... Всѣ русскіе, еще находящіеся въ лагеряхъ, должны знать, что армія Врангеля не существуетъ, что ихъ прежніе командиры не могутъ болѣе отдавать имъ приказаній, что рѣшенія ихъ ни отъ кого не зависятъ и что ихъ снабженіе въ лагеряхъ болѣе продолжаться не можетъ".

Сообщеніе въ большомъ количествѣ распространенное въ лагеряхъ, вызывало среди русскихъ одну лишь усмѣшку надъ гуманными побужденіями французскаго прквительства.

Генералъ Шарпи, уязвленный въ своемъ самолюбіи, не рѣшился, однако, прекратить выдачу пайка, чѣмъ онъ угрожалъ въ своихъ заявленіяхъ, но прибѣгъ къ сокращенію его, и безъ того скуднаго, до голоднаго размѣра. Людей вымаривали голодомъ, чтобы заставить подчиниться требованіямъ французскихъ властей.

Генералъ Врангель, въ отвѣтъ на извѣщеніе, писалъ верховному комиссару Пеллэ:

„Армія, проливавшая въ теченіи 6 лѣтъ потоки крови за общее съ Франціей дѣло, есть не армія генерала Врангеля, какъ угодно ее называть французскому сообщенію, а русская армія, если только французское правительство не готово признать русской ту армію, вожди которой подписали Брестъ-Литовскій миръ.

Желаніе французскаго правительства, чтобы „армія генерала Врангеля" не существовала и чтобы „русскіе въ лагеряхъ" не выполняли приказаній своихъ начальниковъ, отнюдь не можетъ быть обязательнымъ для „русскихъ въ лагеряхъ" и пока „лагери" существуютъ, русскіе офицеры и солдаты едва-ли согласятся въ угоду французскому правительству измѣнить своимъ знаменамъ и своимъ начальникамъ".

* * *

Въ концѣ апрѣля генералъ Шатиловъ привезъ извѣстіе, что Сербія принимаетъ къ себѣ изъ состава арміи до 7-ми тысячъ человѣкъ, а Болгарія 9 тысячъ для устройства ихъ на работы. Это, конечно, не было еще разрѣшеніе полностью вопроса, но, во всякомъ случаѣ, двери, казалось наглухо закрытыя, были пріотворены, получилась возможность вывезть въ первую очередь людей съ острова Лемноса, гдѣ положеніе было наиболѣе тяжелое.

Верховный комиссаръ Франціи, генералъ Пеллэ, рѣшилъ, наконецъ, измѣнить политику относительно русской арміи. Политика, диктуемая изъ Парижа, вызывала всеобщее возмущеніе и подрывала престижъ Франціи.

Принимая русскихъ общественныхъ представителей, генералъ Пеллэ завѣрялъ ихъ „повѣрьте для меня нѣтъ болѣе тяжкой задачи, чѣмъ русская. Я совершенно разстроенъ, когда получаю ваши обращенія ко мнѣ. Я не настолько лишенъ сердца, чтобы не понимать васъ, и приложу всѣ старанія, чтобы найти выходъ изъ положенія".

Съ этого времени Пеллэ взялъ въ свои руки дѣло урегулированія русскаго вопроса въ Константинополѣ. Генералъ Бруссо былъ удаленъ, но загладить прошлую политику, столь недостойную въ отношеніи къ союзной русской арміи, было нельзя. Въ душѣ тысячей русскихъ людей, остался неизгладимый слѣдъ отъ всѣхъ несправедливостей и оскорбленій, имъ нанесенныхъ.

12.

Дорогой генералъ Кутеповъ.

„Какъ видите, наконецъ-то я ѣду въ Америку, но сколько времени я пробуду — еще неизвѣстно. Покинувъ васъ, я былъ въ Польшѣ, видѣлъ много русскихъ въ Софіи, Бѣлградѣ, Будапештѣ, Вѣнѣ. Я думалъ, что для русскихъ, разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ Европы, важно узнать отъ незаинтересованнаго наблюдателя, какъ я, что сдѣлала армія генерала Врангеля за это время, какъ она боролась и какіе успѣхи она имѣла, несмотря на страшныя затрудненія.

Я видѣлся съ генераломъ Махровымъ и говорилъ ему про Ваши дѣла. Я видѣлся съ Савинковымъ, Балаховичемъ, а позднѣе, въ Станиславовѣ, видѣлъ Петлюру и нѣкоторыхъ военныхъ отъ ген. Пермикина, но, какъ это ни странно, они не имѣли никакого понятія, что Вы сдѣлали съ Вашей арміей, и я былъ счастливъ сказать имъ о томъ, что видѣлъ своими глазами, о работѣ Витковскаго, Барбовича, Туркула, Скоблина, Бабіева, Манштейна и всѣхъ тѣхъ, кто сдѣлалъ столько, о духѣ и дѣйствіяхъ дроздовцевъ, корниловцевъ и др.

Да, это была армія героевъ. Я никогда не забуду гордиться воспоминаніями о моемъ пребываніи среди нихъ.

Удивительно то, что я нашелъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, удивительнѣе Эйфелевой башни и собора Св. Петра,— это колоссальное незнаніе русскихъ дѣлъ. Неграмотный мужикъ знаетъ ровно столько-же о высшей математикѣ, сколько знаютъ умные люди въ Лондонѣ и Парижѣ о Россіи.

Немудрено, что всякаго рода „политика“ образуется въ Европѣ только потому, что никто ничего не знаетъ, а страшная борьба рѣжетъ Россію на куски“.

Такъ писалъ генералу Кутепову одинъ американецъ, бывшій въ Крыму въ русской арміи, и своими глазами видѣвшій то, что тамъ было сдѣлано русскими. Онъ былъ пораженъ, что объ этомъ никто ничего не зналъ. Онъ ошибался только въ одномъ — не знали, но и знать не хотѣли.

И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ Петлюра, Савинковъ, а если бы американецъ видѣлъ Милюкова, Винавера и др., то эти послѣдніе когда-нибудь признали, что американецъ говоритъ правдиво о томъ, что онъ видѣлъ. Развѣ имъ нужна была правда?

Для ихъ политики имъ нужны были свидѣтельства дезертировъ,

продававшихъ свои показанія. „Послѣднимъ Новостямъ“ нужны были обличенія Слащева, а правда имъ была не нужна.

Кому были извѣстны имена Витковскаго, Барбовича, Туркула и др., о которыхъ съ такой гордостью говоритъ американецъ? Ихъ не среди французовъ, а среди русскихъ никто не зналъ.

А армія продолжала свою героическую борьбу одинокая, чуждая не только иностранцамъ, но и своимъ русскимъ.

Полковникъ Кутеповъ съ пятьюстами офицеровъ защищалъ таганрогскій фронтъ отъ натиска большевиковъ.

Казаки, усталые и соблазненные пропагандой, повернули назадъ и разошлись по домамъ. Въ тылу восемь тысячъ рабочихъ балтійскаго завода подняли возстаніе и, захвативъ желѣзнодорожный путь, преградили отступленіе.

Изъ Ростова было потребовано подкрѣпленіе.

Огромный городъ съ полумилліоннымъ населеніемъ продолжалъ жить своею повседневной шумной торговой жизнью. Конторы, магазины, кинематографы, театры, азартныя игры въ клубахъ на многія сотни тысячъ, разряженная праздная толпа на Садовой улицѣ, переполненные кафе и рестораны, оркестры музыки...

Изъ Проскуровскихъ казармъ на помощь Кутепову вышло подкрѣпленіе — 60 человѣкъ. Ротмистры, полковники, капитаны и съ ними нѣсколько молоденькихъ мальчиковъ, всѣ, какъ рядовые, съ винтовками на плечо, они пошли мѣрнымъ шагомъ по шумнымъ улицамъ среди огромной толпы, шатавшейся по троттуарамъ. 60 человѣкъ изъ пятисоттысячнаго города.

Генералъ Кутеповъ для парижской публики можетъ представляться генераломъ черной реакціи. Для насъ онъ навсегда останется полковникомъ Кутеповымъ, взявшимъ твердою рукою винтовку, и со своей третьей ротой, и въ бояхъ и въ походахъ, сохранившимъ до конца непреклонность воли въ исполненіи своего долга русскаго и солдата.

Такъ началась добровольческая армія, и такъ продолжалось не въ теченіе трехъ мѣсяцевъ кубанскаго похода, а въ теченіе трехъ лѣтъ. Были періоды большихъ побѣдъ, и тогда толпа, жадная къ успѣхамъ и къ наживѣ, устремлялась къ арміи, со всѣхъ сторонъ облѣпливала ее, старалась что-то захватить для себя, если не денегъ и товаровъ, то положенія и вліянія, и тотчасъ-же, когда на фронтѣ были неудачи, начинался отливъ, спасанье своихъ пожитковъ, обозныя настроенія охватывали массы, и каждый думалъ о себѣ, какъ-бы спасти свой багажъ и перебраться подальше въ безопасное мѣсто.

Въ дни побѣдъ въ газетахъ писалось о величіи ледяного похода, о герояхъ-титанахъ, но чуть наступали колебанія на фронтѣ и отходъ арміи, въ тѣхъ-же газетахъ неизмѣнно появлялись обвиненія въ реакціонности генераловъ, а въ тѣхъ, кого провозглашали титанами, пускались ядовитыя стрѣлы обличенія въ еврейскихъ погромахъ и въ замыслахъ реставраціи.

Обвиненія, предъявленныя въ Парижѣ послѣ ухода изъ Крыма, не новы.

Еще въ то время, когда на Дону начиналось формированіе добровольческаго отряда, въ Москвѣ Троцкій, призывая рабочихъ въ походъ противъ бѣлогвардейцевъ, сравнивалъ Новочеркасскъ съ Версалемъ въ дни парижской коммуны.

Но Новочеркасскъ такъ-же походилъ на Версаль, какъ нѣсколько сотъ юнкеровъ и офицеровъ, помѣщавшихся въ одномъ зданіи лазарета на Барачной улицѣ Новочеркасска, походили на армію генерала Галифе подъ Парижемъ.

Буржуазія туго завязала свой кошелекъ и не давала генералу Алексѣеву денежныхъ средствъ на содержаніе добровольцевъ.

Въ то время, какъ шли напряженные бои подъ Кизитеринкой, приходилось разъѣзжать на извозчикѣ по Новочеркасску, выпрашивая въ магазинахъ то у того, то у другого сапоги, теплую одежду и чулки для отправки ихъ полураздѣтымъ юнкерамъ, сражавшимся въ осеннюю стужу на подступахъ къ Ростову.

Генералъ Алексѣевъ писалъ письма къ богатымъ благотворителямъ Ростова, обращаясь къ нимъ за помощью. Ростовскіе банки, послѣ долгихъ переговоровъ, согласились выдать подъ векселя частныхъ лицъ сумму, не превысившую 350.000, а когда большевики появились въ Ростовѣ тѣ-же банки выплатили имъ 18 милліоновъ.

Буржуазія не была съ арміей.

Была ли борьба на Дону русской Вандеей?

Среди молодежи было много горячихъ монархистовъ; они, быть можетъ, были самыми пламенными, самыми смѣлыми. Но это не было только возстаніемъ за короля, какъ въ Вандеѣ.

Генералъ Корниловъ не былъ монархистомъ, Корниловскій полкъ не былъ монархически настроенъ. Прежде всего они были русскими.

Порывъ по своей возвышенности, по своему безкорыстію, по самоотверженію и мужеству столь исключительный, что трудно отыскать другой подобный въ исторіи, — вотъ что проявила русская молодежь въ своей напряженной борьбѣ противъ такого чудовищнаго зла, какъ большевизмъ. И чѣмъ больше кругомъ было проявленій малодушія, чѣмъ больше грязи прилипло къ бѣлому движенію, тѣмъ возвышеннѣе представляется совершенный подвигъ, потребовавшій напряженія всѣхъ нравственныхъ силъ, чтобы выйти изъ трясины.

Неувѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ, этотъ подвигъ тѣмъ безкорыстнѣе, чѣмъ менѣе онъ оцѣненъ людьми.

„Я знаю, за что я умру, а вы не знаете, за что вы погибнете", говорилъ есаулъ Чернецовъ незадолго до своей геройской смерти.

3 тысячи человѣкъ, пошедшихъ въ походъ въ кубанскія степи — вотъ все, что осталось отъ многомилліонной русской арміи, и съ ними два верховныхъ главнокомандующихъ — генералъ Корниловъ и генералъ Алексѣевъ.

На что могъ возлагать надежду генералъ Корниловъ, когда въ холодный февральскій вечеръ онъ вышелъ съ десяткомъ своихъ офицеровъ изъ дома Парамонова по Пушкинской улицѣ и пѣшкомъ направился въ станицу Аксайскую? На что надѣялся онъ, когда въ

гололедицу по застывшей липкой грязи, ночью, входилъ въ станицу Дмитріевскую и самъ съ людьми своего конвоя выбивалъ изъ станичнаго дома засѣвшихъ въ немъ большевиковъ?

Такъ было каждый день, отъ одной засады въ другую, безъ перерыва, безъ отдыха, въ ежедневныхъ бояхъ.

Что думалъ генералъ Алексѣевъ, когда опираясь на палку, онъ, больной старикъ, шелъ въ кубанской степи?

Корниловъ убитъ. Алексѣевъ, уже стоявшій одной ногой въ могилѣ (черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ скончался), не падаетъ духомъ, а превозмогая свою старческую немощь, продолжалъ походъ. Что ожидало ихъ впереди?

Когда, казалось, все было потеряно, упрямый старикъ не хотѣлъ сдаваться. Въ Новочеркасскѣ онъ упорно началъ собирать добровольцевъ. Долгія ночи онъ просиживалъ, дѣлая разсчеты и соображая, какъ вооружить, обмундировать и содержать свой добровольческій отрядъ, такъ-же добросовѣстно, какъ прежде онъ, верховный главнокомандующій, составлялъ планъ для всей русской арміи.

И на Кубани у него не опустились руки. Что двигало его, откуда брались силы у этого тяжко-больного умирающаго старика? Сколько разъ въ тревожныя минуты наибольшей опасности приходилось слышать отъ него: „Богъ не попуститъ совершиться злому дѣлу", „Богъ не безъ милости". Любовь къ русскому народу, доходившая до глубинъ религіознаго чувства,—вотъ что наполняло душу стараго Алексѣева.

„Походъ титановъ", кричали газеты, когда добровольцы, проложивъ себѣ путь штыками, вернулись на Донъ.

Но какіе же это были титаны?

Старикъ-генералъ и мальчикъ кадетъ. Это были простые русскіе люди, такіе же простые, какъ вольскій мѣщанинъ, оставившій жену и дѣтей дома и пошедшій въ походъ, какъ пѣвчій изъ архіерейскаго хора въ Новочеркасскѣ, какъ учитель гимназіи вмѣстѣ со своими учениками, взявшій винтовку и вступившій въ ряды арміи.

То, что они дѣлали, они дѣлали просто, какъ свойственно русскимъ.

Полковники, ротмистры, капитаны — всѣ стали простыми рядовыми. Но сколько нужно было рѣшимости и силы воли, чтобы выполнить свой долгъ!

Тотъ, кто не пережилъ, никогда этого не пойметъ. Онъ не пойметъ мучительной тревоги за своихъ самыхъ близкихъ и дорогихъ, когда видишь ихъ въ рядахъ офицерскаго полка, идущихъ въ бой въ рваныхъ сапогахъ, съ сумкой черезъ плечо, гдѣ болтается десятокъ патроновъ; онъ не пойметъ, съ какимъ напряженіемъ прислушиваешься къ неумолчному треску пулеметовъ, прерываемому лишь гуломъ орудійныхъ залповъ, когда бой идетъ въ нѣсколькихъ верстахъ и знаешь, что триста офицеровъ съ десятью патронами въ запасѣ въ этомъ огнѣ берутъ штурмомъ казармы въ городѣ, гдѣ засѣли многія тысячи красноармейцевъ. Онъ не пойметъ матери, которая, посылая своего послѣдняго третьяго сына,

говоритъ ему: „Я лучше хочу видѣть тебя убитымъ въ рядахъ добровольческой арміи, чѣмъ живымъ подъ властью большевиковъ“.

Что можетъ быть ужаснѣе гражданской войны?

Вездѣ скрытый врагъ. Онъ можетъ быть хозяиномъ хаты, гдѣ вы остановились, прохожимъ на улицѣ, рабочимъ въ порту, наборщикомъ въ типографіи, желѣзнодорожнымъ служащимъ.

Ночной пожаръ, взрывъ снарядовъ въ вагонахъ, листокъ, выпущенный изъ типографіи, предательская пуля изъ-за угла — показываютъ, что вы окружены измѣной, какъ липкой паутиной. Въ казакахъ, которые бьются рядомъ съ вами, а завтра открываютъ фронтъ большевикамъ, въ рядахъ вашихъ солдатъ, убивающихъ своихъ офицеровъ, въ самой офицерской средѣ, въ штабахъ — вездѣ кроется предательство.

Самый воздухъ, которымъ вы дышите, пропитанъ удушливымъ ядомъ ненависти и измѣны.

Ненависть, доходящая до того, что вырываютъ мертвыхъ, чтобы надругаться надъ ихъ тѣлами. И всѣ они, и рабочіе, и мастеровые, и казаки, и солдаты, и красноармейцы — такіе же русскіе.

Трудно глядѣть смерти прямо въ глаза, но невыносимо труднѣе сохранить все напряженіе воли, преодолѣть усталость такую, что послѣ ряда безсонныхъ ночей вѣки сами собою смыкаются, ноги подкашиваются на ходу, стоя засыпаешь, а нужно широко раскрыть глаза, нужно идти впередъ среди ночного мрака; слѣдомъ идутъ свои люди, и сбиться съ пути значитъ подвергнуть ихъ гибели. Думы гнетутъ всей тяжестью сомнѣній, не ошибка ли то, что дѣлается, не лучше ли сохранить столько молодыхъ жизней и уйти...

Не страхъ смерти,—нужно преодолѣть въ себѣ всякую слабость, влить бодрость въ своихъ людей, нести за нихъ всю тяжесть отвѣтственности и знать, что они обречены, и, несмотря ни на что, на рядъ пораженій, на полное крушеніе послѣ отступленія отъ Орла до Новороссійска, вновь подымать людей на ноги и вести ихъ снова въ бой.

Раны на время освобождали, только тяжелыя увѣчія выводили изъ строя. И все-таки все новые и новые люди стекались отовсюду въ ряды арміи. А уклониться было такъ легко и такъ легко найти себѣ оправданіе. Вѣдь было безуміемъ надѣяться одолѣть нѣсколькими полками красноармейскія массы... Безуміе было начинать кубанскій походъ, безуміе идти на Москву, безуміе защищать Крымъ, безуміе упрямо сохранять армію въ лагеряхъ Галлиполи и Лемноса.

Но благодаря этому безумію мы можемъ не краснѣть, за то, что мы русскіе.

Одинъ вдумчивый англичанинъ, бывшій на югѣ Россіи, говорилъ, что изъ всей міровой войны онъ не знаетъ ничего болѣе замѣчательнаго, чѣмъ трехлѣтняя борьба русскихъ противъ большевиковъ.

А моральныя тупицы все продолжаютъ долбить — „кадетизмъ испортилъ свое лицо“. Они не видѣли изъ-за партійнаго частокола ничего дальше своего наглухо огороженнаго мѣста.

Армія представлялась имъ реакціонной силой въ рукахъ генераловъ.

Но что такое армія? Вѣдь это не генералъ Врангель съ его штабомъ, не офицеры и солдаты перваго корпуса Кутепова, не донцы и кубанцы подъ начальствомъ генерала Абрамова и Фостикова.

Армія — это что-то гораздо большее.

Это три года неустаннаго напряженія воли, человѣческихъ страданій, отчаянія, тяжкихъ лишеній, упадка и новаго подъема, подвигъ русскаго мужества, непризнанный и отвергнутый.

Смѣнялась осень на зиму, наступала весна и вновь чередовались лѣто, осень и зима, а борьба, поднятая двумя стами юнкеровъ и кадетъ въ Новочеркасскѣ, все продолжалась.

Она продолжается и теперь въ новыхъ условіяхъ, но все та же борьба, и тѣ, кто бьетъ щебень на дорогахъ Сербіи, копаетъ лопатами землю, работаетъ въ рудникахъ Перника, въ тяжеломъ трудѣ добывая насущный хлѣбъ, дѣлаетъ все то же русское дѣло.

Прошлое продолжаетъ жить въ людяхъ. Армія воплотила въ себѣ это прошлое.

Армія это не только тѣ, кто остался въ живыхъ, но и всѣ тѣ, кто лежитъ подъ могильнымъ крестомъ, засыпанный землею.

Армія — это трагическая смерть Каледина, это тѣни замученныхъ атамана Назарова, Богаевскаго, Волошинова, героическая гибель есаула Чернецова, это тѣло Корнилова, преданное поруганію безумной толпой красноармейцевъ, это прахъ Алексѣева, перевезенный для погребенья въ чужую землю, это кормчій, смѣняющій одинъ другого во время урагана среди крушенья, это русскіе города, освобожденные одинъ за другимъ отъ Екатеринодара до Кіева и Орла, это грязная, красная тряпка, разорванная въ клочки, это русское трехцвѣтное знамя. Армія—это скрытыя муки матери, посылающей своего послѣдняго сына въ смертный бой, это мальчикъ во главѣ своей роты Константиновскаго училища, умирающій при доблестной защитѣ Перекопа.

Вотъ, что такое армія.

Мы знали этого хрупкаго, тонкаго мальчика. Его два брата служили въ арміи. Ему не было еще семнадцати лѣтъ, но онъ настоялъ передъ своимъ отцомъ и матерью, чтобы его отдали на военную службу.

Зимою 1920 г. двѣсти юнкеровъ Константиновскаго училища смѣлой атакой среди мглы зимняго тумана разбили наступавшія красныя войска и отогнали ихъ отъ Перекопа. Крымъ былъ спасенъ. Онъ былъ убитъ, и тѣло его нашли съ застывшей правой рукой, занесенной ко лбу для крестнаго знаменія.

Такія жертвы не приносятся, чтобы сказать: все кончено, и арміи больше нѣтъ.

Въ часовнѣ стояло подрядъ нѣсколько гробовъ, одинъ изъ нихъ былъ открытъ. Въ немъ лежалъ молоденькій офицеръ. Бѣлая повязка на лбу прикрывала рану, глаза глядѣли, точно живые, и нѣжная мягкая улыбка застыла на губахъ. Люди входили, молились и

выходили изъ часовни. Пришла старушка, низко поклонилась и тихо прошептала передъ открытымъ гробомъ: „Не пожалѣлъ своей красивой молодой головы и отдалъ Богу душу за насъ, грѣшныхъ".

На стѣнѣ галлиполійской развалины нарисованный русской рукой видъ московскаго Кремля въ снѣгахъ, съ его башнями, съ высокой колокольней Ивана Великаго и старыми соборами.

Какія чувства подвинули выложить на пескѣ мелкими камнями надпись: „Родина ждетъ, что ты исполнишь свой долгъ"? А вотъ еще: „Только смерть избавитъ тебя отъ выполненія твоего долга"? „Помни, что ты принадлежишь Россіи"...

Что-же, все это сдѣлано изъ-подъ палки, при грозномъ окрикѣ генерала Кутепова?

Старыя полковыя знамена, русскій солдатъ, какъ вѣрный часовой на ихъ охранѣ, двуглавый орелъ, выложенный камнями на галлиполійскомъ песчаномъ грунтѣ съ короной, со скипетромъ, съ державой и надпись: „Россія ждетъ, что ты исполнишь свой долгъ"...

Церковь, сооруженная изъ всякихъ матеріаловъ, находившихся подъ рукой, иконостасъ, паникадила изъ жести консервныхъ банокъ и иконы стариннаго письма...

Кто ихъ писалъ? Какія чувства вылились въ изображеніи темнаго скорбнаго лика Христа и Богородицы? Какія мольбы обращены въ молитвахъ къ этимъ иконамъ? Это „реакціонныя настроенія"? „Будущее принадлежитъ другимъ, кто забылъ и отвергъ это прошлое и неразрывно связалъ себя съ революціей"...

Стройными рядами проходятъ одинъ за однимъ, мѣрно отбивая шагъ, юнкера военнаго училища. Генералъ въ черной фуражкѣ съ бѣлымъ верхомъ здоровается съ войсками.

Русская пѣснь, захватывающая своими могучими звуками и русское ура, какъ раскаты грома.

Вотъ она, русская сила. Русскіе люди, шесть мѣсяцевъ прожившіе въ земляныхъ норахъ, въ развалинахъ Галлиполи, во вшахъ, въ грязи, въ холодѣ, въ темнотѣ, голодные, заброшенные въ пустыню каменистаго откоса...

* * *

„Спекулировать на живой силѣ „смертниковъ", уцѣлѣвшихъ отъ крымскаго кораблекрушенія", писали эсъ-эры въ „Современныхъ Запискахъ" послѣ ухода арміи изъ Крыма, „строить на ней какіе бы то ни было политическіе разсчеты, было-бы не только верхомъ легкомыслія, это было бы вообще на границѣ допустимаго.

Между тѣмъ такіе планы не оставлены, такіе разсчеты продолжаются строиться, не взирая на уже обнаружившуюся тягу къ выходу изъ того, что еще называется южно-русской арміей. Многіе попросту бѣгутъ, куда глаза глядятъ, чаще всего въ Константинополь. Тамъ изъ ловятъ и арестовываютъ. Другіе тянутся на родину въ надеждѣ на великодушіе побѣдителей".

„А что будетъ дальше"? ставили они вопросъ. „Устоитъ-ли, можетъ-ли устоять отъ разложенія армія, содержимая впрокъ, за

колючей проволокой „острова смерти“ или Галлиполи“?—и не безъ злорадства отвѣчали: „Не надо никакого искусства большевитскихъ агитаторовъ, чтобы сила вещей привела эту армію къ ея естественному концу“.

Они зараннѣе предвкушали вожделѣнный день, когда послѣдніе солдаты и казаки будутъ брошены въ трюмъ для отправки въ Одессу и въ Бразилію, а генералы и офицеры, подобно Слащеву, перейдя въ лагерь побѣдителей, будутъ лизать руку Бронштейна-Троцкаго.

Они ожидали этотъ день, какъ день своей побѣды — побѣды революціи надъ реакціей.

Удары со всѣхъ сторонъ сыпались на армію. Людей вымаривали голодомъ, обманомъ, угрозами и насиліемъ принуждали измѣнить своимъ знаменамъ и сдаться на милость большевикамъ. Изъ злобной партійности глумились, старались надломить послѣднія силы, удушить ядомъ клеветы и натравливанія.

А тамъ среди, голаго поля, въ трудѣ и въ неустанномъ напряженіи, изъ обломковъ стараго создавалась новая Россія. Камень за камнемъ выкладывался памятникъ и на пустынномъ холмѣ высоко поднялся курганъ изъ камней, какъ несокрушимый свидѣтель того, что могутъ сдѣлать люди, когда они рѣшили все перетерпѣть, но не сдаваться.

„Только смерть можетъ избавить отъ исполненія твоего долга“.

„Помни, что ты принадлежишь Россіи“.

II ЧАСТЬ.

I.

Въ то время, какъ въ Константинополѣ происходила борьба за сохраненіе арміи, — борьба со всѣмъ міромъ — съ иностранцами и съ русскими, съ врагами и съ полудрузьями, — живые контингенты арміи были разселены и разсосредоточены по разнымъ пунктамъ. Если бы не этотъ фокусъ борьбы за армію, который сосредоточился на берегахъ Босфора, — всѣ эти люди, только что испытавшіе дни пораженія, эвакуаціи, мятущіеся и недовольные, отчаявшіеся и растерянные, — растеклись бы по этимъ мѣстамъ, какъ люди второго сорта, безъ территоріи, безъ покровительства, ждущіе чужой благотворительности. Немногіе нашли бы себѣ работу и пропитаніе; большинство обратилось бы въ совершенно деклассированную толпу, и, конечно, идея о національномъ достоинствѣ, о борьбѣ за культуру и государственность (а въ это, именно, и вылилась борьба съ большевиками), уступила бы мѣсто чисто матеріальнымъ заботамъ о кускѣ хлѣба.

Но одинъ центръ безсиленъ былъ бы это сдѣлать. Если бы въ массѣ дезорганизованныхъ остатковъ арміи не жило импульсовъ къ организаціи; если бы въ этой массѣ не горѣлъ огонь убѣжденія въ своей правотѣ; если бы въ ней не жила горячая любовь къ родинѣ и пламенный патріотизмъ; если бы, наконецъ, во главѣ отдѣльныхъ ея частей не стояли твердые и преданные люди, сжившіеся съ массой во время тяжелыхъ боевъ, — то главнокомандующій не могъ бы имѣть пафоса убѣжденности и силы, заражавшаго тѣхъ, въ рукахъ которыхъ была судьба арміи. Главнокомандующій отъ своей арміи впитывалъ въ себя мужество продолжать эту борьбу; они — своей жизнью и молчаливымъ подвигомъ вызывали уваженіе и восторгъ даже у недоброжелателей; наконецъ — они были той матеріальной опорой, которая, при случаѣ, могла стать опасной и грозной. И потому, когда обострялось положеніе, эта живая масса находила всегда сочувствіе среди отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ, охранявшихъ армію своимъ авторитетомъ; а другіе, которые, забывъ всякія „романтическія мечтанія“, руководствовались „реальной политикой“, — уступали имъ изъ боязни осложненій въ этомъ клубкѣ національныхъ и политическихъ противорѣчій.

Все это сохранило армію при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Переходя теперь къ самому живому составу ея, мы должны отмѣтить три группы, различныя не только по случайнымъ особенностямъ обстановки, въ которую они попали, но и по своему харак-

теру и особенностямъ быта. Первая группа состояла изъ войскъ, сформированныхъ въ первый армейскій корпусъ (Галлиполи); вторая состояла изъ казаковъ (донцы, кубанцы, терцы и астраханцы), сведенныхъ въ одинъ корпусъ (лагери близъ Константинополя, а впослѣдствіи Лемносъ); и третья — наши моряки, ушедшіе на военныхъ судахъ (Бизерта).

Въ составъ перваго корпуса (26.596 человѣкъ) вошли регулярныя части бывшей Добровольческой, а затѣмъ Русской Арміи. Здѣсь были остатки нашихъ гвардейскихъ полковъ, новыя части — Корниловцы, Дроздовцы, Марковцы и Алексѣевцы. Здѣсь была кавалерія, сохранившая свои ячейки старыхъ кавалерійскихъ полковъ, техническія части и артиллерія. Здѣсь было ядро добровольчества, зародившагося на Кубани, занявшаго Югъ Россіи, докатившагося до Орла, пережившаго трагедію Новороссійска и испытавшаго тяжелую борьбу въ Таврія.

Всѣ, кто помнитъ наше Добровольческое движеніе, вспомнитъ, что въ кадры Добровольческой арміи вливались всегда въ значительной мѣрѣ русскіе интеллигенты. Отъ стараго режима Добровольческая армія получила кадры старыхъ царскихъ офицеровъ, видѣвшихъ бои Великой Войны; отъ временъ революціи она получила притокъ юношества, оторваннаго отъ родной семьи и школьной скамьи. Поэтому неудивительно, что ея составъ былъ въ значительной мѣрѣ интеллигентнымъ, и въ 1-мъ корпусѣ громадный процентъ приходился на долю офицеровъ и вольноопредѣляющихся. Борьба съ большевиками была для нихъ сознательной борьбой не только за свой домъ и свою землю, но за принципы культуры и права.

Громадный процентъ офицерства, существованіе ячеекъ старыхъ полковъ, боевая сплоченность новыхъ полковъ Добровольческой арміи, поддерживало традиціи старыхъ регулярныхъ войскъ, и если, послѣ пережитого, пошатнулась дисциплина и поколебался духъ, то въ массѣ 1-й армейскій корпусъ носилъ въ себѣ элементы этой дисциплины и духа.

Все это создавало тѣ условія, при которыхъ 1-й армейскій корпусъ пріобрѣлъ доминирующее значеніе во всей борьбѣ за армію.

Но кромѣ этого обстоятельства, два чисто случайныхъ условія выдвинули первый корпусъ на первое мѣсто. Однимъ изъ этихъ условій было ихъ расквартированіе въ Галлиполи, а другимъ, личное вліяніе командира корпуса, генерала Кутепова.

Галлиполи расположенъ за Мраморнымъ моремъ на берегу Дарданелльскаго пролива. Къ сѣверу отъ него, полуостровъ, на которомъ стоитъ городъ, суживается, достигая у Булаира (въ 18 кл.) всего 5 6 километровъ, а затѣмъ дорога ведетъ прямо на Константинополь. Въ случаѣ какихъ либо осложненій можно было внезапно пройти Булаиръ, а затѣмъ весь путь до самаго Стамбула былъ свободенъ отъ артиллерійскаго обстрѣла. При незначительности союзныхъ гарнизоновъ, при скрыто-враждебномъ отношеніи къ нимъ мѣстнаго населенія, твердыя и стойкія части, какими скоро оказался

первый корпусъ, могли явиться той искрой пожара, отъ которой могла загорѣться вся Европа. И это прекрасно ощущали и сами русскіе, и иностранцы, а потому у насъ крѣпло сознаніе собственной силы, а у иностранцевъ — возникала необходимость считаться съ этой силой.

Но какъ во всякой воинской организаціи личночть вождя имѣетъ первенствующее значеніе, такъ и для 1-го корпуса личность генерала Кутепова стала неразрывно связанной съ его существованіемъ. Необыкновенно прямой, смѣлый, патріотически настроенный, знающій психологію солдата и офицера, генералъ Кутеповъ сумѣлъ не только слить всѣхъ въ одно монолитное цѣлое, но выявить то, что доминировало надъ всѣмъ: надъ всѣми традиціями старыхъ полковыхъ ячеекъ, преданіями гвардейскихъ полковъ, навыками добровольческихъ частей — появилась, росла и крѣпла покрывающая все галлиполійская традиція.

Части перваго корпуса уже перестали быть разрозненными элементами. Они перестали быть только военными частями. Какъ на всякой гражданской войнѣ каждый участникъ есть воинъ и гражданинъ, разрушитель зла и созидатель новыхъ формъ, такъ галлиполійская армія окружила себя атмосферой русской государственности, со всѣми ея атрибутами: своимъ судомъ, своей общественностью, своей литературой и искусствомъ. На берегу Дарданеллъ ген. Кутеповъ создалъ микрокосмосъ Россіи и каждый участникъ этого изумительнаго явленія чувствовалъ себя не пассивнымъ, но творцомъ все новыхъ и новыхъ цѣнностей.

Казачья группа была въ совершенно другихъ условіяхъ. Громадное большинство составляли подлинные казаки, оторванные отъ своихъ родныхъ станицъ. Казачій патріотизмъ, доказанный на вѣковой исторіи казачества, подымается до небывалыхъ высотъ во время боевъ, и тускнѣетъ, когда казакъ-воинъ превращается въ казака-земледѣльца. И когда казакъ оставляетъ свою пику — онъ тоскуетъ по землѣ, по хозяйству, по своимъ роднымъ станицамъ, тоскуетъ, какъ русскій мужикъ.

Въ казачьихъ частяхъ не могло быть такого числа квалифицированно-интеллигентныхъ людей, не было такого процента офицерства, — и казачье офицерство, въ большей своей части, вышло изъ среды тѣхъ же казаковъ-землеробовъ. Борьба съ большевиками была для нихъ не только борьбой за Россію, но и борьбой за тихій Донъ и родную Кубань: принципы культуры и права уступали мѣсто стремленію освободить ихъ вольныя степи.

Казачья группа была сразу разрознена. Донской корпусъ былъ разбитъ въ цѣломъ рядѣ лагерей у Константинополя (Хадемъ-Кей, Санджакъ, Чиленкиръ и Кабаджа); въ немъ числилось 14.630 человѣкъ. Кубанцы были помѣщены на островѣ Лемносъ (16.050 чел.) Въ отношеніи частей, находящихся въ раіонѣ Константинополя, союзники сразу же приняли всѣ мѣры, чтобы обезопасить эту часть на случай непредвидѣнныхъ осложненій; Лемносская группа, обезоруженная, была со всѣхъ сторонъ окружена водою и оказалась за-

ключенной въ громадную водяную тюрьму. Такимъ образомъ, казаки, раздѣленные на двѣ половины, не могли уже представить той физической силы, которая импонировала бы иностранцамъ.

Въ этихъ условіяхъ жнзнь казаковъ была лишена того романтизма, который пропитывалъ части перваго корпуса. Жизнь свелась къ тому, чтобы сохранить свое независимое существованіе — и въ этихъ условіяхъ трудно было требовать, чтобы идея борьбы за отвлеченныя цѣнности стояла всегда на первомъ планѣ. Физическія условія жизни были много разъ труднѣе суровой обстановки Галлиполи; заманчивыя предложенія вернуться домой были гораздо болѣе чувствительны для сердца простыхъ казаковъ. Если же принять во вниманіе, что казакъ гораздо легче могъ найти тотъ черный трудъ на сторонѣ, который пугалъ интеллигента и профессіональнаго кадроваго офицера, — то станетъ ясно, что борьба съ распыленіемъ казачества была во много разъ труднѣе, чѣмъ борьба за сохраненіе кадровъ I-го корпуса.

Мы должны признать, что эта борьба, проводившаяся командиромъ корпуса, ген. Абрамовымъ, была выполнена съ изумительной твердостью и тактомъ. Своимъ личнымъ авторитетомъ и знаніемъ казачьей души онъ удерживалъ колеблющихся отъ ухода изъ организаціи; своимъ тактомъ, который не могъ быть подкрѣпленъ силой оружія, онъ добивался у французовъ существенныхъ уступокъ. И въ результатѣ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, онъ добился спасенія казачьихъ кадровъ.

Третью группу составлялъ нашъ доблестный флотъ. Въ наслѣдство ему достались остатки когда-то славнаго нашего Черноморскаго флота. Суда были почти разбитыми, механизмы — испорченными, орудія — расшатанными. Старые кадровые офицеры почти всѣ были перебиты; старые матросы почти отсутствовали. Офицеры и команды набирались изъ новыхъ случайныхъ людей, но такъ великъ былъ подъемъ въ дни защиты Крыма, — что эти новые люди работали въ самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ, безъ достаточнаго количества угля, машиннаго масла, часто замѣняя раньше вполнѣ налаженную службу въ буквальномъ смыслѣ слова импровизаціей, когда приходилось вооружать торговыя суда и приспособлять ихъ для военныхъ цѣлей.

Флотъ содержалъ громадный процентъ интеллигентныхъ силъ: можетъ быть только это и помогло совершить невиданную нигдѣ блестящую эвакуацію 1920 года. Старыя морскія традиціи были большинству чужды; но вѣрность долгу и сознаніе отвѣтственности были имъ всегда ясны и укрѣпляли ихъ въ этотъ грозный часъ.

Съ этимъ сознаніемъ долга и отвѣтственности ушелъ флотъ въ свое новое плаваніе. Тамъ, въ Бизертѣ, лишенный своего значенія, какъ боевая сила, продолжалъ онъ борьбу за общее русское дѣло.

2.

Первый Армейскій Корпусъ родился въ морѣ.

На берегу Босфора еще стояли корабли, нагруженные до верху отступившей арміей. Судьба ея рѣшалась гдѣ то, на этихъ корабляхъ, гдѣ спутывались въ сложный клубокъ международныя вліянія и интриги. Передъ нашимъ командованіемъ стояло два вопроса: дать всей этой массѣ пропитаніе и пріютъ и сохранить армію, какъ носительницу русской государственной идеи. Первая задача, сложная сама по себѣ, сводилась къ вопросу благотворительности и экономики; вторая касалась политическихъ взаимоотношеній и была много сложнѣе.

Передъ командованіемъ встала необходимость сократиться и сжаться, потому что только въ такомъ сжатомъ видѣ могла быть надежда на ея сохраненіе. Требовалось спѣшно, въ морѣ, перестроиться и переформироваться. Арміи, боровшіяся въ Крыму, сводились въ одну. Намѣчался ея скелетъ — іерархическая лѣстница начальствующихъ лицъ, а масса, гдѣ громадное число состояло изъ офицерства, попадала на положеніе рядовыхъ. Высшіе чины (до штабъ-офицеровъ включительно), которые не могли расчитывать на командныя должности, получали свободу дѣйствій: имъ предоставлено было право уйти изъ арміи. Въ тѣхъ же, которые входили въ новую структуру сжавшейся арміи, предстояло поддержать на должной высотѣ дисциплину и возродить заколебавшійся воинскій духъ.

Оружіе — есть то, что необходимо не только для примѣненія его въ дѣйствіе, но и для той потенціальной силы, которая неизмѣнно сопутствуетъ воинской части. Естественно, что вопросъ объ оружіи всталъ во всей своей остротѣ. При массѣ навалившихся на главное командованіе задачъ, при щекотливости подымать сразу этотъ вопросъ, при изолированности отдѣльныхъ частей, разбросанныхъ по разнымъ судамъ и не имѣющихъ должной связи, вопросъ объ оружіи пріобрѣталъ особую остроту. Союзники несомнѣнно склонялись къ его сдачѣ; командованіе отстаивало на него наше право; отдѣльные командиры частей, не оріентированные въ общей обстановкѣ, учитывали изъ нея необходимость безусловной сдачи; другіе считали такое рѣшеніе преступнымъ — и на одномъ пароходѣ, въ связи съ этими несогласіями, одинъ изъ начальниковъ арестовалъ другого, не желавшаго ему подчиниться. Наступалъ тревожный моментъ анархіи.

Въ это время, еще до рожденія I-го армейскаго корпуса, командующій I-й арміей, генералъ-лейтенантъ Кутеповъ, издалъ приказъ, которымъ предписывалось: собрать все оружіе въ опредѣленное мѣ-

сто и хранить подъ карауломъ; въ каждой дивизіи сформировать вооруженный винтовками батальонъ въ составѣ 600 штыковъ, которому придать одну пулеметную команду въ составѣ 60 пулеметовъ. Приказъ этотъ сразу ввелъ дѣло организаціи въ надлежащее русло и сохранилъ будущему I-му армейскому корпусу значительное число оружія.

Первая армія была расформирована, и въ Галлиполи, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Кутепова, прибылъ первый армейскій корпусъ, которому суждено было сыграть исключительную роль во всей борьбѣ за русскую армію.

* * *

Нетрудно нарисовать ту обстановку, въ которую попалъ 1-й армейскій корпусъ.

Полуразрушенный городъ, въ шести километрахъ отъ него долина, въ которой разбросаны холодныя палатки. Почти не прекращающійся осенній дождь, голодный паекъ и — что всего ужаснѣе — полная неосвѣдомленность о томъ, что совершается въ мірѣ, и полная неопредѣленность въ основномъ вопросѣ: армія это, или бѣженцы.

Генералъ Кутеповъ сразу оцѣнилъ положеніе и сразу принялъ суровыя воинскія мѣры. 27 ноября (т. е. черезъ 5 дней послѣ прибытія перваго парохода), приказомъ по армейскому корпусу онъ потребовалъ отъ его чиновъ выполненія всѣхъ требованій Дисциплинарнаго Устава, и приказъ этотъ сталъ проводиться имъ съ неуклонной послѣдовательностью. Отъ людей, почти опустившихся, требовалась выправка и правильное отданіе чести, требовалась строго форменная одежда и опрятный видъ. Генералъ появлялся всюду. То онъ слѣдилъ за выгрузкой продуктовъ, которые подвозились къ маленькой турецкой гавани, вродѣ бассейна, на турецкихъ фелюгахъ; то онъ неожиданно появлялся въ интендантскихъ складахъ; то онъ также неожиданно проходилъ по „толкучкѣ" — небольшому рынку, гдѣ неимѣвшіе денегъ офицеры и солдаты (а такими были всѣ), продавали — или по военному „загоняли" — свои послѣднія вещи. Всюду, гдѣ появлялся ген. Кутеповъ, подтягивались и пріобрѣтали болѣе бодрый видъ — и смотря на команду, работавшую по выгрузкѣ продуктовъ или по приведенію города въ санитарное состояніе, онъ видѣлъ въ нихъ не бѣженцевъ, не рабочихъ, но прежде всего солдатъ.

Необходимо отмѣтить, что суровыя мѣры, принимаемыя ген. Кутеповымъ, встрѣчали глубоко скрытое, молчаливое, но несомнѣнное неодобрѣніе. Его боялись и трепетали. Въ глазахъ многихъ солдатъ (и офицеровъ) онъ представлялся жестокимъ, даже ненужно — жестокимъ, тогда, когда люди не имѣли крова, мокли подъ дождемъ, съѣдались паразитами... Но командиръ корпуса, рискуя стать совершенно непопулярнымъ, упорно и упрямо велъ свою линію.

Твердая воля ген. Кутепова сломила эти препятствія.

Кое-какъ устроились въ полуразрушенныхъ домахъ, въ про-

мокшихъ полаткахъ; кое-какъ налаживалась санитарная помощь. Къ генералу Кутепову уже стали привыкать, какъ привыкаютъ ко всякому неизбѣжному злу. Это было тѣмъ болѣе возможно, что надъ всѣмъ этимъ стояло другое, болѣе сильное зло: полная неизвѣстность въ будущемъ и кажущаяся безцѣльность пребыванія на пустынномъ Галлиполи.

Три недѣли спустя послѣ пріѣзда, когда войска уже приняли болѣе или мѣнѣе приличный видъ, Галлиполи посѣтилъ членъ Константинопольскаго Политическаго Объединенія „Пок'а", князь Павелъ Долгоруковъ: это былъ первый пріѣздъ въ армію представителя русской общественности. Въ результатѣ этого визита, кн. П. Долгоруковъ представилъ въ Комитетъ Политическаго Объединенія обширный докладъ, выдержки изъ котораго мы приводимъ здѣсь полностью. Докладъ этотъ чрезвычайно вѣрно и точно описываетъ всю обстановку, схваченную имъ на мѣстѣ, и представляетъ значительный интересъ, какъ первый докладъ, идущій вразрѣзъ съ слагавшимся тогда уже мнѣніемъ русской эмиграціи о ненужности арміи, которая трактовалась только скопленіемъ бѣженцевъ.

Описавъ внѣшнія условія существованія русской арміи, кн. Долгоруковъ говоритъ: „Это военный лагерь, а не лагерь бѣженцевъ. При благопріятныхъ условіяхъ — это кадръ будущей военной мощи. Но присмотрѣвшись ближе и поговоривъ, — очевидно, что при теперешнихъ условіяхъ армія виситъ на волоскѣ и можетъ легко превратиться въ бѣженцевъ, въ банды, распылиться".

Описывая моральное состояніе корпуса въ это время, кн. Долгоруковъ говоритъ: „Теперь почти поголовное стремленіе покинуть Галлиполи, попасть въ Константинополь, въ Германію, гдѣ бы то ни было устроиться. Такихъ мнѣ кажется большинство. Это первая категорія. Къ нимъ примыкаетъ большая часть офицеровъ, въ томъ числѣ и энергичные, доблестные, сражавшіеся и три, и шесть лѣтъ, есть и георгіевскіе кавалеры. Они наиболѣе потрясены катастрофой, думаютъ, что тутъ военное дѣло кончено (какъ я наблюдалъ и послѣ Новороссійской катастрофы), ищутъ личнаго выхода изъ положенія. Вторая категорія — солдаты, менѣе реагирующіе на моральныя переживанія и матеріальныя лишенія, и болѣе инертные офицеры, менѣе стремящіеся уйти отъ хотя и плохого, но своего быта, и отъ казеннаго, хотя и скуднаго, пайка. Третья, наконецъ, категорія — несомнѣнное меньшинство сознательная, наиболѣе твердая, мужественная и закаленная часть офицеровъ (отчасти и солдатъ), которые понимаютъ положеніе, необходимость еще терпѣть и не сдаваться и которые готовы еще и впредь перетерпѣть, лишь бы сохранить военную силу до желаннаго момента, когда можно будетъ эту силу примѣнить".

Но взоръ кн. Долгорукова различаетъ и въ этой обстановкѣ общей подавленности отрадныя картины: „По улицамъ маршируютъ съ пѣснями стройными рядами юнкера. Не суждено ли имъ быть одной изъ основныхъ частей кадра будущаго русскаго войска"? И

черезъ нѣсколько строкъ продолжаетъ: „Русская общественность должна по возможности тѣсно слиться съ арміей въ одно цѣлое, которое должно послужить фундаментомъ будущей русской государственности".

На фонѣ такой безысходности рождались фантастическіе слухи. Говорили, что въ Англіи революція, и всѣ страны, кромѣ Франціи, признали большевиковъ; говорили, наоборотъ, что армія ген. Врангеля признана и что будутъ платить жалованье. Связи съ главнокомандующимъ не было. За все это время извѣстное, хотя далеко не полное, распространеніе получило одно только краткое письмо начальника штаба главнокомандующаго, гдѣ говорилось, что главнокомандующій стремится сохранить армію и категорически отвергаетъ использованіе ея для какихъ-нибудь иныхъ цѣлей, кромѣ разъ навсегда поставленной: борьбы съ большевиками. Но конкретнаго ничего не было; и, наоборотъ, ходили слухи о пріемѣ всей Арміи цѣликомъ во французскія колоніальныя войска. Эти слухи еще укрѣпились, когда, дѣйствительно, французы открыли запись въ колоніальныя войска, причемъ легковѣрные и довѣрчивые съ полной убѣжденностью доказывали, что послѣ шести мѣсяцевъ обученія въ Марсели, французы даютъ офицерскія мѣста. Соблазнъ былъ великъ. Часть слабыхъ и отчаявшихся дрогнула и, несмотря на разъясненія начальства, началась запись.

Таково было положеніе къ первому пріѣзду въ Галлиполи главнокомандующаго.

Главнокомандующій прибылъ въ Галлиполи 18 декабря вмѣстѣ съ французскимъ адмираломъ де-Бонъ и былъ встрѣченъ на пристани почетнымъ карауломъ сенегальскихъ стрѣлковъ. Вѣсть объ этомъ облетѣла весь городъ, и почести, оказанныя ген. Врангелю, трактовались всѣми, какъ офиціальное признаніе Франціей. Мучительный вопросъ — армія мы, или бѣженцы, рѣшался такъ, что вновь разгорались надежды, вновь будилось непотухающее чувство національной гордости, вновь оправдывалось существованіе на дикомъ полуостровѣ.

Главнокомандующій былъ встрѣченъ восторженно. Хотя подробности его борьбы были неизвѣстны широкимъ массамъ, но всѣ тянулись къ нему, какъ къ единственному вождю. И когда главнокомандующій на парадѣ заявилъ, что только что пришло извѣстіе, что до тѣхъ поръ, пока войска не смогутъ быть призваны къ активной борьбѣ, они сохраняютъ свою организацію и свой составъ, что они остаются а р м і е й, — вѣсть эта вызвала громадный энтузіазмъ. Рѣчь эта была произнесена въ присутствіи французскаго адмирала, и адмиралъ де-Бонъ не только не оспаривалъ ея правильности, но такъ-же публично и подтвердилъ. Къ тому времени лагерь принялъ уже благоустроенный видъ и передъ многими линейками были сдѣланы художественныя клумбы изъ раковинъ и цвѣтныхъ камней. Какъ разъ передъ адмираломъ была такая клумба съ изображеніемъ русскаго орла. Де-Бонъ воспользовался этимъ и произнесъ рѣчь, выразивъ надежду, что орелъ, который лежитъ теперь

на землѣ, взмахнетъ своими крыльями, какъ въ тѣ дни, когда онъ парилъ передъ побѣдоносными императорскими войсками. Сомнѣнія не было, что борьба рѣшилась въ нашу пользу.

Посѣщеніе лагеря главнокомандующимъ имѣло громадное значеніе для моральнаго состоянія войскъ. Намѣчался какой-то просвѣтъ. Тяжести повседневной жизни стали какъ-то легче. Правда, такъ же лилъ съ неба дождь, такъ же задувалъ вѣтеръ холщевыя палатки; такъ же было холодно, голодно; такъ же никто не сталъ платить ожидаемаго „жалованья“ и при отсутствіи карманныхъ денегъ, люди нуждались въ табакѣ, въ сахарѣ, въ бумагѣ. Но все это пріобрѣтало иную окраску, и учебныя занятія, начавшіяся къ тому времени, уже многими не трактовались больше „игрою въ солдатики“, но пріобрѣтали смыслъ подготовки къ чему-то новому и важному. И, кажется намъ, что это былъ тотъ моментъ, когда психическое состояніе арміи, такъ вѣрно охарактеризованное кн. Долгоруковымъ, начало пріобрѣтать переломъ, приведшій ее къ блестящимъ страницамъ моральныхъ галлиполійскихъ побѣдъ.

Къ серединѣ января это настроеніе уже укрѣпилось. И когда, 25 января, ген. Кутеповъ устроилъ парадъ, куда были приглашены представители французской власти и мѣстнаго населенія, иностранцы увидѣли стройные воинскіе ряды. И тѣ, которые шли въ этихъ рядахъ, шли, не какъ подневольные люди, которыхъ погнала „кутеповская палка“. Для всѣхъ ихъ этотъ парадъ сталъ національнымъ дѣломъ, — демонстраціей передъ иностранцами нашей силы и мощи.

Въ этотъ день кончился первый, грустный періодъ галлиполійскаго изгнанія. Выявлялся новый ликъ, еще не вполнѣ проявившійся, ликъ прежнихъ изгнанниковъ, глаза которыхъ теперь засвѣтились гордостью и сознаніемъ общаго служенія Россіи.

*
* *

Общій видъ города и лагеря къ этому времени совершенно преобразился. Лагерь пріобрѣлъ почти нарядный видъ. На передней линейкѣ, передъ каждой частью, были сдѣланы эмблемы полковъ, орлы, другія украшенія, часто высокой художественной отдѣлки. Дорожки между полками были обсыпаны пескомъ и усажены срубленными елочками. Лагерь и городъ соединились „декавильной“ — узкоколейной дорогой — на которой доставлялись въ лагерь продукты. Въ городѣ щеголяли юнкера, всегда подтянутые, съ подчеркнутой отчетливостью отдающіе честь, на которыхъ лежала вся тяжесть несенія караульной службы. Городъ, грязный какъ всѣ грязные турецкіе города, принялъ болѣе или менѣе санитарный видъ. „Толкучка“, въ муравейникѣ которой люди теряли воинскій обликъ и становились „бѣженцами“, — была разогнана суровыми воинскими мѣрами: была организована гауптвахта, или „губа“, куда попадалъ всякій, нарушившій воинскій видъ и уставъ. На домахъ появились русскіе надписи и гербы; развѣвались русскіе флаги. На развалинахъ полуразрушенныхъ домовъ появились цѣлыя картины и на одной

стѣнѣ — недалеко отъ моря — красовался художественно нарисованный видъ московскаго Кремля.

Параллельно съ этимъ росло и національное сознаніе. Тѣ, которые три мѣсяца тому назадъ пришли жалкими пришельцами, стали играть теперь доминирующую роль: городъ становился русскимъ. Французы, фактическіе хозяева, отходили на второй планъ. Крѣпло сознаніе своей силы, и крѣпло не только въ своемъ сознаніи, но и въ сознаніи другихъ. Генералъ Кутеповъ становился для турокъ новымъ могущественнымъ „Кутепъ-пашою"; и къ этому пашѣ стали обращаться за разрѣшеніемъ чисто судебныхъ споровъ. Для Галлиполи армія стала неопровержимымъ фактомъ.

По мѣрѣ того, какъ росло сознаніе арміи, зарождались и гражданскіе элементы этого русскаго объединенія. Отдѣльные хоры, которые устраивались по частямъ, больше для того, чтобы какъ нибудь скоротать время, сливались въ большіе, въ которыхъ пѣніе стало культивироваться съ трогательной любовью; по инціативѣ архимандрита Антонія возникли „общеобразовательвые курсы", куда, въ качествѣ лекторовъ, притягивались культурныя силы корпуса. Зарождались любительскіе кружки, изъ которыхъ впослѣдствіи возникъ корпусный театръ. По всей поверхности жизни забурлила, пока еще не видная, общественная и культурная жизнь, и остовъ арміи началъ обрастать аттрибутами государственности.

Генералъ Кутеповъ пересталъ уже казаться неизбѣжнымъ зломъ. Въ этихъ новыхъ проявленіяхъ жизни чувствовалась его рука; и такъ какъ проявленія эти были очевиднымъ благомъ, то и онъ самъ не казался уже такимъ безцѣльно-жестокимъ и черствымъ. Любви и обожанія, конечно, не было. Но о немъ уже говорили съ добродушной усмѣшкой; о немъ создавали анекдоты — и въ этихъ анекдотахъ онъ выступалъ уже въ совершенно иномъ видѣ.

Таково было состояніе корпуса, когда, 15 февраля, въ Галлиполи во второй разъ прибылъ главнокомандующій. Если при первомъ своемъ посѣщеніи, онъ видѣлъ армію — по мѣткому выраженію кн. Долгорукова „висѣвшую на волоскѣ" — то теперь онъ увидѣлъ ее уже на прочномъ фундаментѣ: она осознала себя. Неопредѣленность все продолжалась. Матеріальныя условія не были лучше. Но моральное состояніе корпуса прошло уже черезъ критическіе дни перелома, и второй пріѣздъ ген. Врангеля только закрѣпилъ и фиксировалъ то, что за это время было достигнуто.

Этотъ пріѣздъ носилъ совершенно иной характеръ, чѣмъ тотъ, когда ген. Врангель впервые вступилъ на галлиполійскую почву. Тогда трепетно ждали его, чтобы услышать о своей судьбѣ. Тогда эта масса людей, въ которыхъ боролось отчаянье съ надеждой, безмѣрная усталость съ чувствомъ воинскаго долга, ждала отъ него, который стоялъ надъ нею, слова утѣшенія и поддержки.

Теперь этого не было. За эти два мѣсяца, армія нашла себя и осознала. Она сдѣлала самое главное: признала себя и могла уже спокойно дожидаться чужого признанія. Теперь встрѣча съ ген. Врангелемъ была ей нужна потому, что она должна была показать

своему любимому вождю свои достиженія, свои молодыя, бьющія ключемъ, силы, свой юношескій восторгъ оправившагося и растущаго организма. И этотъ парадъ, котораго никогда не забудетъ ни одинъ изъ его участниковъ, былъ сплошнымъ тріумфомъ главнокомандующему.

Былъ сѣрый, пасмурный день; накрапывалъ дождь. Войска были выстроены широкимъ фронтомъ по громадному ровному полю. Подъѣхалъ автомобиль главнокомандующаго. И когда онъ слѣзъ съ него и подошелъ къ знаменамъ, совершенно неожиданно разорвались тучи, и яркое солнце залило всю долину.

Этотъ неожиданный эффектъ произвелъ потрясающее дѣйствіе. Люди, которые спокойно смотрѣли въ глаза всѣмъ ужасамъ гражданской войны, плакали отъ избытка чувства. Это было чувство радости, гордости, любви, – всего того, что подымаетъ и окрыляетъ.

Никогда не забыть тѣхъ криковъ восторга, того громового „ура", которое перекатывалось изъ конца въ конецъ по длиннымъ шеренгамъ выстроившихся войскъ. Это былъ моментъ массоваго экстаза, когда въ экзальтаціи люди почти не помнятъ себя. Все личное, индивидуальное, — все растворилось въ мощномъ сознаніи единаго коллектива, и этотъ коллективъ воплощался въ одномъ дорогомъ и любимомъ лицѣ.

Переломъ, который уже наступилъ, теперь оформился и закрѣпился. Корпусъ сталъ прочно на ноги: армія перестала „висѣть на волоскѣ".

* * *

Въ Константинополѣ уже сгущались политическія тучи; но ихъ грозныя тѣни еще не достигли до перваго корпуса. Ободренный вторымъ пріѣздомъ главнокомандующаго, только что начавшій новую организованную жизнь, вопреки всѣмъ нормамъ международнаго права, — первый корпусъ почувствовалъ первые проблески весны. Становилось теплѣе; солнце ярче сіяло на ясномъ небѣ. И вмѣстѣ съ этимъ сіяніемъ солнца, разгоралась въ сердцахъ новая надежда на политическую весну. До Галлиполи долетѣли глухіе раскаты Кронштадскаго возстанія; вѣрилось, что это — начало, начало новаго прилива протеста противъ попираемаго права и свободы. Передавали о возстаніяхъ въ шестнадцати сѣверныхъ губерніяхъ; то, что на смѣну вѣчно протестующему Югу возсталъ Сѣверъ, казалось симптомомъ скораго освобожденія. Каждый день давалъ новые ростки организованной жизни, и русскій городъ на турецко-греческой землѣ сталъ застраиваться новыми домами и магазинами.

Тринадцатаго марта пріѣхалъ изъ Константинополя командиръ французскаго оккупаціоннаго корпуса, ген. Шарпи. О его пріѣздѣ было извѣстно за нѣсколько дней – и въ частяхъ начали усиленно готовиться къ параду. Но въ самый день его пріѣзда, парадъ былъ неожиданно отмѣненъ, а изъ города поползли зловѣщіе слухи, что ген. Шарпи отказался отъ почетнаго караула. Ген. Шарпи осматривалъ лагерь. Онъ не позволилъ себѣ ни одного оскорбительнаго за-

мѣчанія; но всѣ чувствовали себя глубоко оскорбленными, несмотря на то, что генералъ, посѣтивъ части, бесѣдовалъ съ георгіевскими кавалерами, вспоминая великую войну: отказъ отъ почетнаго караула покрывалъ собою всю предупредительность французскаго генерала. Разсказываютъ, что при отъѣздѣ онъ сказалъ: „Я долженъ относиться къ вамъ, какъ къ бѣженцамъ; но не могу скрыть того, что видѣлъ передъ собою армію"... И, можетъ быть, то, что ген. Шарпи увидѣлъ эту армію, ускорило то распоряженіе, по которому части предупреждались, что со 1-го апрѣля прекращается выдача пайка, а арміи предлагался переѣздъ въ Бразилію или въ Совѣтскую Россію.

Опубликованія этого приказа еще не было; но ген. Кутеповъ экстренно былъ вызванъ въ Константинополь. 21-го марта ген. Кутеповъ отбылъ изъ Галлиполи, — и тутъ, въ первый разъ, части почувствовали себя осиротѣлыми. Какимъ-то инстинктомъ всѣ чувствовали, что сгущаются тучи; но корпусъ не хотѣлъ — да и не могъ — подчиниться теперь безропотно грядущему натиску. Онъ чувствовалъ теперь свою спайку, свою силу; его пребываніе здѣсь окрасилось теперь патріотизмомъ и жертвеннымъ порывомъ. Но для отпора нуженъ вождь, рѣшительный, смѣлый и преданный: и всѣмъ стало ясно, что такимъ вождемъ можетъ быть только ген. Кутеповъ.

Уже прошло время, когда онъ казался только безцѣльно-жестокимъ: всѣ поняли теперь, что онъ творецъ новаго Галлиполи. На первое мѣсто всплыли въ сознаніи незамѣтныя, но умилявшія всѣхъ мелочи: и во всѣхъ этихъ мелочахъ выплывалъ онъ, какъ заботливый отецъ-командиръ.

Теперь его не было. Въ первый разъ встала мысль: а вдругъ французы не выпустятъ его изъ Константинополя? Эта мысль казалась настолько чудовищно-страшной, что не хотѣлось ей вѣрить. Это казалось концомъ корпуса, концомъ того, что достигнуто такими усиліями и жертвами.

Распоряженіе французскаго правительства, о которомъ сказано выше, дошло до Галлиполи въ отсутствіи командира корпуса. Оно не только не вызвало отчаянія, но проявило во всѣхъ частяхъ необычайный энтузіазмъ. Повсюду, въ городѣ и лагерѣ, кричали „ура" въ честь главнокомандующаго... Французскій ультиматумъ воспринимался, какъ переходъ къ активной борьбѣ, которую жаждала окрѣпшая армія. Хотя впереди было темно, не было видно плана, но кончался нудный періодъ сидѣнья на французскомъ пайкѣ...

Страшило одно: что нѣтъ „комкора"... Безъ него немыслимымъ казался этотъ новый, неизбѣжный путь. И когда, 27 марта, разнеслась вѣсть, что ген. Кутеповъ прибылъ и находится на пароходѣ, всѣ, кто былъ въ городѣ, побѣжали на пристань.

Громовымъ „ура" встрѣтили галлиполійцы своего генерала. Выйдя на берегъ, ген. Кутеповъ сказалъ одну фразу; „Будетъ дисциплина — будетъ и Армія; будетъ Армія — будетъ и Россія"... Въ отвѣтъ на это его подхватили на руки и пронесли до помѣщенія штаба корпуса.

Это была одна изъ внушительнѣйшихъ манифестацій. Эта встрѣча не могла быть подготовлена, и совсѣмъ не походила на офиціальную встрѣчу начальника. Это было стихійнымъ сліяніемъ всѣхъ съ командиромъ корпуса, внушительной демонстраціей передъ французами этого единенія.

Командиръ корпуса находился въ штабѣ; но многотысячная толпа не расходилась. Его появленіе въ дверяхъ опять было встрѣчено взрывомъ энтузіазма. Его опять подхватили на руки, — и вся эта толпа понесла его мимо зданія французской комендатуры до его квартиры. На приказъ о распыленіи корпусъ отвѣтилъ стихійной манифестаціей прочнаго единенія.

* * *

Порывъ прошелъ — и наступила опять обычная жизнь. Распоряженіе о прекращеніи пайковъ было отмѣнено, — но всѣ жили теперь въ постоянной готовности къ новымъ репрессіямъ и въ постоянной мысли, что каждую минуту можно ждать событій, которыя потребуютъ поставить на карту самую жизнь. Въ Константинополѣ открылся „Русскій Совѣтъ", — и одно изъ первыхъ воззваній Русскаго Совѣта касалось новаго оскорбительнаго постановленія французскаго правительства. Армія признавалась окончательно упраздненной. Генералъ Врангель дисквалифицировался, какъ главнокомандующій. Всѣ трактовались, какъ частныя лица, свободныя отъ какого бы то ни было подчиненія, причемъ лицамъ, оказавшимъ неподчиненіе, обѣщалось французское покровительство. Высчитывались расходы на содержаніе русскихъ частей, указывалось, что Франція не можетъ долго нести этихъ расходовъ, что, наконецъ, долгъ чести русскихъ людей освободить отъ нихъ Францію. Въ концѣ приводилось, что „таково мнѣніе авторитетныхъ русскихъ круговъ", въ чемъ очевидно видѣлась рука П. Н. Милюкова.

Та борьба, которая велась за армію въ Константинополѣ, только теперь стала для массы очевидной. „Общее Дѣло", которое жадно читалось всѣми, освѣщало детали этой борьбы; въ „Послѣднихъ Новостяхъ" (за которыя, вопреки утвержденію г. Милюкова, никого не сажали на гауптвахту) появлялись настолько предвзято-ложныя описанія Галлиполи, что они еще болѣе дѣлали дорогими тѣ два лица, которыя окружались теперь неподдѣльной любовью: главнокомандующаго стали почти боготворить; ген. Кутепова любили такъ, какъ только могутъ любить солдаты своего командира. Ген. Врангель рисовался далекимъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ врагами, не сдающимъ честь русскаго имени, отражающаго всѣ натиски нашихъ враговъ. Въ сознаніи людей онъ уже становился заложникомъ арміи, — но не тѣмъ заложникомъ, которому диктуетъ свою волю побѣдитель, а тѣмъ, который морально связанъ съ людьми, ради которыхъ онъ и сталъ такимъ заложникомъ. Ген. Кутеповъ сталъ близкимъ, своимъ, неотдѣлимымъ отъ корпуса; онъ сталъ живымъ воплощеніемъ здѣсь, въ Галлиполи, русской мощи и силы. Между этими двумя людьми мыслилась одна неразрывная связь, которая объеди-

няла собою то, за что терпѣлся голодъ, холодъ, отсутствіе денегъ, а главное — неизвѣстность.

Сроки проходили; надежды обманывались. Кронштадтъ давно отгорѣлъ краснымъ заревомъ. Вмѣсто радости похода, — жизнь принесла запрещеніе ген. Врангелю прибыть на Пасху въ Галлиполи. Пасха прошла безъ него. Фактически онъ сталъ арестованнымъ. И чувство оскорбленія и безсилія заползали въ душу, вмѣстѣ съ пасхальными пѣснопѣніями.

Слабые дрогнули — и сдались. Мысль о ненужности борьбы заползала въ душу — и тѣ, которые уступили передъ этимъ чувствомъ, потеряли то напряженіе воли, которымъ держалось все Галлиполи.

Увеличились рапорты о переводѣ въ „бѣженцы".

Вопросъ объ уходѣ изъ арміи очень много трактовался во враждебной прессѣ и освѣщался всегда умышленно неправильно. Говорилось, что отъ ухода въ бѣженцы удерживались люди только суровыми мѣрами, вплоть до разстрѣла; что только такой терроръ позволилъ ген. Кутепову сохранить армію отъ распыленія. Однако на дѣлѣ все происходило много иначе и много сложнѣе.

Стремилось ли командованіе удерживать отъ ухода въ бѣженцы? Намъ думается, что было бы противоестественно, если командованіе, боровшееся за сохраненіе арміи, не употребляло бы усилій спасти эту армію отъ распыленія. Конечно, оно противодѣйствовало уходу въ бѣженцы.

Но противодѣйствіе это было чисто-моральнаго характера. Командованіе разъясняло свою точку зрѣнія, указывало на велѣнія долга и чести, на опасность распыленнаго эмигрантства и тѣмъ болѣе — на опасность отъѣзда въ Совѣтскую Россію. Оно культивировало и поддерживало то военное общественное мнѣніе, которое въ переходѣ въ бѣженцы видѣло измѣну идеѣ: слово „бѣженецъ" стало почти позорнымъ. Оно шло дальше: оно иногда тормозило движеніе рапортовъ, считая, что зрѣлое размышленіе можетъ измѣнить поспѣшное рѣшеніе. Но мы утверждаемъ, что насильственнаго удержанія въ рядахъ арміи не было.

Но если въ вопросѣ объ уходѣ изъ арміи командованіе не принимало репрессивныхъ мѣръ, то оно было строго къ вопросу о сохраненіи самой арміи. Въ этомъ отношеніи ген. Кутеповъ принималъ рѣшительныя и радикальныя мѣры.

Первая его мѣра сводилась къ изолированію тѣхъ, кто ушелъ въ бѣженцы: для нихъ былъ построенъ спеціальный лагерь въ одномъ километрѣ отъ воинскаго лагеря. Вторая мѣра, которая вызвала рѣзкій конфликтъ между ген. Кутеповымъ и представителемъ Всер. Земск. Союза Б. К. Краевичемъ, состояла въ томъ, что тѣ, которые ушли въ бѣженцы, но не покинули еще территоріи Галлиполи, подчинялись во всемъ требованіямъ воинской дисциплины: ген. Кутеповъ считалъ, что присутствіе „свободныхъ гражданъ" рядомъ съ воинскими частями, неминуемо повлечетъ за собою паденіе общей дисциплины и расшатаетъ основы воинской организаціи. И мы думаемъ, что крѣпость галлиполійскаго корпуса много зависѣла отъ

того, что, въ противоположность константинопольскому раіону, всѣ были одинаково подчинены суровому воинскому регламенту. Третье, наконецъ, противъ чего боролся ген. Кутеповъ, не останавливаясь передъ преданіемъ суду, — это дезертирство, уходъ изъ арміи безъ соблюденія нужныхъ формальностей, тайкомъ, часто съ захватомъ казеннаго имущества. Противъ этого зла былъ выдвинутъ весь арсеналъ военной репрессіи.

Эти мѣры значительно укрѣпили ядро корпуса. Онѣ позволили ему сохраниться даже въ тѣхъ невѣроятно — трудныхъ обстоятельствахъ, которыя создались послѣ рѣшенія французскаго правительства о нашемъ распыленіи.

Въ корпусѣ начался сложный процессъ дифференціаціи и естественнаго подбора. И этотъ процессъ разразился вскорѣ случаемъ, имѣвшимъ очень большія послѣдствія.

Пришелъ пароходъ, и французы объявили, что они принимаютъ на него желающихъ уѣхать въ Болгарію на работы. Соблазнъ былъ очень великъ: вопросъ о переброскѣ въ славянскія страны, который былъ поставленъ главнокомандующимъ въ отвѣтъ на заявленіе французовъ о невозможности содержать армію безконечно, затормозился. Французское предложеніе подоспѣло какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мечта о славянскихъ странахъ отдалялась на неопредѣленное время. Вопросъ о томъ, что такимъ неорганизованнымъ отъѣздомъ люди подрываютъ основы воинской дисциплины, многимъ не приходилъ въ голову, — и 23 мая до 1000 человѣкъ подъ французскимъ покровительствомъ отбыли въ Бургасъ.

Ихъ отъѣздъ пробилъ большую брешь въ тѣлѣ перваго корпуса. Важно было не количество: число уѣхавшихъ составляло всего 3,9 проц. Такое массовое нарушеніе дисциплины показывало на внутреннюю болѣзнь, было дурнымъ примѣромъ, подрывавшимъ всѣ устои, на которыхъ сохранялась армія. Надо было принять рѣшительныя мѣры — и на слѣдующій день, 24 мая, ген. Кутеповъ издалъ приказъ, въ силу котораго, въ теченіе трехъ дней, до 27 мая предлагалось каждому свободно уйти въ бѣженцы; но тѣ, кто оставался послѣ этого срока, должны были взять на себя опредѣленное моральное обязательство и уходъ послѣ этого срока приравнивался къ дезертирству со всѣми его послѣдствіями.

Приказъ ген. Кутепова былъ чрезвычайно смѣлъ по своей мысли; онъ ставилъ на карту все существованіе арміи. Онъ бросалъ вызовъ всѣмъ тѣмъ, кто упрекалъ командованіе въ насильственномъ держаніи въ „кутеповскомъ застѣнкѣ". Каждый въ эти три дня долженъ былъ передумать тысячу мыслей; проявить ту инціативу, отъ которой отвыкаютъ люди, привыкшіе къ дисциплинѣ. Для многихъ эти дни были днями тяжелой душевной драмы и незабываемыхъ переживаній. Но дни эти прошли. Изъ арміи ушло двѣ тысячи человѣкъ. Корпусъ очистился отъ колеблющихся и внутренне окрѣпъ.

Интересно отмѣтить, что самовольная отправка въ Бургасъ вызвала приказъ главнокомандующаго, который до деталей воспроизводитъ приказъ ген. Кутепова отъ 27 мая, изданный имъ на свою

личную отвѣтственность. Приказъ главнокомандующаго, датированный 30 мая, — т. е. изданный внѣ зависимости отъ приказа ген. Кутепова, еще неизвѣстнаго тогда въ Константинополѣ, показываетъ на удивительное единодушіе нашихъ вождей.

Указывая на то, что переброска арміи скоро начнется, но что французскія власти, минуя русское командованіе, предложили желающимъ грузиться въ Болгарію, ген. Врангель говоритъ:

„Я извѣстилъ болгарское и сербское правительства, что отвѣчать за порядокъ и дисциплину самовольно отправляющихся толпъ не могу. Не сомнѣваюсь, что таковыя приняты не будутъ. Дальнѣйшая ихъ участь мнѣ безразлична.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приказываю:

1. Командирамъ корпусовъ немедленно предложить всѣмъ желающимъ перечислиться изъ частей въ бѣженскіе лагери, назначивъ для записи трехдневный срокъ.

2. Объявить записавшимся, что они свободны отправиться куда пожелаютъ, но пока они остаются въ бѣженскихъ лагеряхъ, на казенномъ пайкѣ, они обязаны подчиняться порядку, установленному въ лагеряхъ.

3. Строжайше воспретить возвращеніе въ части изъ бѣженскихъ лагерей обратно.

4. Тѣхъ, которые, не записавшись въ указанный срокъ въ бѣженскіе лагери и оставаясь въ частяхъ, будутъ самовольно оставлять ряды, арестовывать и предавать военно-полевому суду, какъ сознательно вносящихъ разложеніе въ части.

5. Командирамъ эшелоновъ подъ личную отвѣтственность вмѣняю не принимать на посадку отправляющихся одиночнымъ порядкомъ, а буде таковые будутъ посажены французскими властями, — по прибытіи въ портъ немедленно о нихъ докладывать русскому представителю въ пунктѣ высадки.

Вновь напоминаю, что въ нашемъ единеніи наша сила. Вѣрю, что вы не посрамите нашихъ знаменъ и, спаянные воинскимъ долгомъ, устоите какъ всегда."

Послѣднія слова приказа оправдались. Армія устояла. Послѣ потрясеній этихъ трехъ дней, стало больше внутреней связи и спайки. Галлиполи перешло къ фазѣ новаго мирнаго строительства.

* * *

Послѣ той „ампутаціи", которая послѣдовала благодаря приказу ген. Кутепова, корпусъ могъ начать новую жизнь, развивая свои внутреннія потенціальныя силы. Острота политическаго положенія немного сгладилась: французы поняли, что признаніе авторитета ген. Врангеля выгодно для того, чтобы организованно справиться съ затрудненіями, вставшими передъ ними, какъ только они попробовали подорвать его авторитетъ. Изъ области разговоровъ, вопросъ о разселеніи въ славянскія страны переходилъ уже въ область фактовъ. Обстановка потребовала совмѣстнаго сотрудничества верховныхъ комиссаровъ и ген. Врангеля, — и хотя формальное юридичес-

кое признаніе за нимъ правъ главнокомандующаго было невозможно послѣ деклараціи французскаго правительства, эта обстановка потребовала фактическаго признанія его власти.

Новый періодъ жизни галлиполійской арміи шелъ теперь подъ знакомъ ученья — общаго и военнаго, культурной работы — въ видѣ театра, художественно-музыкальныхъ кружковъ, „устной газеты", атлетическихъ игръ и пр. и налаживанія связей съ русскими общественными кругами.

Князь Павелъ Долгоруковъ, который еще въ декабрѣ 1920 г. усмотрѣлъ въ І-мъ корпусѣ армію и взывалъ къ русской общественности съ призывомъ къ ея поддержкѣ, былъ сперва почти одинокимъ; но къ этому времени эта атмосфера одиночества значительно разсѣялась.

Благодаря работѣ А. И. Гучкова, уже въ декабрѣ 1920 г. за поддержку Арміи высказался Парламентскій Комитетъ, вполнѣ доброжелательно относились къ ней общественные элементы въ Константинополѣ; но одновременно съ этимъ и „новая тактика" Милюкова развилась уже цѣлое идеологическое теченіе, которое обрастало все большимъ числомъ приверженцевъ. Многіе, которые въ Константинополѣ при прибытіи ген. Врангеля со 126 судами привѣтствовали въ его лицѣ Правителя и Главнокомандующаго, не только отрицали теперь за нимъ право Правителя, — то выдвигая новые безчисленные суррогаты власти (учредиловцы, Совѣщаніе Пословъ и т. д.) то объявляя себя „автономными" и подчиненными только „будущему" законному правительству Россіи, — но склонны были отрицать и бытіе арміи, а слѣдовательно и существованіе главнокомандующаго. Была еще одна компромиссная тенденція: поддержка арміи, но не Врангеля и даже до абсурдной милюковской формулы: „защита арміи отъ Врангеля и Кутепова". По существу это было желаніемъ подчинить Армію власти аморфныхъ общественныхъ группъ, и, конечно, основывалось на абсолютномъ непониманіи природы и духа арміи.

Эти различія отношеній въ значительной мѣрѣ зависѣли отъ близости къ самому предмету споровъ, — Русской Арміи, — и измѣнялись въ зависимости отъ глубины и полноты информаціи. Чудо ея сохраненія не могло не вліять на эти настроенія, но та духовная и физическая мощь, которая возродилась вопреки всѣмъ мнѣніямъ, не могла такъ импонировать Парижу, какъ это было на берегахъ Стамбула. Однако и для самого Стамбула особое значеніе имѣли тѣ информаціи и еще больше — то живое свидѣтельство, которое исходило съ мѣстъ и въ первую очередь отъ представителей тѣхъ же общественныхъ круговъ.

Видную роль въ этомъ дѣлѣ сыгралъ представитель Всероссійск. Земскаго Союза въ Галлиполи С. В. Рѣзниченко, б. офицеръ Павловскаго полка.

С. В. Рѣзниченко смѣнилъ Б. Н. Краевича, при которомъ работа В. З. С. въ Галлиполи велась въ духѣ указанной нами выше „автономности" и полуотрицанія. Это направленіе мѣстной работы

при новомъ представителѣ смѣнилось яркимъ признаніемъ арміи, признаніемъ ея значенія, пониманіемъ ея подвига, безграничной готовностью ей помочь, но не только ради гуманитарныхъ соображеній, но ради государственныхъ и политическихъ задачъ. Матеріальная помощь Земскаго Союза усилилась; открылись питательные пункты, мастерскія, поддерживались всѣ культурныя начинанія. На тѣ незначительныя средства, которыя отпускались для этой цѣли, не могло быть сдѣлано много: это была капля въ морѣ общей нужды и гораздо менѣе, чѣмъ гуманитарная помощь Американскаго Краснаго Креста съ его представителемъ, маіоромъ Дэвидсономъ, распространяющаяся, впрочемъ, только на женщинъ и дѣтей. Мы знаемъ больше: что невозможность удовлетворить всѣхъ — вызвала во многихъ чувство несправедливости и обиды. Но намъ извѣстно, что въ отношеніи матеріальной помощи сдѣлано было на отпускаемыя средства рѣшительно все.

Однако, мы считаемъ эту сторону дѣятельности С. В. Рѣзниченко второстепенной и не главной. Главная его заслуга была въ томъ, что онъ умѣлъ поддерживать всѣ жизненные ростки, ободряя, помогая матеріально, часто самъ внося иниціативу. И несомнѣнно главнѣйшая заслуга состояла въ томъ, что въ самую мрачную эпоху Парижскаго отрицанія, онъ сумѣлъ своими докладами въ Константинополѣ подержать и укрѣплять то настроеніе, котораго искали сами общественные круги, но для укрѣпленія котораго сами нуждались въ постоянномъ ободрѣніи.

Первый же докладъ С. В. Рѣзниченко въ Главн. Комитетъ Земскаго Союза въ Константинополѣ былъ яркой апологіей галлиполійскаго корпуса. „Совершилось русское національное чудо, — писалъ онъ, — поразившее всѣхъ безъ исключенія, особенно иностранцевъ, заразившее непричастныхъ къ этому чуду и, что особенно трогательно, несознаваемое тѣми, кто его творилъ. Разрозненные, измученные духовно и физически, изнуренные остатки арміи ген. Врангеля, отступившіе въ море и выброшенные зимой на пустынный берегъ разбитаго городка, въ нѣсколько мѣсяцевъ создали при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ крѣпкій центръ русской государственности на чужбинѣ, блестяще дисциплинированную и одухотворенную армію, гдѣ солдаты и офицеры работали, спали и ѣли рядомъ, буквально изъ одного котла, — армію, отказавшуюся отъ личныхъ интересовъ, нѣчто вродѣ нищенствующаго рыцарскаго ордена, только въ русскомъ масштабѣ, — величину, которая своимъ духомъ притягивала къ себѣ всѣхъ, кто любитъ Россію“. Давъ такую характеристику арміи и впервые, кажется, пустивъ крылатое слово о „нищенствующемъ орденѣ“, онъ кричитъ всѣмъ, кто только можетъ его услышать, что „армія голодаетъ“ и строитъ свой гуманитарный призывъ на чисто принципіальныхъ, національно-патріотическихъ предпосылкахъ.

Его настойчивый голосъ, упорный стукъ въ константинопольскія двери, наконецъ, личное вліяніе и авторитетъ, играютъ боль-

шую роль въ укрѣпленіи позицій сторонниковъ арміи. Въ Галлиполи начинаютъ пріѣзжать гости нашей общественности.

Это было въ серединѣ іюня 1921 г. въ самый яркій періодъ галлиполійской жизни. Переброска въ славянскія страны еще не началась. Всѣ части были въ сборѣ. Въ городѣ находились шесть военныхъ училищъ: Сергіевское, Корниловское, Николаевско-Алексѣевское инженерное и Николаевское кавалерійское. Несмотря на то, что они принуждены были ютиться въ развалинахъ, что они были лишены примитивныхъ учебныхъ пособій, скудно питались, несли кромѣ занятій караульную службу, — они были въ полномъ смыслѣ слова образцовыми частями. Старыя традиціи училищъ съ ихъ культомъ офицерской чести, съ постояннымъ напряженіемъ и дисциплиной, развивались здѣсь съ особой отчетливостью. Теперь, на чужбинѣ, когда весь корпусъ осозналъ себя носителемъ идеи національной Россіи, это сознаніе въ сердцахъ юношей пробуждалось съ необычайной яркостью. Всегда чисто, и даже по условіямъ жизни блестяще, одѣтые, подтянутые, съ постояннымъ, во всѣхъ обстоятельствахъ непрекращающимся, сознаніемъ не только своей службы, но служенія, они были лучшимъ украшеніемъ перваго корпуса.

Кромѣ этихъ юношей, городъ всегда былъ полонъ офицерами и солдатами разныхъ воинскихъ частей. Въ городѣ были курсы и школы: военно-административные, артиллерійскіе — для штабъ и оберъ офицеровъ. Гимнастическо-фехтовальная школа сумѣла создать высокіе образцы культа здороваго человѣческаго тѣла. Учебныя команды различныхъ частей заражались духомъ юнкеровъ и не только внѣшне, по формѣ, но и внутренно, по содержанію. Городъ блестѣлъ своей чистотой; лагерь щеголялъ своимъ убранствомъ. Тамъ тоже весь досугъ уходилъ на воинскія учебныя занятія, которыя поддерживали дисциплину и воинскій духъ.

Для дѣтей былъ организованъ дѣтскій садъ. Солдаты-гимназисты, не закончившіе образованія, были откомандированы изъ частей въ городъ, въ гимназію имени барона П. Н. Врангеля. Почти весь запасъ наличныхъ культурныхъ силъ сталъ преподавателями этой своеобразной гимназіи.

На одной изъ главныхъ улицъ, въ пустующей комнатѣ, организованы были сперва спорадическіе, а потомъ и систематическіе курсы, затрагивающіе уже предметы высшей школы. Курсы эти уже начали перекидываться въ лагерь, для тѣхъ, кто не могъ ходить въ городъ. Въ преподавательскихъ кругахъ уже зарождалась организація галлиполійской академической группы.

По инціативѣ молодого энергичнаго журналиста, подпоручика Шевлякова, организовалась „Устная Газета“, гдѣ 2-3 раза въ недѣлю, въ городѣ и въ лагерѣ, читались сводки газетъ всѣхъ направленій, собственныя статьи, фельетоны, рефераты. „Устная Газета“ пріобрѣла большую популярность и аудиторія была биткомъ набита постоянными слушателями.

Церковные хоры высокой художественной отдѣлки пѣли въ городской церкви и въ многочисленныхъ походныхъ полковыхъ церк-

вахъ. Литературные и художественные кружки работали по студіямъ. Издавались рукописные журналы. Появились мѣстные поэты, среди которыхъ слѣдуетъ отмѣтить молодого юнкера П. Сумского. Иллюстрированные журналы достигли высокой степени совершенства и въ журналѣ кавалерійской дивизіи „Развѣй горе въ чистомъ полѣ“ помѣщались первоклассныя акварельныя каррикатуры.

Около развалинъ стараго Акрополя, гдѣ на стражѣ стоятъ вѣковыя пиніи, вылѣзающія изъ историческихъ башенъ и стѣнъ, помѣстился корпусный театръ. Все — и декораціи, и реквизитъ, — все было сдѣлано руками самихъ артистовъ; они же были и рабочими на сценѣ, и уборщиками, и администраторами. Часто самый текстъ пьесъ былъ возстанавливаемъ по памяти самими артистами, — и все это было проникнуто трогательной любовью.

Первые гости нашей общественности застали Галлиполи въ этомъ періодѣ расцвѣта.

Правда, вполнѣ эмансипироваться отъ парижскаго вліянія было не легко, и константинопольская общественность работала съ перебоями. Въ концѣ того же іюля, за подписью главноуполномоченнаго Кр. Креста сенатора Иваницкаго, предсѣдателя Главнаго Комитета В. З. С. — А. С. Хрипунова и предсѣдателя Главнаго Комитета Союза Городовъ — П. П. Юренева былъ присланъ для распространенія меморандумъ „Цок'а“ (Центральный Объединенный Комитетъ). Этотъ меморандумъ состоялъ въ обращеніи „ко всѣмъ бѣженцамъ, включая лагери Галлиполи и Лемносъ“, въ которомъ говорилось, что единственный выходъ изъ положенія — это распыленіе, организованное по общему плану. И такъ какъ это соотвѣтствуетъ желанію французовъ, къ которымъ русскіе должны питать вѣчную и незабываемую благодарность, то слѣдуетъ итти по этому пути, пользуясь французской помощью и благожелательствомъ.

С. В. Рѣзниченко, который долженъ былъ явиться агентомъ по распространенію этой брошюры въ частяхъ, не только отказался отъ этого порученія, но послалъ новый мотивированный докладъ по этому вопросу. Красочно описывая всѣ препятствія и оскорбленія французовъ, г. Рѣзниченко еще разъ заявилъ, что въ „Галлиполи сейчасъ находится армія, а не бѣженцы. Эта армія можетъ уйти въ Сербію или нѣтъ, но пока что остается арміей, и сейчасъ, послѣ пережитого оскорбить ее меморандумомъ Цок'а, въ которомъ она трактуется только бѣженствомъ, просто говоря — нельзя“...

Эта рѣзкая отповѣдь имѣла свое вліяніе. Отъ А. С. Хрипунова была получена телеграмма, съ просьбой не распространять этотъ меморандумъ, который можно разсматривать, какъ одинъ изъ такихъ „перебоевъ“ нашей общественной работы.

* * *

12 іюля въ Галлиполи происходило торжество, — производство юнкеровъ старшаго класса въ офицеры, первое производство въ изгнаніи. Но это изгнаніе, эта убогая обстановка, — все отошло на второй планъ. Это было настоящее русское торжество, которое такъ

не вязалось со всѣми представленіями гряжданскаго бѣженства и эмиграціи.

А черезъ четыре дня этотъ духовный подъемъ еще усилился новымъ незабываемымъ для каждаго галлиполійца торжествомъ: открытіемъ галлиполійскаго памятника.

Началось, какъ и все въ Галлиполи, съ очень скромныхъ размѣровъ. Было организовано жюри для разсмотрѣнія проэктовъ, были учреждены преміи, и, конечно, размѣры этихъ премій были ничтожно малы. Галлиполійцамъ, впрочемъ, такъ не казалось. Не получая жалованья, они имѣли мѣсячное пособіе, которое главнокомандующему съ громадными затрудненіями удавалось добывать: офицеры получали по 2 лиры, а солдаты по 1 лирѣ въ мѣсяцъ. Но и это пособіе приходило не регулярно. Поэтому первая премія въ 5 лиръ и вторая въ 3 лиры не казались такими мизерными.

На конкурсъ были представлены 18 проэктовъ, что еще лишній разъ указываетъ на культурный уровень корпуса. Первая премія была присуждена за проэктъ часовни въ псковскомъ стилѣ; вторая за проэктъ надгробія въ римско-сирійскомъ стилѣ. Результаты конкурса были представлены на утвержденіе генералу Кутепову. Первый проэктъ требовалъ для своего осуществленія 750 турецкихъ лиръ; второй — всего 450 лиръ. Кромѣ того, второй проэктъ былъ проще, прочнѣе, и по своему суровому характеру и грубости линій больше отвѣчалъ суровому и грубому характеру галлиполійской жизни.

Командиръ корпуса остановился на второмъ проэктѣ и поручилъ руководство постройкой памятника автору проэкта подпоручику техническаго полка Акатьеву. Въ распоряженіе подпоручика Акатьева была дана команда въ 35 человѣкъ, а вопросъ о матеріалѣ былъ очень упрощенъ приказомъ по корпусу: принести каждому, не взирая на чинъ и служебное положеніе, по одному камню. Въ нѣсколько дней было принесено до 24000 камней, — и постройка началась.

Памятникъ былъ заложенъ 9 мая, а черезъ два мѣсяца, 16 іюля, торжественно освященъ. Передъ памятникомъ были выстроены войска и депутаціи съ вѣнками. Вѣнки были самодѣльные: изъ колючей проволоки, изъ обрѣзковъ жести, но были выполнены такъ, что поражали своей художественностью: всѣхъ вѣнковъ было около 60. Когда грубый брезентъ, покрывавшій памятникъ, былъ спущенъ, всѣ увидѣли его въ его грубой и величественной красотѣ. Онъ имѣетъ видъ кургана, напоминающаго немного шапку Мономаха. На переднемъ фасадѣ его — бѣлая мраморная доска, гдѣ золотыми буквами выгравирована надпись:

Упокой Господи души усопшихъ.
I-й корпусъ Русской Арміи своимъ братьямъ-воинамъ, въ борьбѣ за честь родины нашедшимъ вѣчный покой на чужбинѣ въ 1920—21 г.г. и въ 1854—55 г.г. и памяти своихъ предковъ-запорожцевъ, умершихъ въ турецкомъ плѣну.

Надпись повторена на французскомъ, греческомъ и турецкомъ

языкахъ. Она отвѣчаетъ тому несомнѣнному факту, что во времена Крымской кампаніи здѣсь хоронили нашихъ плѣнныхъ; она отвѣчаетъ и тому преданію, что здѣсь именно лежатъ кости погибшихъ запорожцевъ той эпохи, когда Галлиполи былъ крупнымъ поставщикомъ рабовъ для малой Азіи.

Надъ этой надписью — художественно изваянный русскій государственный гербъ, въ видѣ немного модернизированнаго, соотвѣтственно стилю, орла. Вся постройка кончается мраморнымъ четырехконечнымъ крестомъ, типъ котораго былъ взятъ для галлиполійскаго знака.

На богослуженіе и парадъ были приглашены представители мѣстной власти и мѣстнаго населенія. Ген. Кутеповъ передалъ мэру города актъ, которымъ поручалъ въ будущемъ городу охрану русской святыни. Парадъ прошелъ съ рѣдкимъ воодушевленіемъ.

Но высшій предѣлъ напряженія былъ во время рѣчи корпуснаго священника о. Ф. Миляновскаго. Рѣчь его была потрясающа по своей силѣ и вдохновенности. Сѣдой, съ благообразнымъ лицомъ, величественный въ своемъ облаченіи, съ глазами, полными слезъ, долгіе годы прожившій въ военной средѣ, ее понявшій и полюбившій, онъ достигъ такого высокаго подъема, что объ этой рѣчи говорили, какъ о наитіи.

Мы приводимъ изъ нея краткія выдержки:

„Вы — воины христолюбцы,— сказалъ о. Миляновскій,— вы дайте братскій поцѣлуй умершимъ соратникамъ вашимъ.

Вы — поэты, писатели, художники, баяны — гусляры серебристые,— вы запечатлѣйте въ вашихъ твореніяхъ образы почившихъ и повѣдайте міру о ихъ подвигахъ славныхъ.

Вы — русскія женщины, —вы припадите къ могиламъ бойцовъ и оросите ихъ своею чистою слезою,— слезою русской женщины, русской страдалицы—матери.

Вы — русскія дѣти, — вы помните, что здѣсь, въ этихъ могилахъ, заложены корни будущей молодой Россіи, — вашей Россіи, — и никогда ихъ не забывайте“.

Но о. Миляновскій захватилъ еще болѣе широкую тему. У подножія памятника, окруженнаго русскими могилами, откуда серебряной полоской виднѣется Дарданелльскій проливъ съ фіолетовыми рядами горъ, — онъ обратился къ тѣмъ, которые распылились по Божьему свѣту и голосъ которыхъ замолкъ въ этомъ хаосѣ современной жизни. Онъ обратился къ крѣпкимъ, сильнымъ и мудрымъ, силой и мудростью которыхъ должно воздвигнуться будущее русское государство:

„Вы — крѣпкіе! Вы — сильные! Вы — мудрые! Вы сдѣлайте такъ, чтобы этотъ клочекъ земли сталъ русскимъ, чтобы здѣсь современемъ красовалась надпись: — „Земля Государства Россійскаго“ и рѣялъ бы всегда нашъ русскій флагъ“...

* * *

Это былъ періодъ расцвѣта галлиполійскаго корпуса. Трудности

переговоровъ о переброскѣ войскъ въ славянскія страны были преодолѣны, и въ теченіе августа мѣсяца почти вся кавалерія тремя крупными эшелонами отбыла въ Сербію, а громадный „Решидъ-паша" до верху нагруженный солдатами и офицерами отошелъ въ Болгарію. Галлиполи порѣдѣло. Въ лагерѣ, который представлялъ собою громадный полотняный городокъ, появились точно выжженныя кѣмъ то мѣста, гдѣ остались слѣды отъ стоявшихъ тамъ палатокъ. Первыя партіи уѣхавшихъ создали настроеніе общаго скораго отъѣзда. Томительное ожиданіе смѣнилось надеждой на братскія славянскія страны.

Какъ онѣ рисовались? Большинство не отдавало себѣ отчета и мечтало только о перемѣнѣ надоѣвшаго французскаго пайка на новую, во всякомъ случаѣ лучшую, жизнь. Тяжело отразилось извѣстіе, что офицерамъ придется въ Сербіи снять форму и служить простыми солдатами: но во имя общей спайки соглашались претерпѣть и это. Условія Болгаріи были неясны; но слухи о томъ, что этого требованія тамъ не выставляется, дѣлалъ въ глазахъ многихъ заманчивой мечту о Болгаріи. Но главное было то, что передвиженіе началось.

Только немногіе боялись этого передвиженія: оно рисовалось имъ, какъ начало „распыленія", противъ котораго было употреблено столько усилій. „Животу станетъ лучше, а духу — хуже", пришлось намъ слышать мѣткое замѣчаніе. Въ двѣ разныхъ страны разсыпался единый корпусъ. И въ каждой странѣ — онъ растекался по городамъ и мѣстечкамъ, переставалъ быть изолированнымъ, соприкасался съ бѣженцами, съ населеніимъ, съ большевистской пропагандой, со всѣмъ враждебнымъ міромъ, становился на работы и принужденъ былъ продавать свой рабочій трудъ... Все это наполняло невольно тревогой.

Въ это время въ Галлиполи прибылъ Предсѣдатель Русскаго Національнаго Комитета въ Парижѣ проф. А. В. Карташовъ.

Онъ засталъ Галлиполи уже въ началѣ заката, но такимъ же твердымъ по духу, какимъ онъ былъ еще во время расцвѣта. Почти одновременно съ его пріѣздомъ, французы сдѣлали еще одну попытку къ распыленію: была вывѣшена запись желающихъ уѣхать въ Баку и Батумъ на нефтяные промыслы. Конечно, говорилось о гарантіяхъ неприкосновенности и обѣщалось французское покровительство. Но запись эта не имѣла никакого успѣха и встрѣчена была общими насмѣшками: корпусъ понялъ все значеніе сотвореннаго имъ дѣла.

Это пониманіе до сихъ поръ еще не сдѣлалось достояніемъ русскихъ эмигрантскихъ массъ. Для насъ, стоящихъ на опредѣленной національно-патріотической позиціи, въ этомъ сохраненіи арміи видится крупная моральная побѣда, сохранившая духъ людей въ постоянномъ напряженіи и готовности жертвеннаго подвига. Для насъ — это патріотическое дѣло, которое когда нибудь будетъ оцѣнено Россіей.

Но русская эмиграція не поняла и другого, обязательнаго для

всѣхъ людей, лишенныхъ предвзятыхъ мнѣній. Пусть мысль, во имя которой сохранялась армія ложна въ своей основѣ: ея сохраненіе принесло неисчислимыя выгоды для десятковъ тысячъ, находившихся въ ея рядахъ. Если бы вся эта масса, освободившаяся отъ дисциплины, была сразу брошена на европейскій рынокъ труда, она погубила бы себя въ борьбѣ за существованіе и не только морально, но физически, опустилась бы на дно. Никакая форма организаціи, никакіе способы организованнаго перехода къ новымъ условіямъ жизни, не могли быть примѣнены къ массѣ, которой привычна одна только форма военной организаціи. Но для поддержки этой организаціи нужна была идеологическая основа: безъ нея не можетъ существовать воинской части. Такимъ образомъ и тѣ, которые отрицаютъ значеніе арміи въ настоящихъ политическихъ условіяхъ, которые безумно толкали къ распыленію единственную крупную и органически-связанную русскую организацію, должны — если желаютъ быть справедливыми признать значеніе арміи, хотя бы во имя физическаго существованія тысячъ людей.

Проф. А. В. Карташовъ, пріѣхавшій дорогимъ гостемъ общественности въ этотъ „нищенствующій рыцарскій орденъ“, конечно, взглянулъ на него не съ этой, утилитарной, точки зрѣнія. Склонный къ религіозно-философскому міровоззрѣнію, онъ увидѣлъ въ галлиполійскомъ корпусѣ религіозно-философское подкрѣпленіе своихъ теоретическихъ взглядовъ на борьбу съ большевизмомъ. Для него не было такимъ важнымъ, что Галлиполи былъ на ущербѣ, что осыпались зеленыя елочки на дорожкахъ лагеря, что смыло дождемъ нѣсколько клумбъ съ эмблемами полковъ; углубленный въ себя, онъ смотрѣлъ на парадъ, который ген. Кутеповъ сдѣлалъ по случаю его пріѣзда. Можетъ быть только тотъ поцѣлуй, которымъ обмѣнялся онъ съ командиромъ корпуса передъ фронтомъ выстроившихся въ бѣлыхъ гимнастеркахъ войскъ, казался ему реальнымъ и понятнымъ символомъ того, что протекало передъ его глазами. Когда, въ переполненномъ слушателями корпусномъ театрѣ, онъ выступилъ со своимъ докладомъ о нравственномъ оправданіи борьбы съ большевиками, онъ явился передъ аудиторіей не лекторомъ, но проповѣдникомъ, не ученымъ философомъ-богословомъ, но участникомъ общей мистеріи. Намъ извѣстно, какое впечатлѣніе произвели его слова на этой необыкновенной лекціи. Онъ не приноравливался къ толпѣ; онъ говорилъ своимъ обычнымъ языкомъ и даже разъ употребилъ латинскую цитату. Но мы знаемъ простыхъ солдатъ, которые съ восторгомъ слушали А. В. Карташева; и не только слушали, но понимали то значительное, что было въ его словахъ. А это значительное было не въ комплиментахъ, не въ ободрѣніи радужными перспективами, не въ обѣщаніи помочь, — а въ выявленіи той нравственной красоты подвига, который творили, но который не могли осознать.

А. В. Карташовъ уѣхалъ тоже потрясенный всѣмъ видѣннымъ, а еще больше — перечувствованнымъ. Въ лагерѣ нашихъ друзей въ общественныхъ сферахъ прибавилось однимъ крупнымъ лицомъ.

И черезъ мѣсяцъ, въ концѣ сентября, Галлиполи посѣтили послѣдніе константинопольскіе гости: В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и А. С. Хрипуновъ.

Они подвели итоги впечатлѣніямъ своихъ предшественниковъ. Они обѣщали активно выступить на борьбу за возстановленіе галлиполійской правды. И по пріѣздѣ въ Константинополь, они выступили съ докладомъ, который такъ и назывался: „Правда о Галлиполи".

„Почему же печать пишетъ о Галлиполи неправду"? говоритъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ въ своемъ докладѣ. „Потому что въ печати выступаютъ чаще всего слабые, обиженные, невыдержавшіе испытанія тяжелаго, суроваго, но необходимаго. Они уходили и опубликовывали свои субъективныя впечатлѣнія". Но правда о Галлиполи иная: „Въ Галлиполи вдали отъ родины перерабатываютъ опытъ войны и революціи. Тамъ сознательно любятъ Россію, хотятъ работать на ея пользу. И если суждено будетъ вскорѣ освободить хоть часть родной территоріи и если ее займутъ части І-го корпуса, то можно будетъ поручиться за прочность этого освобожденія и порадоваться за успѣхъ всего русскаго дѣла".

Таково было заключеніе опытнаго военнаго юриста по спорному дѣлу о Галлиполи.

* * *

Послѣдній періодъ жизни въ Галлиполи былъ подведеніемъ итоговъ всего этого изумительнаго года.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно не назвать этотъ періодъ „изумительнымъ"? Двадпать пять тысячъ человѣкъ, брошенныхъ зимою на пустынный берегъ, не только не растерялись, не только не опустились, но претерпѣвая громадныя лишенія, сплачивались во имя чисто идеологическихъ побужденій. Окружающая жизнь приносила одни удары. Союзники не только держали строгій нейтралитетъ, но всей силой своего государственнаго авторитета стремились подорвать идеологическія основы существованія и уничтожить физически остатки Крымской арміи. Вліятельные круги русской эмиграціи проповѣдывали „новую тактику", такъ хорошо воспринимаемую массой изверившихся и деклассированныхъ бѣженцевъ.

Но наперекоръ всему этому, укрѣплялся духъ и усиливалась спайка оставшихся въ Галлиполи. Ген. Врангель и ген. Кутеповъ, травимые печатью, пріобрѣтали необычайный авторитетъ: одно ихъ слово могло двинуть всю эту массу на вѣрную смерть. Въ маленькомъ турецкомъ городкѣ кипѣла настоящая русская жизнь — и для участниковъ этой жизни Галлиполи становился кусочкомъ Россіи: въ то время, какъ вся эмиграція потеряла родину, галлиполійцы жили въ крошечномъ русскомъ государствѣ.

Понятно, почему они любили—и до сихъ поръ нѣжно любятъ этотъ клочекъ земли. И на этомъ клочкѣ зарождалась, крѣпла и бурлила своя самобытная общественная жизнь.

„Кутепъ-паша", который былъ неограниченнымъ правителемъ этого русскаго городка, прекрасно понималъ это. Онъ не только

не глушилъ общественныхъ ростковъ, но, давъ имъ полную свободу, содѣйствовалъ ихъ сильнѣйшему проявленію.

Въ концѣ сентября поднялся вопросъ объ откомандированіи 100 студентовъ въ Прагу.

Этотъ вопросъ былъ выдвинутъ константинопольскими академическими кругами, но въ отношеніи арміи пріобрѣлъ нѣсколько странный оттѣнокъ: она была поставлена на послѣднюю очередь.

Когда слухъ о возможности командировки въ Прагу, въ самой первой его стадіи, проникъ въ Галлиполи, то представитель В. З. С. въ Галлиполи осаждался лицами, желавшими получить справки. Однако, всѣ его запросы въ Союзъ Городовъ оставались безъ отвѣта.

Въ самомъ Константинополѣ вопросъ о галлиполійскихъ студентахъ можетъ быть и не былъ бы поднятъ, если бы, узнавъ объ этомъ, главнокомандующій не возбудилъ его самъ.

Повидимому, все это не явилось случайностью и въ основѣ лежали глубокія причины. Во первыхъ считалось, что командованіе, которое такъ ревниво оберегаетъ армію отъ „распыленія", не согласится добровольно отпустить изъ своихъ рядовъ нѣсколько сотъ молодыхъ офицеровъ: непрерывныя корреспонденціи въ „Послѣднихъ Новостяхъ", совершенно искажавшія истину, могли только подкрѣпить это убѣжденіе.

Во вторыхъ считалось, что это дѣло не только академическое, но и гуманитарное. А такъ какъ положеніе галлиполійцевъ, получавшихъ паекъ, расцѣнивалось болѣе благопріятнымъ, чѣмъ лицъ, брошенныхъ на мостовыя Пера, то предпочтеніе отдавалось послѣднимъ.

Въ третьихъ — мы не исключаемъ этой возможности — казалось нежелательнымъ перевести въ Прагу компактную группу „реакціонно-настроенныхъ людей", какими казались чины 1-го корпуса въ глазахъ многихъ участниковъ этого дѣла.

Такимъ образомъ и главнокомандующій и ген. Кутеповъ были поставлены въ извѣстность объ этомъ начинаніи почти въ послѣднюю стадію этого дѣла.

Въ Галлиполи узнали о немъ изъ частнаго письма проф. Ломшакова изъ Праги, которое было тотчасъ же доложено ген. Кутепову. Извѣщая въ немъ о предпринятыхъ шагахъ, проф. Ломшаковъ безпокоился о судьбѣ галлиполійцевъ, высказывая убѣжденіе, что именно они, дисциплинированные и стойкіе, должны будутъ представить лучшій матеріалъ для комплектованія студенчества.

Академическая группа 1-го армейскаго корпуса, въ которую входили всѣ, причастные къ преподаванію въ высшей школѣ, была уже организована, и ген. Кутеповъ поручилъ ей составить списки студентовъ, подвергнувъ ихъ коллоквіуму. Почти одновременно съ этимъ, онъ получилъ приказаніе главнокомандующаго произвести наборъ студентовъ.

Мы утверждаемъ, что во все время работы комиссіи академической группы, которая подвергала желающихъ общему экзамену, опредѣляла удѣльный вѣсъ представленныхъ документовъ и пр., она не только не подвергалась давленію со стороны штаба корпуса,

но дѣйствовала совершенно свободно, сама вырабатывая всѣ методы для производства коллоквіума. Даже больше: кончивъ работу, комиссія представила ген. Кутепову списокъ отобранныхъ ста лицъ въ опредѣленной послѣдовательности и цѣлый рядъ кандидатовъ, на случай, если ген. Кутеповъ не утвердилъ бы кого-нибудь изъ избранныхъ. Въ условіяхъ военной жизни это настолько естественно, что комиссія даже не сочла бы это за уменьшеніе ея правъ.

Генералъ Кутеповъ утвердилъ списокъ цѣликомъ, заявивъ, что онъ не считаетъ себя вправѣ его измѣнять. Всѣ соображенія личнаго характера, протекціи, политической благонадежности и пр. не получили никакого вліянія на рѣшеніе этого вопроса, и вскорѣ всѣ сто студентовъ, трогательно провожаемые ген. Кутеповымъ, снабженные имъ продовольствіемъ, отбыли въ Константинополь.

Намъ извѣстно, что въ Константинополѣ они были тепло встрѣчены ген. Врангелемъ, который принялъ всѣ мѣры къ ихъ размѣщенію и устройству: командованіе смотрѣло на нихъ не какъ на дезертировъ, но какъ на своихъ офицеровъ, которые ѣдутъ учиться для Россіи во время тягостнаго лихолѣтья.

Въ Константинополѣ они подверглись жестокой атакѣ со стороны „свободнаго студенчества", не связаннаго съ арміей. Сотня сохранила въ пути военную организацію; сотня была спаяна въ одно цѣлое галлиполійскими воспоминаніями; сотня подчинила себя совершенно свободно воинской дисциплинѣ. Все это вызывало нападки, насмѣшки, а — отчасти—и зависть: преимущества организаціи слишкомъ были очевидны.

Теперь, черезъ два года, галлиполійцы въ Прагѣ представляютъ такую же сплоченную семью и по свидѣтельству проф. Ломшакова представляютъ лучшихъ студентовъ. Намъ думается, что этотъ случай есть неопровержимый фактъ, доказывающій всю преступность взгляда на необходимость, въ свое время, какъ можно скорѣе, ликвидировать Крымскую Армію.

* * *

Культурная работа корпуса шла своимъ чередомъ. Заканчивался большой коллективный трудъ: „Русскіе въ Галлиполи", который долженъ былъ стать вторымъ памятникомъ галлиполійской жизни.

Трудъ этотъ возникъ по мысли Рѣзниченко, который выхлопоталъ для его составленія средства отъ В. З. С. Почти каждую недѣлю собирались его участники; обязательно приходилъ ген. Кутеповъ со своимъ штабомъ — и на этихъ собраніяхъ происходилъ оживленный обмѣнъ мнѣній по каждой статьѣ. Командиръ корпуса и здѣсь давалъ полную свободу сужденій и мнѣній. Онъ приходилъ, какъ членъ общей коллегіи, часто вносилъ много новыхъ деталей, но никогда не давилъ ни своимъ авторитетомъ, ни своею властью. Трудъ составлялся любовно и бережно. Подбиралась масса фотографій для иллюстрацій; чертились діаграммы; лучшіе художники корпуса рисовали виньетки и заставки. Намъ думается, что этотъ об-

ширный томъ о Галлиполи, когда онъ выйдетъ въ свѣтъ, внесетъ много новаго въ литературу о зарубежной Россіи.

* * *

Наступалъ уже октябрь. Сѣверо-восточные штормы срывали ветхія палатки. Слухи о перебраскѣ въ славянскія страны смѣнились слухами о полной безнадежности. Политическія интриги мѣшали осуществленію этой мечты. Впереди наступала зима и полная безнадежность.

Генералъ Врангель, лишенный возможности пріѣхать лично, посылалъ своихъ близкихъ людей, ободряя и укрѣпляя. Но это ободрѣніе было слабымъ палліативомъ, такъ какъ только онъ одинъ имѣлъ незыблемый авторитетъ.

29 октября былъ изданъ приказъ главнокомандующаго, который мы приводимъ полностью. Онъ съ необыкновенной силой и драматизмомъ рисуетъ этотъ тяжелый періодъ.

„Дорогіе соратники, — говоритъ главнокомандующій въ этомъ приказѣ. — Восемь мѣсяцевъ я оторванъ отъ васъ. Вдали отъ родныхъ частей, я мысленно переживаю съ вами лишенія и тяготы, и помыслы мои денно и нощно среди васъ.

Я знаю ваши страданія, ваши болѣсти. Ваша стойкость, ваша беззавѣтная преданность долгу даютъ мнѣ силы вдали отъ васъ отстаивать честь родного знамени.

Низкій вамъ поклонъ.

Нынѣ большая часть арміи нашла пріютъ у братьевъ-славянъ.

Все, что въ моихъ силахъ, я дѣлаю для ускоренія отправки оставшихся въ Галлиполи и Кабаджѣ частей.

На славянской землѣ, среди братскихъ народовъ, я вновь увижу родныя знамена, вновь услышу громовое „ура“ Русскихъ Орловъ.

Нынѣ издалека шлю вамъ мой горячій привѣтъ“.

Мы думаемъ, что едва ли можно съ большей правдивостью и экспрессіей выразить эту тоску, эти заботы, эту борьбу за попираемую идею. И войска въ Галлиполи терпѣли — и ждали. Ползли слухи о провалѣ перевозки оставшихся въ славянскія страны. Готовились къ зимѣ. Стали рыть землянки и уходить въ землю.

И только одна надежда, одна любовь къ тому, кто „дѣлаетъ все, что въ его силахъ“ ободряла людей и поддерживала ихъ духъ.

* * *

Наконецъ настали знаменательныя годовщины. 15 ноября — исполнился годъ съ оставленія родной земли. Въ этотъ день главнокомандующій утвердилъ знакъ „въ память пребыванія русской арміи на чужбинѣ“. Знакъ имѣетъ видъ чернаго креста (по типу креста на галлиполійскомъ памятникѣ), окаймленнаго бѣлой каймой. На крестѣ даты: „1920—1921“; для частей, находящихся въ лагеряхъ — соотвѣтственныя надписи: „Галлиполи“, „Лемносъ“, „Бизерта“ и др. Знакъ носится на лѣвой сторонѣ груди, выше всѣхъ другихъ знаковъ — и

траурнымъ своимъ видомъ и благородной простотой соотвѣтствуетъ своему происхожденію.

Черезъ недѣлю — 22 ноября — наступила годовщина прибытія въ Галлиполи.

Въ этотъ день, послѣ молебна, было торжественно открыто „Общество Галлиполійцевъ“, которое включило въ свой составъ всѣхъ — не исключая женщинъ и дѣтей — которые претерпѣли и пережили весь этотъ годъ. А черезъ нѣсколько дней всѣ были обрадованы новымъ извѣстіемъ. Почти примирившіеся съ необходимостью зимовать, войска вдругъ получили извѣстіе, что идутъ цѣлыхъ три парохода, „Кюрасундъ“, „Акъ-Денизъ“ и „Решидъ-паша“, которые заберутъ оставшіяся части. Но вся эта радость меркла передъ одной: на „Кюрасундѣ“ прибываетъ главнокомандующій.

Необычайный энтузіазмъ охватилъ войска, особенно юнкеровъ. „Мы не дадимъ ему ѣздить — мы понесемъ его на рукахъ“, заявляли они. Все готовилось къ этой встрѣчѣ. Но въ моментъ посадки въ Константинополѣ, ген. Шарпи не разрѣшилъ ѣхать ген. Шатилову. Главнокомандующій заявилъ протестъ и отказался ѣхать самъ. Его мечта попасть въ Галлиполи не осуществилась и теперь „Кюрасундъ“ прибылъ безъ ген. Врангеля.

У всѣхъ опустились руки. Все напряженіе, весь горячій порывъ — какъ то потухли. Осенній вѣтеръ переходилъ въ настоящую бурю.

Трудно себѣ представить, что было бы, если бы къ этому времени не прибыли пароходы. Штормъ окончательно снесъ почти всѣ палатки. Выпалъ глубокій снѣгъ. Люди не успѣли сдѣлать себѣ землянки и остались подъ открытымъ небомъ.

Но на рейдѣ уже стояли пароходы, какъ сигналъ къ спасенію.

* * *

Вся серія пароходовъ не могла забрать всѣхъ галлиполійцевъ. Оставалась небольшая кучка въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которыхъ, несмотря на всѣ старанія, главнокомандующему еще не удалось пристроить. Съ послѣднимъ изъ прибывшихъ пароходовъ уѣзжалъ ген. Кутеповъ со своимъ штабомъ; начальникомъ „галлиполійскаго отряда“ оставался ген.-м. Мартыновъ.

Странное чувство было въ эти послѣдніе дни. Генералъ Кутеповъ такъ былъ связанъ съ корпусомъ, казался такимъ единственнымъ защитникомъ на мѣстѣ противъ всякихъ покушеній со стороны, что невольно страхъ закрадывался въ душу тѣхъ, кто обреченъ былъ остаться.

Тѣ же, которые уѣзжали, покидали Галлиполи безъ той радости, о которой мечтали раньше. Впереди было новое, неизвѣданное и жуткое; позади же оставалось такое дорогое, полное воспоминаній, будившее гордость, — что отрываться отъ этого пережитого было необычайно тяжело.

Наканунѣ отъѣзда послѣдняго эшелона, была на галлиполійскомъ памятникѣ панихида. Это было послѣднее прощаніе съ тѣми, которыхъ оставляли навсегда. Буря прошла. Снѣгъ стаялъ и неожи-

данно запахло весной. Фіолетовыя дымки горъ на томъ берегу расцвѣтились солнечными лучами. Въ тѣни стояли массивные холмы, за которыми располагался когда то лагерь: теперь его не было и въ широкой долинѣ остались тамъ только слѣды прошедшей жизни.

Хоръ въ этотъ день пѣлъ какъ то особенно трогательно. Послѣдняя панихида вышла глубоко захватывающей и проникновенной. Весь тотъ духовный запасъ, все то напряженіе, которое воспитывалось въ Галлиполи, разрѣшалось мягкимъ аккордомъ заупокойныхъ пѣснопѣній.

На слѣдующій день, 18 декабря, былъ отъѣздъ. Галлиполійцы уѣзжали совсѣмъ не такъ, какъ пріѣзжали годъ тому назадъ.

Населеніе, которое видѣло оккупаціонныя войска многихъ странъ, въ первый разъ почувствовало въ русскихъ своихъ друзей. Это настроеніе сказалось во многихъ проявленіяхъ. Муниципалитетъ въ своемъ засѣданіи назвалъ одну изъ улицъ „улицей Врангеля". Мэръ, митрополитъ—грекъ, муфтій - турокъ, всѣ соединились въ общемъ настроеніи къ отъѣзжающимъ.

Французы тоже рѣзко измѣнили свое отношеніе. Въ глубинѣ души они не могли не преклоняться передъ рыцарствомъ русскихъ частей; они не могли только выявить этого чувства, связанные общей „высшей" политикой. Теперь, нъ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ, они могли безъ риска для себя показать свое лицо.

Утромъ въ день отъѣзда былъ послѣдній парадъ. На богослуженіи присутствовали митрополитъ съ греческимъ духовенствомъ, мэръ, префектъ, муфтій. Комендантъ французскихъ войскъ, полковн. Томассенъ, пришелъ со всѣми офицерами; всѣ были демонстративно въ русскихъ орденахъ.

Рѣчь генерала Кутепова была проникнута большой силой и чувствомъ. Обращаясь къ войскамъ, онъ сказалъ:

— Вы цѣлый годъ несли крестъ; теперь этотъ крестъ носите вы на груди. Объедините же вокругъ этого креста русскихъ людей, носите честно русское имя и не давайте никому русскаго знамени въ обиду...

Обращаясь къ прошлому, поблагодаривъ населеніе за теплый пріемъ, ген. Кутеповъ коснулся Франціи. Въ послѣднія минуты прощанія онъ умышленно забылъ обо всѣхъ обидахъ.

— Вы помните, — годъ тому назадъ, мы были сброшены въ море. Мы шли неизвѣстно куда: ни одна страна насъ не принимала. Одна только Франція оказала намъ пріютъ. Вы помните, какъ пришли мы на голое поле. Какъ десятки пароходовъ безпрерывно подвозили намъ палатки и продукты... Мы ни одного дня не были оставлены безъ продовольствія... За благородную Францію и французскій народъ, ура!

Въ самый моментъ отъѣзда, закрылись всѣ магазины. Зазвонили въ греческой церкви, и весь разноплеменный Галлиполи, — турки, греки, армяне, эспаньолы — выбѣжали провожать грознаго „Кутепъпашу". Полк. Томассенъ съ французскими офицерами провожалъ ген. Кутепова, послѣднимъ садившагося на пароходъ, до самаго ка-

тера, и при звукахъ Преображенскаго марша, Марсельезы и греческаго гимна, „Акъ-Денизъ“ отошелъ отъ Галлиполійскаго рейда...

* * *

Сь отъѣздомъ ген. Кутепова оставались послѣдніе Галлиполійцы. Категорическое обѣщаніе Сербіи ихъ принять, было категорически нарушено — и въ теченіе долгихъ двухъ лѣтъ, они понемногу перевозились на работы въ Венгрію. Только въ Маѣ 1923 г. арьергардъ галлиполійцевъ прибылъ въ Сербію.

Ген. Мартыновъ до конца охранялъ традиціи Галлиполи. Ему удалось установить прекрасныя отношенія съ французами и англичанами. Когда городъ перешелъ во власть турокъ, онъ сумѣлъ и тутъ сохранить свою независимость и достоинство. Жизнь отряда продолжала носить чисто-военный распорядокъ несмотря на то, что всѣ пошли на работы. Но галлиполійцы не дѣлались рабочими. Англичане въ Киліи, которые давали эту работу, строго различали ихъ отъ остальныхъ бѣженцевъ, высоко цѣнили ихъ трудъ, и не только не стремились разрушить ихъ воинскій укладъ, но поддерживали его, правильно учитывая его значеніе.

Съ отъѣздомъ частей и ген. Кутепова, Галлиполи перестало быть центромъ политическаго вниманія. Въ условіяхъ повседневной жизни маленькаго гарнизона, французы и англичане были свободны отъ давленія центра и могли выявлять свое отношеніе офицеровъ.

* * *

На берегахъ Дарданеллъ галлиполійцы жили еще долго; но конечно, Галлиполи, какъ центръ политическихъ страстей и споровъ, съ отъѣздомъ ген. Кутепова кончился и духъ его переселился вмѣстѣ съ нимъ.

И когда тронулся „Акъ Денизъ“, ген. Кутеповъ долго стоялъ на спардекѣ. Скрывались очертанія горъ и все яснѣе становилась тропинка въ лагерь.

Смотря въ эту исчезающую даль, ген. Кутеповъ сказалъ стоявшему съ нимъ офицеру:

— Закрылась исторія Галлиполи... И я могу сказать, закрылась почетно...

3.

Казаки грузились въ двухъ пунктахъ Крыма: въ Ѳеодосіи и въ Керчи. Въ Ѳеодосіи грузились кубанцы; въ Керчи донцы. Кубанцы были направлены на о. Лемносъ; донцы распредѣлялись въ окрестностяхъ Константинополя.

О. Лемносъ былъ въ полномъ смыслѣ слова водяной тюрьмой. Скалистый и пустынный, безъ единаго деревца, почти безъ воды, подверженный холоднымъ нордъ-остамъ, лѣтомъ палимый жгучимъ южнымъ солнцемъ, — онъ долженъ былъ томить вольную душу казака своей безмѣрной безнадежностью. Мрачныя условія жизни въ Галлиполи были тутъ еще мрачнѣе. Потрясенные, лишенные оружія, претерпѣвшіе многодневный переходъ въ грязныхъ и тѣсныхъ трюмахъ, — выходили казаки въ новую тюрьму, окруженную со всѣхъ сторонъ волнами моря.

Но казаки сходили не одни: съ ними была Кубанская Рада.

Казалось бы, что долгъ кубанскаго казачьяго парламента — въ эти тяжелыя минуты поддержать растерявшихся казаковъ; что всю силу своего духа и своего вліянія — надлежало бы направить на созданіе спайки и поддержанія авторитета тѣхъ, отъ кого казаки ждали указаній и которые были одни отвѣтственны за всю эту массу людей. Но этого не произошло. Жизнь на пустынномъ островѣ казаки начали съ выборовъ.

Кубанскій атаманъ Иванисъ былъ неизвѣстно гдѣ; надлежало выбрать новаго атамана, составить новое правительство. Разгорѣлись страсти. Всѣ были втянуты сразу въ обстановку предвыборной кампаніи и отдѣльные демагоги стали пріобрѣтать власть надъ толпой. Авторитетъ строевого начальства стоялъ поперекъ дороги намѣреніямъ выплывшихъ вождей. Надо было его подорвать. И въ ужасающемъ хаосѣ предвыборной борьбы, создавая обстановку сплошного митинга, кубанцы начали жизнь въ этой новой тюрьмѣ рѣшеніемъ самостоятельныхъ политическихъ проблемъ.

Необходимо отмѣтить, что строевое начальство дѣлало все, чтобы уменьшить создавшійся хаосъ и съ невѣроятными усиліями направляло казаковъ на путь сохраненія воинской дисциплины. Но вся эта обстановка еще болѣе увеличивала невѣроятную тяжесть, упавшую на казачьи плечи.

Въ началѣ декабря на Лемносъ прибылъ главнокомандующій. Онъ засталъ казаковъ уже внѣшне спокойными; но за этой внѣшностью еще не улеглись разгулявшіяся страсти.

Послѣ парада и обхода одной изъ частей, къ главнокомандую-

щему подошелъ стремящійся овладѣть атаманской булавой, поддержанный Кубанскими демагогами, полковникъ Винниковъ и просилъ разрѣшенія сдѣлать ему докладъ относительно многихъ важныхъ обстоятельствъ; главнокомандующій просилъ его зайти къ нему послѣ обѣда. Присутствовавшій здѣсь французскій генералъ-губернаторъ Лемноса, ген. Бруссо, тогда еще очень расположенный къ нашимъ частямъ, охарактеризовалъ полковника Винникова, какъ чрезвычайно непріятнаго и назойливаго человѣка и добавилъ: „Онъ ежедневно бѣгаетъ ко мнѣ съ жалобами почти на всѣхъ начальниковъ, прося ихъ убрать... Мнѣ бываетъ прямо стыдно за такое поведеніе русскаго офицера."

Полковникъ Винниковъ явился къ главнокомандующему и заявилъ ему, что необходимо въ первую очередь уволить корпуснаго командира ген. Фостикова. Ген. Врангель, уже освѣдомленный объ общемъ положеніи на островѣ, рѣзко его оборвалъ, указавъ, что не допускаетъ возможности подобныхъ обращеній офицера къ главнокомандующему. Когда же полковникъ Винниковъ сталъ настаивать, ген. Врангель предупредилъ, что приметъ мѣры, чтобы снять съ него офицерскіе погоны и не остановится передъ тѣмъ, чтобы смутьяновъ предать военно-полевому суду.

Вскорѣ полк. Винниковъ и цѣлый рядъ недовольныхъ лицъ покинули негостепріимный островъ, и разлагающее политиканство стало прекращаться.

Можно было заняться тѣмъ, чего требовала суровая и неприглядная жизнь.

* * *

Донскіе казаки въ это время были расквартированы въ окрестностяхъ Константинополя.

Въ 85 километрахъ отъ Царьграда расположилась турецкая деревушка Чилингиръ. На одной изъ окраинъ Чилингира, въ заброшенномъ имѣніи, гдѣ было до десяти пустующихъ овчаренъ, — должна была расположиться часть донцовъ. Эти овчарни, съ полуразвалившимися крышами, загаженныя пометомъ, служили теперь помѣщеніемъ для казаковъ, а 3-й донской запасный батальонъ помѣщался вмѣстѣ съ овцами и лошадьми.

Но и эти овчарни не могли принять всѣхъ: часть оставалась подъ открытымъ небомъ и спѣшно уходила въ землю, строя землянки.

Скученность, недостатокъ питанія, общія антисанитарныя условія были таковы, что уже 8 декабря появилась въ Чилингирѣ холера, и только энергичными мѣрами и строгимъ карантиномъ холера была ликвидирована къ началу января.

Все это отражалось самыми тяжелыми послѣдствіями на настроеніи духа. Началось бѣгство изъ этого кошмарнаго лагеря. Жизнь казалась порою безпросвѣтнымъ ужасомъ.

Военныя мѣропріятія для поддержанія воинскаго духа и вида парализовались присутствіемъ бокъ-о-бокъ „бѣженцевъ", заявляв-

шихъ, что они „никому не подчинены". Хотя въ отношенiи общаго управленiя они были подчинены военному начальству, для внутренняго управленiя были образованы „выборные комитеты", — и вся бѣженская психологiя деклассированныхъ людей проникала ихъ внутреннiй укладъ. Поэтому важнымъ мѣропрiятiемъ для сохраненiя частей — служило изолированiе ихъ отъ этихъ бѣженскихъ группъ. Когда большая часть бѣженцевъ была переселена въ другiя мѣста, стала налаживаться понемногу и жизнь донцовъ — и уже къ 4 января, когда въ Чилингиръ прибылъ Донской атаманъ, они представляли собою уже оправившiяся воинскiя части.

* * *

Другая часть донцовъ была расположена въ деревушкѣ Санджакъ-Тепе, въ полутора километрахъ отъ станцiи Хадемъ-Кiой и размѣщена въ деревянныхъ баракахъ; часть устроилась въ землянкахъ. Условiя жизни, весьма тяжелыя съ точки зрѣнiя нормальной обстановки, были все же несравненно лучше чилингирскихъ. Здѣсь были расположены лучшiя строевыя части, здѣсь не было развращающаго влiянiя гражданскихъ бѣженцевъ — и жизнь сразу же начала налаживаться. Многiя землянки, побѣленныя внутри, съ застекленными окнами, выглядѣли почти нарядно. Продовольствiе доставлялось аккуратно, благодаря узкоколейкѣ, соединяющей Санджахъ-Тепе съ Хадемъ-Кiой. Санитарное состоянiе стояло много выше, чѣмъ въ Чилингирѣ.

Все это сразу сказалось на общемъ настроенiи. Здѣсь была вѣра въ армiю, здѣсь было яркое сознанiе воинскаго долга и безконечная преданность главнокомандующему.

Когда послѣ попытки французовъ насильно отправить казаковъ на Лемносъ произошло кровавое столкновенiе, ген. Шарпи понялъ, что эти люди не безсловесные бѣженцы и спѣшно просилъ ген. Врангеля отдать отъ своего имени соотвѣтствующiй приказъ. Главнокомандующiй поставилъ условiемъ, чтобы казакамъ было гарантировано питанiе на Лемносѣ, и, получивъ завѣренiе въ этомъ, издалъ приказъ о переброскѣ на Лемносъ. То, что не удалось сдѣлать примѣненiемъ фванцузской силы, было безъ всякихъ затрудненiй выполнено однимъ приказомъ главнокомандующаго: донцы еще разъ показали себя дисциплинированной частью.

Жизнь въ Санджакъ-Тепе напоминала нѣсколько Галлиполи. Организовался театръ, читальня; устраивались лекцiи и сообщенiя; были общеобразовательные курсы для офицеровъ; обучались ремесламъ. Въ свободное время занимались охотой. Культурная жизнь пробивалась наружу и скрашивала тяжелое существованiе.

Не говоритъ ли это еще лишнiй разъ о томъ, какъ были неправы тѣ, кто въ уничтоженiи воинской организацiи видѣли очередную культурную задачу?

* * *

Третья часть донцовъ была расположена въ красивой лѣсистой

мѣстности въ имѣніи Кабаджа, въ десяти километрахъ отъ полуразрушеннаго турецкаго городка Чаталджи. Это былъ въ подлинномъ смыслѣ слова подземный городокъ, ибо разселились казаки въ многочисленныхъ (около 300) землянкахъ. Лѣсу было кругомъ много и строительный матеріалъ былъ подъ руками. Оборудованію землянокъ придавали большое значеніе — и нѣкоторыя изъ нихъ производили впечатлѣніе настоящихъ хатъ.

Сперва, подъ вліяніемъ почти полной голодовки, начались побѣги; потомъ продовольственный вопросъ наладился, наступила весна, появились частные заработки — и къ Пасхѣ большинство казаковъ имѣли уже хорошіе сапоги, фуражки и шаровары съ лампасами. Была устроена библіотека, читальня, церковь и театръ.

Театръ, гдѣ подвизались двѣ труппы русская и украинская, очень скрашивалъ жазнь кабаджинцевъ. Жизнь наладилась — и общій духъ окрѣпъ.

Кабаджинцы оставались тамъ до поздней осени, когда части ихъ были перевезены въ Галлиполи.

* * *

Штабъ корпуса и немногочисленныя части стояли на станціи Хадемъ-Кіой. Здѣсь былъ центръ всей жизни Донского корпуса: здѣсь жилъ самъ „комкоръ" — командиръ корпуса ген. Абрамовъ. Маленькая турецкая кофейня служила пріемной генералу. При проходѣ его, русскіе вставали „смирно" — и много турокъ посѣтителей также вставало и провожало глазами „русскаго командира": ген. Абрамовъ сразу сумѣлъ внушить къ себѣ общее уваженіе.

Здѣсь, въ Хадемъ-Кіой, былъ нервъ всей жизни. Здѣсь не было того чувства заброшенности и одиночества. Пробѣгая свой далекій путь, на станціи задерживался европейскій экспрессъ — и изъ зеркальныхъ стеколъ вагона-ресторана пассажиры съ удивленіемъ смотрѣли на бодрыя лица русскихъ казаковъ подъ самыми воротами Царьграда.

Въ концѣ марта изъ подъ этихъ царьградскихъ воротъ эти люди уплывали на одинокій и невѣдомый Лемносъ. Тамъ, на Лемносѣ собирались теперь всѣ казаки, чтобы тяжелыми испытаніями закалить свою волю прирожденныхъ бойцовъ.

* * *

Жизнь казаковъ на Лемносѣ во многомъ походила на Галлиполи. Тѣ же преодолѣнія внѣшнихъ препятствій; та же борьба съ природой — здѣсь, на каменистомъ островѣ, еще болѣе тяжелая; та же безконечная приспособляемость русскаго человѣка. Послѣ первыхъ преодолѣній — тѣ же ростки культурной жизни — церковные хоры, лекціи, бесѣды, театръ, информаціонный листокъ.

Но если тамъ, въ Галлиполи, выступали эти всходы на фонѣ все возрастающей крѣпости, все увеличивающейся спайки и воинскаго духа, — то здѣсь, на Лемносѣ, все шло подъ знакомъ ежеминутнаго угнетенія и оскорбленія. Поэтому теперь, когда Лемносскій періодъ

оконченъ, можно подвести итоги тому почти сверхчеловѣческому усилію, съ которымъ ген. Абрамову, прибывшему на Лемносъ въ самое трудное время, удалось съ честью вывести казаковъ изъ этой водяной тюрьмы.

* * *

Главнокомандующій прибылъ на Лемносъ, послѣ восторженной встрѣчи въ Галлиполи, 19 февраля. Ген. Бруссо, сухой формалистъ, еще недавній „другъ Россіи", незадолго до этого рѣзко измѣнилъ свою тактику. Въ концѣ января онъ издалъ приказъ по лагерю, гдѣ говорилось, „что въ интересахъ русскихъ — слѣдуетъ въ самой широкой мѣрѣ поддерживать эвакуацію, согласно принятому окончательному рѣшенію, бѣженцевъ, пожелающихъ возвратиться въ родную страну" и предлагалось „разрѣшить бѣженцамъ выразить по командѣ совершенно свободно свое желаніе по этому вопросу французскому командованію". Дальше говорилось въ этомъ приказѣ: „Сдѣланы шаги, чтобы добиться гарантіи ихъ личной безопасности. Въ случаѣ надобности они будутъ отвезены въ одинъ изъ портовъ Совѣтской Россіи". Результаты анкеты предлагалось сообщить къ 1 февраля, а 13 февраля „Решидъ-Паша" съ репатріантами тронулся въ Совѣтскую Россію.

Ген. Врангель прибылъ на Лемносъ тогда, когда еще не улеглись страсти и волненія послѣднихъ дней. Торжественно встрѣченный казаками, онъ обратился къ нимъ съ простой, понятной ихъ сердцу рѣчью, — и то колебаніе, которое началось въ частяхъ, сразу кончилось: дальнѣйшая запись была сорвана. Политика ген. Бруссо потерпѣла крушеніе, и это обстоятельство ускорило рѣшеніе объ „изолированіи" главнокомандующаго отъ войскъ. Вся тяжесть борьбы на мѣстахъ переходила теперь на плечи мѣстнаго начальства.

А борьба эта только что начиналась. 26 марта былъ объявленъ новый приказъ ген. Бруссо, гдѣ говорилось, что „французское правительство рѣшило прекратить въ кратчайшій срокъ всякій кредитъ на содержаніе русскихъ бѣженцевъ. Французское правительство, — говорилось дальше въ приказѣ, — не намѣрено содѣйствовать, ни даже допустить, новыя дѣйствія ген. Врангеля противъ Совѣтской власти. При такихъ условіяхъ бѣженцамъ предстоитъ выбрать одно изъ трехъ слѣдующихъ положеній: 1. Возвратиться въ Совѣтскую Россію; 2. Выѣхать въ Бразилію; 3. Самимъ обезпечить свое существованіе". Въ концѣ этого приказа ген. Бруссо говоритъ: „Чтобы обезпечить полную искренность, соотвѣтственно взгляду французскаго правительства, приказываю произвести опросъ французскими офицерами, которые въ сопровожденіи небольшихъ отрядовъ посѣтятъ различные полки и соединенія и разсѣятъ ложные слухи, которые уже распространяются".

Въ это самое время на Лемносъ прибыла послѣдняя новая партія чаталджинцевъ на „Решидъ-пашѣ" и ген. Абрамовъ со своимъ штабомъ на „Донѣ".

На пароходахъ велась самая безсовѣстная агитація. „Казаковъ

убѣждали, — писалъ по этому поводу ген. Врангель верховному комиссару Франціи г. Пелле, не вѣрить своему командному составу, не вѣрить офицерамъ, которые ихъ обманываютъ и скрываютъ горькую правду. Все де уже кончено, какъ въ Россіи, такъ и здѣсь. На Лемносѣ ихъ ждетъ голодная смерть. Предлагалось даромъ не терять времени, не сходить на берегъ, а на этихъ же пароходахъ отправляться въ Совѣтороссію.

Первое время не зная, что дѣлать, не зная истинной обстановки, нашлись нѣсколько тысячъ упавшихъ духомъ людей, остановившихся въ нерѣшительности и замѣшкавшихся на пароходахъ.

Таковые немедленно были объявлены отправляющимися въ Совдепію и окружены французской охраной.

Когда же удалось установить связь съ берегомъ и выяснить положеніе, то многіе казаки одумались и просили отправить ихъ обратно въ войсковыя части. Но имъ было объявлено, что уже поздно мѣнять рѣшеніе.

Никакія мольбы не помогали. Многіе казаки въ отчаяньи бросались съ пароходовъ въ воду и вплавь пытались достичь берега.

Можетъ ли подобная картина быть названа отправкой людей, добровольно изъявившихъ желаніе ѣхать на родину?"

Ген. Абрамовъ очутился въ этомъ кипящемъ котлѣ людей, пораженныхъ неожиданной новостью и поставленныхъ въ безвыходное положеніе. Стоя на капитанскомъ мостикѣ, онъ въ короткой рѣчи обратился со словами успокоенія и призывалъ „не особенно поддаваться французскимъ страхамъ". Изъ всѣхъ трехъ выходовъ—только одинъ, - перейти на собственное иждивеніе — былъ хоть сколько нибудь пріемлемъ, и ген. Абрамовъ убѣждалъ, что и съ 1-го апрѣля казаки не будутъ лишены пайка, что главнокомандующій изыщетъ въ дальнѣйшемъ способы помочь имъ, что нужно относиться къ нему съ тѣмъ же довѣріемъ, что и раньше. И пока говорилъ ген. Абрамовъ, съ берега слышалось раскатистое „ура". Крики росли, ширились, играла музыка и это „ура" захватило и „Решидъ-пашу". Подъ эти звуки съѣхалъ командиръ корпуса на берегъ, - и въ самый тяжелый моментъ ободрилъ казаковъ своимъ словомъ и присутствіемъ.

Опросъ, о которомъ говорилось въ приказѣ Бруссо, велся въ самый грубой и циничной формѣ.

Французскіе офицеры — маіоръ Бреннъ, капитанъ Пере и капитанъ Мишле, въ сопровожденіи вооруженной охраны обходили выстроившіяся части. Мы нарочно упоминаемъ здѣсь имена этихъ неизвѣстныхъ французскихъ офицеровъ, чтобы они не затерялись среди другихъ именъ, о которыхъ не слѣдуетъ забывать оскорбленному русскому сердцу. Какъ самъ ген. Бруссо, такъ и почти весь его штабъ, свободно говорилъ по русски; это облегчало взятую ими на себя почетную обязанность освободить поскорѣе Францію отъ непосильнаго расхода, хотя бы цѣной уничтоженія своихъ „бывшихъ союзниковъ". Къ услугамъ ихъ были и переводчики. Главное вниманіе добровольныхъ агитаторовъ-офицеровъ было направлено на Совѣтскую Россію. Говорилось, что Совѣтская власть укрѣпилась, что

возстанія подавлены, что слухи о голодѣ сильно преувеличены, что дальнѣйшая вооруженная борьба ни въ коемъ случаѣ не будетъ допущена, что лучше всего вернуться на родину. Что Балканскія государства никого не примутъ, что кормить будетъ некому и всѣ слухи о славянскихъ странахъ, распускаемыя русскимъ начальствомъ, есть ложь.

Особенно вызывающе держалъ себя капитанъ Мишле въ Кубанскомъ корпусѣ. Мы приведемъ здѣсь выписки изъ рапорта полковника Никольскаго, который былъ назначенъ сопровождать Мишле въ его „обходѣ". Сухой, офиціальный языкъ рапорта передаетъ картину этого обхода лучше всякаго описанія. Всякое выраженіе довѣрія къ русскому командованію кап. Мишле считалъ оскорбительнымъ для себя, о чемъ тутъ же заявилъ полк. Никольскому и при приходѣ въ Кубанское Алексѣевское военное училище не остановился передъ совершенно оскорбительнымъ распоряженіемъ. „По желанію кап. Мишле, — пишетъ въ своемъ рапортѣ полк. Никольскій, — офицеры были построены на значительномъ растояніи отъ юнкеровъ и послѣ ихъ опроса кап. Мишле просилъ ихъ оставаться на мѣстѣ и, даже, не поворачивать голову въ сторону юнкеровъ „чтобы взглядами не повліять". Конечно, среди юнкеровъ желающихъ ѣхать въ Совдепію не оказалось. Тогда кап. Мишле обратился ко мнѣ съ просьбой передать имъ, что всѣ свѣдѣнія объ американцахъ, Сербіи и т. д. — ложны, на что я возразилъ, что этого я говорить не буду, т. к. у французовъ быть можетъ есть одни свѣдѣнія, а у насъ другія, а послѣднимъ я не имѣю данныхъ не вѣрить. Когда же онъ повторилъ это требованіе тономъ приказанія, то я ему заявилъ, что онъ забываетъ о моей роли здѣсь и что требовать отъ меня онъ этого не можетъ. „Тогда я самъ скажу, но я хуже выражусь по русски". Подойдя къ нестроевой командѣ училища, кап. Мишле предложилъ казакамъ тѣ же вопросы, что и всюду: — „знаете ли вы о послѣднемъ приказѣ ген. Бруссо?" и „кто желаетъ ѣхать въ Россію - выходи сюда". Кажется, желающихъ ѣхать не оказалось, но одинъ изъ казаковъ сказалъ, что хотимъ ѣхать въ Совдепію съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда кап. Мишле громко заявилъ: „что же вы до сихъ поръ бѣгали?.." Услышавъ это, я взялъ подъ казырекъ и заявилъ ему, что это уже оскорбленіе и меня и всей русской арміи и что при такихъ условіяхъ я сопровождать его отказываюсь".

Когда нибудь будетъ стыдно за эту сцену не только маленькому Мишле, но и тѣмъ, которые во всеоружіи силы и власти, нажимали кнопки, двигавшія этихъ маленькихъ людей. Теперь это время еще не пришло. Но мы думаемъ, что иностранцы, которымъ попадется это краткое описаніе позорной страницы международныхъ взаимоотношеній, уже теперь смогутъ задать себѣ вопросъ: было ли это выгодно?

Было ли выгодно во что бы то ни стало списать съ своего иждивенія нѣсколько тысячъ человѣкъ, находящихся на пустынномъ островѣ? Было ли выгодно для достиженія этой цѣли не ос-

танавливаться ни передъ явной ложью, ни передъ демагогіей? Было ли выгодно, наконецъ, ради этого оскорблять честь русской арміи, виновной только въ томъ, что, покинутая всѣми, она пробовала продолжать патріотическую и общекультурную борьбу?

Намъ думается, что едва ли признаютъ это выгоднымъ дѣломъ.

И тѣ банки консервовъ и сухихъ овощей, изъ за которыхъ старались многочисленные Мишле, едва ли стоятъ той образовавшейся трещины, которую можно заставить не видѣть, но которую нельзя позабыть.

Но въ тотъ день французы не думали надъ этимъ. Въ тотъ день нѣсколько тысячъ человѣкъ отплывало въ совѣтскую Россію, на столько же ртовъ сократились ѣдоки, — и въ многомиллiардномъ бюджетѣ Франціи увеличилась грошевая экономія.

* * *

Первый пароходъ, увозившій казаковъ съ Лемноса въ Болгарію, „Кюрасундъ", прибылъ на Лемносъ 23 мая.

Эта отправка не была похожа на мрачныя отправки въ Совдепію и Бразилію. Давно затаенная мечта вырваться изъ острова-тюрьмы, вырваться въ „славянскія страны" и не подъ французскимъ карауломъ, а свободно, по распоряженію главнаго командованія, — сбывалась. Деклараціи Бруссо съ увѣреніями, что мечта о славянскихъ странахъ есть мифъ, поддерживаемый нарочно главнокомандующимъ, опровергались самой жизнью. Но ген. Бруссо не сдавался и продолжалъ свою работу по деморализаціи казачества.

Почти наканунѣ этой отправки, ген. Бруссо вывѣсилъ новое объявленіе. Называя слухи о принятіи казаковъ Сербіей и Болгаріей „тенденціозными", ген. Бруссо говорилъ:

„Истина слѣдующая: пока Сербія согласна принять 3.500 чел. и быть можетъ позже 500 другихъ; всѣ они будутъ работать по исправленію желѣзнодорожной линіи.

Болгарія согласна принять 1.000 рабочихъ.

Время отъѣзда еще не извѣстно и подробности отправки еще не установлены. Предположенія, что Сербія и Болгарія примутъ еще и другихъ бѣженцевъ, нѣтъ.

Такимъ образомъ, отправка въ Сербію и Болгарію интересуетъ очень небольшое число бѣженцевъ, поэтому всѣ остальные должны воспользоваться другими предложенными имъ мѣстоотправленіями.

Кромѣ того, ввиду настоящаго положенія рабочихъ рукъ, Франція, Корсика и Мадагаскаръ могутъ принять очень мало бѣженцевъ.

Слѣдовательно, совѣтуемъ бѣженцамъ воспользоваться отправками для другихъ направленій".

Работа ген. Бруссо уже явно окрасилась въ другой тонъ. Здѣсь было не только желаніе поскорѣе освободиться отъ ѣдоковъ, но явно преслѣдовалась и политическая цѣль: распылить послѣдній остатокъ анти-большевистскаго гнѣзда. Было важно не только расселить, но расселить такъ, чтобы спутать предположенія главнаго командованія, разорвать спайку, разбить на мелкія части.

Перваго іюня ген. Бруссо намѣтилъ такое новое направленіе. Онъ издалъ приказъ, гдѣ говорилось, что греческій префектъ города Кастро сообщилъ, что Греція нуждается въ рабочихъ, что правительство даетъ безпрепятственно визы русскимъ, что заработная плата гарантирована въ 15—20 драхмъ въ день, что вскорѣ будутъ присланы пароходы и, наконецъ, что каждый эмигрантъ получитъ отъ французовъ продовольствія на 4 сутокъ. Мысль устроиться въ Греціи была, конечно, очень заманчивой. Ген. Абрамовъ запросилъ греческія власти. Губернаторъ Лесбоса телеграфировалъ ему (приводимъ въ выдержкахъ): „Земледѣльческихъ и никакихъ другихъ работъ нѣтъ. Русскихъ не принимаютъ. Въ случаѣ пріѣзда снимаемъ всякую отвѣтственность". Такъ совпадали непосредственныя свѣдѣнія отъ грековъ съ декларацiей Бруссо.

Черезъ нѣсколько дней ген. Бруссо указалъ еще одно направленіе: нефтяные пріиски въ Баку на условіяхъ тов. Серебровскаго. Съ прежней легкостью говорилось, что „мы даемъ полную гарантію въ томъ, что никакихъ репрессій противъ вновь прибывшихъ производиться не будетъ и что по окончаніи лѣтняго сезона они смогутъ вернуться къ себѣ домой". Теперь, когда съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько лѣтъ, и положеніе въ Совѣтской Россіи намъ болѣе или менѣе извѣстно, невольно напрашивается вопросъ: что это — безграничное легкомысліе или сознательное предательство? Стремленіе угодить своему правительству — или желаніе помочь другому правительству, засѣвшему въ Кремлѣ?

Эта политическая цѣль обнаружилась особенно отчетливо, когда французы стали содѣйствовать отправкѣ въ ту же самую Болгарію, но помимо и наперекоръ главнаго командованія. Двадцатаго іюня у французскаго штаба было вывѣшено объявленіе, что „представители общеказачьяго земледѣльческаго союза Фальчиковъ и Бѣлашовъ" получили разрѣшеніе на въѣздъ въ Болгарію 1000 бѣженцевъ-казаковъ. Запись организовалась непосредственно во французскомъ штабѣ, минуя русское командованіе. Однако, ген. Абрамовъ, получившій извѣщеніе о томъ, что усиліями главнокомандующаго 5000 казаковъ могли быть приняты на работы Сербскимъ правительствомъ и 3000 — болгарскимъ, поспѣшилъ воспользоваться этой отправкой, чтобы эвакуировать, согласно выработанному плану, очередную тысячу. Ген. Бруссо нарушилъ этотъ планъ, разрѣшивъ отправить Платовцевъ, но назначивъ къ отправкѣ вмѣсто терцевъ — бѣженцевъ съ Лемноса.

На константинопольскомъ рейдѣ пароходъ „Самара", на которомъ плыли казаки, посѣтили главнокомандующій и Донской атаманъ. Эта сцена живо и просто нарисована въ монографіи, изданной штабомъ донского Корпуса, изъ которой мы заимствуемъ это описаніе:

„По пріѣздѣ въ Константинополь казаки увидѣли шестивесельную гребную лодку, на рулѣ которой сидѣлъ ген. Врангель. Главнокомандующій поднялся на „Самару". Въ своей короткой рѣчи онъ призывалъ казаковъ крѣпче держаться Арміи, вѣрить въ право-

ту и въ конечное торжество русскаго дѣла и считать за свое начальство только своихъ командировъ, но не французовъ. Свое короткое пребываніе на „Самарѣ“ ген. Врангель объяснилъ тѣмъ, что французы не разрѣшаютъ ему бывать среди русскихъ воинскихъ частей“. — Такъ совершилось, вопреки французскому запрещенію, нелегальное свиданіе главнокомандующаго со своими казаками.

А на слѣдующій день произошло уже легальное свиданіе. Не въ гребной лодкѣ, а на французскомъ паровомъ катерѣ, въ сопровожденіи французскихъ офицеровъ, на „Самару“ прибыли члены „Объединеннаго казачьяго сельско-хозяйственнаго Союза“ во главѣ съ П. Дудаковымъ. Дудаковъ былъ одѣтъ въ казачьи брюки съ лампасами на „выпускъ“, въ желтые ботинки, со шляпой на головѣ.

Мы приводимъ описаніе этой встрѣчи по той же монографіи.

„Дудаковъ много говорилъ о Союзѣ, о пользѣ его для казаковъ, о его демократическихъ началахъ. Потомъ онъ заявилъ, что Платовцы въ Болгарію не поѣдутъ, т. к. туда Союзомъ назначено перевести Кубанцевъ и, притомъ, бѣженцевъ, а не организованную воинскую часть, и что Платовцамъ придется возвратиться на Лемносъ. Во всѣхъ казачьихъ невзгодахъ Дудаковъ винилъ только Русское Командованіе и Атамана. „Вотъ и теперь, — говорилъ онъ, — только начальство ваше виновато, что вы не попадете въ Болгарію, а васъ повезутъ обратно на Лемносъ.“ При этомъ Дудаковъ предлагалъ казакамъ снять погоны, оставить начальство, выйти изъ Арміи и слѣдовать только за нимъ, Дудаковымъ, возглавлявшимъ Союзъ, косвенно намекая, что при такихъ условіяхъ Платовцы еще могутъ разсчитывать попасть въ Болгарію“.

Выступленіе Дудакова успѣха не имѣло. Подъ брань и насмѣшки ушелъ Дудаковъ съ „Самары“. Но дѣло свое Союзъ сдѣлалъ. Пятьдесятъ Платовцевъ послѣдовали за Дудаковымъ и были отправлены въ Болгарію; семьсотъ пятьдесятъ остались вѣрны арміи и главнокомандующему, были погружены на „Решидъ-пашу“ и возвращены на о. Лемносъ. Съ этимъ же пароходомъ отправились и делегаты Союза — Фальчиковъ и Бѣлашевъ.

Прибывшіе делегаты нашли сердечный пріемъ у ген. Бруссо, который писалъ ген. Абрамову:

„Делегаты казачьяго Союза, Бѣлашевъ и Фальчиковъ, согласно приказанію командира оккупаціоннаго корпуса, сами произведутъ выборъ казаковъ для отправки. Французскій офицеръ будетъ сопровождать ихъ по лагерю. Всѣ кубанцы должны быть собраны сегодня въ 18 час. во французскомъ штабѣ, гдѣ делегаты и произведутъ выборъ людей. Для обезпеченія порядка въ 17 час. по лагерю будутъ ходить жандармскіе патрули. Разгрузка „Решидъ-паши“ начнется только послѣ сбора отъѣзжающихъ“...

На „Решидъ-пашѣ“ томились ни въ чемъ неповинные Платовцы. Ген. Абрамовъ, учитывая ихъ настроеніе и желая сохранить авторитетъ рускаго командованія, рѣшилъ отправить Платовцевъ въ Болгарію, хотя бы подъ видомъ „рабочей партіи“. „Находящіеся на „Решидъ-пашѣ“ казаки изъявляютъ желаніе ѣхать на работы въ Болга-

рію на объявленныхъ вами и г. г. Бѣлашевымъ и Фальчиковымъ условіяхъ, — писалъ ген. Абрамовъ. — Производить новую запись нахожу нежелательнымъ, а производить подборъ по политическимъ или другимъ соображеніямъ—недопустимымъ. Полагаю, что для болгарскаго правительства рѣшительно все равно, кто будетъ работать на его территоріи — Кубанцы, Донцы или Терцы".

Французы настаивали на своемъ и отказывались спустить на берегъ, Платовцевъ, которые уже больше двухъ недѣль жили на пароходѣ. Только 9-го іюля Платовцы были спущены на берегъ, а „делегаты" набрали новыхъ людей, которые должны были записаться въ „Союзъ", и которые были отправлены въ Болгарію.

Въ этой постоянной обстановкѣ сознательной провокаціи, въ постоянномъ напряженіи — жили казаки на о. Лемносѣ.

Еще разъ была объявлена запись въ Баку, которая блестяще провалилась; еще много разъ были указываемы различныя „направнія", лишь бы разбить казачью спайку, разрушить ихъ организацію, сдѣлать изъ нихъ „бѣженцевъ". До отправки самаго послѣдняго эшелона (въ концѣ августа) періодически развѣшивались французами объявленія, что Болгарія и Сербія никого не примутъ, что казаки обманываются офицерами и т. д. Наконецъ, пришелъ день отправки. Больше всѣхъ ликовали Платовцы. „Вотъ и мы дождались... Не съ Фальчиковымъ ѣдемъ, а по приказу главнокомандующаго".

Мрачный островъ, гдѣ французскіе патрули не разрѣшали выходить изъ лагеря, гдѣ любой чернокожій могъ оскорбить, гдѣ весь воздухъ пропитанъ былъ развращающей агитаціей, — скрывался теперь за морскими далями.

И если „страница Галлиполи" закрылась почетно, то цѣлый томъ Лемносскихъ страданій будетъ всегда вызывать чувство громаднаго изумленія передъ твердой волей и искусствомъ тѣхъ, кто въ этихъ невѣроятныхъ условіяхъ сумѣлъ вывести казаковъ сплоченными и вѣрными своему долгу.

4.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о нашемъ флотѣ.

Въ декабрѣ 1920 г. рѣшилась его судьба. Слухи о переводѣ его въ Катарро оказались преждевременными. Для покрытія издержекъ по эвакуаціи, понесенныхъ Франціей, было передано ей для эксплоатаціи 50.000 тоннъ торговыхъ судовъ, а военные суда, подъ Андреевскимъ флагомъ, отошли въ Бизерту.

Мы беремъ изъ доклада контръ-адмирала Беренса объ отбытіи судовъ ихъ списокъ:

8 декабря: — „Ген. Алексѣевъ“, трансп. „Кронштадтъ“ и „Долландъ“.

10 декабря: — „Алмазъ“ (на букс. „Черноморъ“), „Капитанъ Сакенъ“ (на букс. „Гайдамакъ“), „Жаркій“ (на букс. „Голландъ“), „Звонкій“ (на букс. „Всадникъ“), „Зоркій (на букс. „Джигитъ“), трансп. „Добыча“, подв. лодка „Утка“, „А. Т. 22“, ледоколъ „Илья Муромецъ“, подв. лодка „Тюлень“ и „Буревѣстникъ“, тральщикъ „Китобой“, пос. судно „Якутъ“, „Грозный“, „Стражъ“, учебн. судно „Свобода“.

12 декабря: — „Безпокойный“, „Дерзкій“, „Пылкій“.

14 декабря: — „Ген. Корниловъ“ и „Константинъ“

Положеніе флота съ точки зрѣнія международнаго права, было особенно неопредѣленное. Въ бухтѣ Аргостоли греческія власти потребовали удаленія крейсера „Корниловъ“ въ теченіи 24 часовъ; такое же предупрежденіе получилъ „Жаркій“ въ итальянскихъ и англійскихъ портахъ. Только заступничество французовъ спасало суда, лишенныя угля, воды, съ изношенными и попорченными машинами и только твердая воля довела ихъ благополучно до Бизерты.

Тяжелый карантинъ, съ запрещеніемъ сообщаться другъ съ другомъ, былъ наложенъ на прибывшія суда; онъ вызывался, вѣроятно, тѣмъ, что ждали инструкцій. Наконецъ, разрѣшили сообщеніе; но люди около двухъ мѣсяцевъ не сходили съ судовъ. Для тѣхъ, кто бывалъ въ долгихъ плаваніяхъ, понятно это ощущеніе водяной тюрьмы, оторванности отъ міра, полной безысходности, — и если войскамъ надо было много мужества для того, чтобы сохраниться, то поистинѣ много труднѣе было флоту сохранить единство и спайку въ этихъ условіяхъ.

А между тѣмъ, въ бѣженцы записалось всего 1100 чел. Сухопутные офицеры и солдаты, бывшіе на корабляхъ, просились не объ уходѣ въ бѣженцы, — а только о переводѣ ихъ къ мѣсту стоянки ихъ частей. На судахъ начались скучные томительные дни, когда

все вниманіе было сосредоточено на „приведеніе въ состояніе долговременнаго храненія", т. е. на мелкій ремонтъ, чтобы спасти суда отъ окончательнаго разоренія.

Семьи и лица, могущія найти себѣ трудъ, были высажены въ окрестностяхъ Бизерты; въ 5 километрахъ, въ укрѣпленіи Эль-Кебиръ, былъ размѣщенъ Морской Корпусъ. Почти лишенный средствъ, учебныхъ пособій, — онъ, подобно нашимъ военнымъ училищамъ, охранялъ въ юношахъ вѣру, бодрость, дисциплину и сознаніе долга.

Мы не будемъ перечислять всѣ тѣ лишенія, всю ту работу и тяжелую невиданную борьбу, которая велась этими скромными героями: это все — тотъ же Галлиполи и Лемносъ, въ разныхъ размѣрахъ, формахъ и проявленіяхъ. Это то же постоянное напряженіе, та же мысль о Россіи, но не бѣженская пассивная мысль, а сконцентрированная въ одномъ фокусѣ — борьбѣ за ея освобожденіе. Это та же борьба за достоинство русскаго флага, добраго имени и личной чести.

Обстановка была будничная и угрюмая. Да и міръ не склоненъ былъ къ лицезрѣнію подвиговъ и геройства. Андреевскій флагъ не развѣвался больше по портамъ Европы — и дѣльцы, заключающіе торговые договоры, стали о немъ забывать.

И, кажется, забыли совсѣмъ.

Но въ это время маленькій „Лукуллъ" былъ потопленъ на берегу Босфора. Незамѣтный и неизвѣстный мичманъ Сапуновъ остался на вахтѣ и погибъ на своемъ посту, погибъ сознательно, во славу русскаго флага. Погибъ такъ, какъ погибали моряки въ самые блестящіе періоды исторіи русскаго флота.

Бѣлый Андреевскій флагъ вновь показался надъ міромъ въ его неизмѣнной и неиспорченной бѣлизнѣ.

5.

Минулъ годъ съ того времени, какъ русская армія покинула Галлиполи. Съ переходомъ въ славянскія земли, казалось, мертвая петля перестала давить за горло; легче стало дышать. И въ Сербіи, и въ Болгаріи русскія войска при своемъ приходѣ встрѣтили радушный пріемъ. Но испытанія не кончились. Напротивъ, настало самое тяжелое время. Въ іюнѣ 1922 года собралась конференція въ Генуѣ. За однимъ столомъ съ главами великихъ державъ усѣлась шайка предателей русскаго народа.

Ллойдъ-Джджрджъ, премьеръ Англіи, устраивалъ банкеты для темной воровской компаніи, которую онъ же цинично приравнялъ къ людоѣдамъ.

Король Италіи привѣтствовалъ злодѣевъ, запятнанныхъ убійствомъ Государя и всей Царской Семьи.

Кардиналъ римско-католической церкви договаривался съ осквернителями христіанскихъ храмовъ, хулителями Христа, убійцами священниковъ, епископовъ, митрополита Веніамина и мучителями патріарха Тихона.

То, что покрыло бы несмываемымъ пятномъ доброе имя каждаго человѣка, открыто совершалось на аренѣ исторіи первыми министрами великихъ демократій, равно какъ королями, кардиналами и римскимъ первосвященникомъ.

Россію выволокли для продажи на международное торжище.

На крови мучениковъ православія подготовлялось торжество папскаго престола.

А для русскихъ въ ихъ изгнаніи оставалась вся горечь сознанія, что Россія первая начала міровую войну съ тѣмъ, чтобы испить чашу униженія до дна.

Несмотря на всю ловкость рукъ Ллойдъ-Джорджа, Генуэзская конференція тѣмъ не менѣе оборвалась. Виртъ и Ратенау въ Раппало успѣли предупредить Ллойдъ-Джорджа и заключили договоръ съ большевиками. Престижъ большевизма однако не былъ поколебленъ. Большевики все еще продолжали играть свою роль. Великія державы искали съ ними соглашенія. Мистификація продолжалась.

Несмотря на ужасы голода, въ который большевизмъ ввергъ русскій народъ, на гибель промышленности, на полную хозяйственную разруху, на нищету и бѣдствія рабочаго класса, на вымираніе населенія, несмотря на Нэпъ, отказъ отъ коммунизма самихъ коммунистовъ, несмотря на наглыя хищенія коммунистическихъ верховъ, несмотря на болѣзнь Ленина, этого кумира, оказавшагося помѣшан-

цымъ, обманъ большевизма все еще не былъ разоблаченъ. Гипнозъ, въ которомъ находилась Европа, не прошелъ. Международная шайка воровъ, убійцъ и грабителей все еще рисовалась, какъ сила мірового пролетаріата, которому принадлежитъ будущее. Верхніе классы находились въ состояніи трепета передъ нашествіемъ новыхъ гунновъ въ сознаніи своего безсилія передъ грозной и неминуемой катастрофой.

Большевики были въ союзѣ съ Ангорой, а въ Раппало они заключили договоръ съ Германіей. Во всѣхъ странахъ, въ партіяхъ соціалистическихъ и въ рабочихъ организаціяхъ, они имѣли своихъ сторонниковъ, а въ коммунистическихъ группахъ, прямыхъ агентовъ III Интернаціонала, руководимыхъ директивами изъ красной Москвы. Вездѣ укрѣплялся скрытый заговоръ, который слабыя правительства не рѣшались подавить. Русскіе оказались повсюду гонимыми и напротивъ торжествовали тѣ, кто ихъ предавалъ и переходилъ на сторону побѣдителей.

Даже въ Сербіи, гдѣ русскимъ жилось лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, проявлялись теченія, прикрывавшіяся демократизмомъ, враждебныя къ русской эмиграціи и склонныя признавать въ Совдепіи подлинную демократическую Россію. Только благодаря неизмѣнно дружественному отношенію къ русскимъ правительства Королевства С. Х. С., эти теченія не взяли верхъ и при всей тягости своего положенія русскіе не оказались лишенными послѣдней поддержки. Въ Болгаріи же разыгралась совсѣмъ другая картина. Стамболійскій, грубый и невѣжественный демагогъ, всегда готовый предать тѣхъ, кого онъ считалъ слабыми, сговорился съ большевиками въ Генуѣ, открылъ имъ двери въ Болгарію и принялъ свои мѣры, чтобы раздѣлаться съ тѣми русскими военными контингентами, которыхъ онъ по договору обязался содержать въ Болгаріи. Дѣйствуя съ вѣроломствомъ балканскаго политика, онъ запуталъ русскія военныя власти съ блокомъ враждебныхъ ему политическихъ партій. Отыскались предатели; были сфабрикованы подложные документы; измѣннически были арестованы русскіе генералы и одинъ за другимъ высланы изъ Болгаріи. Русскіе капиталы, присланные на содержаніе русскихъ войскъ, были захвачены. На русскихъ, довѣрившихся болгарскому правительству, поднялось настоящее гоненіе. Въ Софіи водворились большевики. Корешковъ, укравшій суммы изъ Краснаго Креста, матросъ Чайкинъ, прославленный своей рѣзней офицеровъ, жандармскій генералъ Комиссаровъ, прогнанный за вымогательство и провокацію еще при старомъ режимѣ, проф. Эрвинъ Гриммъ, одинъ изъ руководителей Освага при генералѣ Деникинѣ — вся эта компанія ревностныхъ слугъ коммунизма всемѣрно помогала правительству Стамболійскаго въ преслѣдованіи русскихъ, а рядомъ съ ними пристроились и эсъ-эры Агѣевъ, Лебедевъ и другіе, узрѣвшіе въ новой Болгаріи Стамболійскаго ихъ собственный эсеровскій идеалъ крестьянскаго царства.

* * *

Тяжела жизнь русскаго бѣженца на чужбинѣ. Онъ торгуетъ на базарѣ въ мелочной лавочкѣ, служитъ шофферомъ у иностранцевъ, наборщикомъ въ типографіи, конюхомъ въ богатыхъ домахъ, онъ состоитъ на державной службѣ, мелкимъ почтовымъ чиновникомъ, желѣзнодорожнымъ служашимъ, занимается поденной работой въ канцеляріяхъ. Онъ живетъ въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, въ сараяхъ, въ лачужкахъ на окраинѣ города. Его семья ютится въ одной комнатѣ по три, по четыре человѣка. Онъ несетъ тяжелый трудъ. Его дневной заработокъ 20—30 динаръ, т. е. 40 – 60 копѣекъ. Войдите въ пріемную Державной Комиссіи — все это жены вдовы, родные, дѣти русскихъ военныхъ. Они пришли просить пособія въ 200—300 динаръ. Какая это жизнь? Заслуженный генералъ сапожнымъ, столярнымъ или другимъ ремесломъ и торговлей зарабатываетъ свое скудное дневное пропитаніе. Семья считаетъ себя счастливой, если получаетъ тысячу динаръ въ мѣсяцъ, т.е. — 20 – 25 царскихъ рублей. Вотъ тотъ уровень нищеты, на которомъ находятся русскіе.

Но тяжелѣе всего это не бѣдность, а полная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. А вдругъ измѣнится отношеніе къ русскимъ въ зависимости отъ той или иной международной конъюнктуры, какъ это случилось въ Константинополѣ послѣ побѣды турокъ надъ греками, какъ это случилось въ Болгаріи, когда Стамболійскій учинилъ расправу надъ русскими? Вѣчное ожиданіе надвигающейся катастрофы. И это приходится переживать тѣмъ людямъ, среди которыхъ нѣтъ ни одного, который бы въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ не испыталъ самыхъ ужасныхъ потрясеній. Хорошо еще, если семья вмѣстѣ съ вами, а какую муку переживаютъ тѣ, жены и дѣти которыхъ остались въ предѣлахъ Совдепіи?

Но если вы думаете, что это раздавленные люди, вы ошибетесь. Среди лишеній, невѣроятныхъ мукъ, среди нищеты, гдѣ приходится жить на мѣсячный заработокъ въ четырнадцать рублей, среди всего этого, — русскіе сумѣли устоять на ногахъ. И если есть измѣна своимъ и уходъ къ большевикамъ, если бываютъ случаи самоубійства, если есть упадочныя настроенія и опустившіеся люди — то это исключенія. Отпавшіе клеймятся позоромъ. И ряды тѣмъ тѣснѣе смыкаются.

Когда то въ Парижѣ загорѣлся театръ. Произошла паника и въ ужасѣ люди бросились, давя другъ друга, спасаться изъ пламени. Мужчины давили женщинъ, дѣтей, выбрасывали ихъ изъ оконъ горящаго зданія... Но мы знаемъ и другой примѣръ: — гибель „Титаника", когда люди мужественно сами себя обрекли на смерть, предоставивъ спасеніе женщинамъ и дѣтямъ. Но гибель „Титаника" длилась всего нѣсколько часовъ, а русскимъ приходится переживать эту длящуюся, томительную катастрофу въ теченіе многихъ лѣтъ.

И если тяжелы лишенія и матеріальная нужда, то еще тяжелѣе моральныя страданія.

„Вы должны забыть, что вы полковникъ русской арміи", — говоритъ какой-нибудь начальникъ своему подчиненному русскому офицеру, состоящему на державной службѣ.

По улицѣ проходитъ полкъ съ оркестромъ музыки. И русскій офицеръ болѣзненно чувствуетъ, что когда то и онъ служилъ въ своемъ родномъ полку, что когда то были полки русской арміи.

„Къ прошлому возврата нѣтъ", — злорадствуетъ какой нибудь преуспѣвшій демократъ. — „Вотъ мы поняли духъ времени", — жужжатъ всѣ эти приспособляющіеся и уже приспособившіеся къ „духу времени". А если гдѣ-нибудь пропоютъ русскій гимнъ, тотчасъ же летитъ доносъ о политической демонстраціи. „Пожалуйста, не создавайте осложненій", — настаиваетъ осторожный дипломатъ. А какой-нибудь лидеръ передовой демократіи, развалясь въ своемъ креслѣ въ редакторскомъ кабинетѣ, самоувѣренно наставляетъ: Революція совершилась... Это нужно признать... Вотъ мы пріемлемы для демократіи, у насъ радикальные друзья въ Англіи, съ нами разговариваютъ, мы желанные гости въ Прагѣ, насъ принимаетъ президентъ республики... А что такое вы? — хламъ реакціи. Вы не хотите признать революцію, вы ее ненавидите, — за это получайте".

— „Конецъ бѣлому движенію", — уже изъ другого, праваго, лагеря кричитъ, самъ не понимая что, какой-нибудь верхоглядъ.

И всѣ эти комары, мухи и мошки жужжатъ, жалятъ своимъ ядовитымъ укусомъ.

Среди такой удушливой атмосферы, среди невѣроятной нужды, партійной ненависти, злобы и клеветы остался ли живъ русскій человѣкъ?

И вотъ, когда вы увидите русскую церковь, созданную усердіемъ русской нищеты, церковный хоръ, русскій монастырь въ глуши Сербіи, среди молодежи кружки, проникнутые такимъ высокимъ духовнымъ подъемомъ, увидите русскую школу съ бѣженскими дѣтьми, созданную на грошевыя средства, самоотверженнымъ усердіемъ школьной учительницы, русскій кадетскій корпусъ, институтъ, напряженную работу русскимъ врачей въ больницахъ и амбулаторіяхъ, русскую книгу, напечатанную въ русской типографіи наборщиками офицерами — вы поймете, какой огромный запасъ силъ сохранился въ русскихъ людяхъ и сколько неослабнаго напряженія воли проявили они среди крушенія.

* * *

За этотъ годъ армія перешла на трудное положеніе; это было безконечно болѣзненно. Въ Галлиполи люди оставались въ рядахъ своихъ полковъ, сосредоточенные въ одномъ лагерѣ, здѣсь приходилось снимать свои знаки воинскаго отличія, расходиться, искать заработокъ, приниматься за тяжелый трудъ. выносить зависимость отъ часто грубаго нанимателя. Гдѣ только ни оказался русскій офицеръ? Онъ рубилъ дрова въ балканскихъ горахъ, бьетъ камень на дорогахъ Сербіи, копаетъ уголь въ рудникахъ Перника, работаетъ на виноградникахъ, въ поляхъ собираетъ жатву, онъ живетъ въ сторожевой будкѣ въ дикой мѣстности горной Албаніи, въ сельскихъ хижинахъ, въ землянкахъ, вырытыхъ на откосахъ горъ.

Жива ли Армія?

Вотъ письмо изъ Перника отъ горнорабочаго офицера: вы думаете въ немъ жалобы на свою судьбу, восемь мѣсяцевъ проработавшаго въ этой „проклятой дырѣ“? Ничуть не бывало. Вотъ выдержки изъ него:

„ ...не умерла еще наша бѣлая русская армія, не убили ее еще козни враговъ, лишенія тѣла и страданія души въ тѣхъ тысячахъ русскихъ людей, что прибыли сюда изъ суроваго, но безконечно дорогого намъ всѣмъ Галлиполи и моремъ окруженнаго Лемноса — „есть еще порохъ въ пороховницахъ, не гнется еще казацкая сила“. Знаете, даже я, при всемъ моемъ оптимизмѣ человѣка, даже и не мыслящаго для нашего дѣла иного исхода, какъ успѣхъ, — даже я испугался той ждавшей насъ на работахъ разобщенности, оторванности отъ родныхъ ячеекъ и всѣхъ прочихъ условій, долженствовавшихъ, казалось, разорить все, что до тѣхъ поръ держалось на зло и удивленіе всему міру. Такъ нѣтъ же, слишкомъ велика идея насъ всѣхъ объединившая, слишкомъ велика сила общихъ пережитыхъ годовъ, сила пролитой совмѣстно крови и, наконецъ, слишкомъ велика сама наша поруганная Родина, чтобы намъ, ея изгоямъ, не пожелавшимъ пасть подъ пяту красныхъ палачей, распластаться безъ остатка; пусть будутъ правы тѣ, кто раскапываетъ грѣхи нашей арміи — мы ихъ не прячемъ, пусть кругомъ насъ въ дикой смѣси перемѣшаны гоненія, окровавленное золото, проклятія, угрозы, соблазны и пр., пусть все, что есть низкаго на свѣтѣ обрушится на насъ — мы не гибнемъ. Если въ свое время существовала одна галлиполійская скала, то видно изъ ея камня сдѣлано теперь уже не одно сердце русскихъ воиновъ.

Если мы всѣмъ, кто намъ былъ врагъ и кто не былъ другомъ, казались въ Галлиполи несокрушимой силой, благодаря своимъ вождямъ и духу, — то мы не безсильны тѣмъ же и сейчасъ: на постройкахъ, на дорогахъ, на виноградникахъ, въ поляхъ и лѣсахъ и, наконецъ, здѣсь — въ темныхъ шахтахъ Перника — всюду, гдѣ есть хоть десякокъ другой русскихъ воиновъ, царствуетъ прежній несокрушимый духъ: пѣсни Кавказа, Малороссіи, Дона и Москвы, свѣтлые образы погибшихъ и живыхъ вождей, славныя и мрачныя страницы нашего движенія, воспоминанія о Галлиполи и Лемносѣ и память о прежнемъ величіи и красѣ нашей родины — все въ насъ общее, все связуетъ какъ цементъ“...

На собраніи въ Берлинѣ, въ полной неразберихѣ рѣчей сбившейся съ толку русской интеллигенціи, среди клеветническихъ нападокъ на бѣлое движеніе, опорачиванія и злословія, вы слышите такое заявленіе: „Въ моемъ прошломъ есть заслуги передъ русскимъ обществомъ, но то, что я ставлю выше всего это — мое участіе въ бѣломъ движеніи“.

Въ Прагѣ среди русской молодежи вы слышите такія слова: „Я принималъ участіе въ научной и общественной дѣятельности, но больше всего я дорожу званіемъ русскаго офицера“.

Въ Парижѣ, среди кадетъ милюковскаго толка, смѣновѣховцевъ,

среди людей, готовыхъ отречься отъ всего и ничего не признающихъ, усталыхъ, опошлившихся и опустившихся, — дѣлается такое признаіе: „Я сдѣлалъ походъ съ самаго начала, съ первыхъ дней Новочеркасска. Наши лишенія, наши усилія, наши жертвы кажутся напрасными, а я заявляю вамъ, что, не колеблясь ни одной минуты, я готовъ вновь начать тотъ же походъ и продѣлать его въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтъ заново.“

„Провидѣніе скрыло завѣсой будущее отъ человѣка. Потому оно и вложило въ его душу сознаніе долга всѣмъ жертвовать ради великаго и благороднаго дѣла даже при полной увѣренности въ неуспѣхѣ“*.

***

„Устоитъ, можетъ ли устоять армія?“ — не безъ злорадства спрашивали эсеры, заранѣе учитывая неизбѣжный конецъ.

Въ горахъ прокладывается путь. Взрываются скалы. Рабочіе кирками и лопатами копаютъ, бьютъ камень, корчуютъ вѣковой лѣсъ.

Лѣтомъ по горамъ ползутъ облака густого тумана, а зимою вьюга заноситъ глубокимъ снѣгомъ всю окрестность.

Здѣсь живутъ люди въ землянкахъ, вырытыхъ на крутыхъ склонахъ горъ, въ хижинахъ одинокихъ селеній, разбросанныхъ въ долинахъ, живутъ вдали отъ своей родины, отъ своихъ семей, отъ своего дома, среди чужого народа. Изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, стучитъ желѣзная лопата, топоръ валитъ деревья, камень разбивается въ щебень. Два года такой жизни среди горной пустыни.

И вотъ въ одинъ изъ праздничныхъ дней, на зеленомъ лугу, гдѣ бѣжитъ ручей, въ горной долинѣ, вы вдругъ видите стройные ряды войска въ бѣлыхъ рубахахъ съ красными погонами, въ черныхъ и бѣлыхъ папахахъ, въ цвѣтныхъ откинутыхъ башлыкахъ. Старые полковые знамена — цѣлый рядъ, одно возлѣ другого, священникъ въ облаченіи служитъ молебенъ, читаются слова Евангелія и люди въ молитвѣ благоговѣйно крестятся.

И что-то глубокое, захватывающее душу, раскрывается въ этой картинѣ. Послѣднее русское воинство, оставшееся вѣрнымъ своимъ знаменамъ, послѣднее, осѣняющее себя крестнымъ знаменемъ.

Сколько безудержной отваги и сколько тоски звучитъ въ пѣснѣ, которую вѣтеръ разноситъ по горной долинѣ!

Тяжело видѣть русскаго офицера въ одеждѣ рабочаго съ лопатою или съ желѣзнымъ ломомъ въ рукахъ, разбивающимъ камень по горнымъ уступамъ; но чувство гордости наполняетъ душу при видѣ того, что можетъ выдержать русскій человѣкъ.

О, этотъ бѣлый крестъ на полинялой черно-желтой лентѣ, свидѣтельствомъ какого подвига является онъ на груди русскаго офицера?

Пройдя черезъ всѣ испытанія трехлѣтней героической борьбы,

* Слова прусскаго министра ф.-Штейна, сказанныя имъ въ моментъ наибольшаго расцвѣта славы Наполеона и наибольшаго угнетенія Пруссіи.

оставленія своей родины, упорнаго галлиполійскаго сидѣнія, голода, лишеній, терзаній нравственныхъ, русское воинство прошло и черезъ послѣднее испытаніе, быть можетъ, самое тяжкое, — переходъ на рабочее положеніе. И пройдя черезъ все, оно устояло на ногахъ. Силы не надломлены, не поколеблена вѣрность своимъ знаменамъ и преданность своимъ полководцамъ.

И каменщикъ-командиръ, вчера стоявшій на работѣ, выбивая щебень на дорогахъ Болгаріи, завтра явится вновь въ ряды своей роты и поведетъ людей исполнять свой священный долгъ.

Въ Крыму можно было задавить численностью, въ Галлиполи можно было принудительно разсѣять, выморить голодомъ на Лемносѣ, а теперь нѣтъ силы, могущей сокрушить русское воинство. Завтра, по первому приказу, отовсюду соберутся люди къ своимъ знаменамъ, спустятся съ горъ, выйдутъ изъ лѣсовъ, подымутся изъ шахтъ, оставятъ сельскія хижины и встанутъ въ стройные ряды.

Раздастся звукъ трубы и, какъ сказочныя видѣнія, появятся полки за полками и вновь русская рать, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, съ развернутыми знаменами двинется въ походъ на освобожденіе Россіи.

Россія будетъ спасена самоотверженіемъ и подвигомъ людей, въ душѣ которыхъ не заглохли старые завѣты:

„Помни, что ты принадлежишь Россіи“.

„Только смерть можетъ освободить тебя отъ исполненія твоего долга“.

КОНЕЦЪ.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ, ИСКАЖАЮЩІЯ СМЫСЛЪ.

					Напечатано:	Должно быть:
Стран.	9	стр.	20	сверху	тылъ.	тылъ".
"	12	"	15	снизу	Донцы	Кубанцы
"	12	"	14	"	съ своимъ Донскимъ	съ Донскимъ
"	18	"	10	сверху	распятаго.	распятаго!
"	18	"	22	"	отвѣтить. Всѣ	отвѣтить: всѣ
"	24	"	18	"	міра	мира
"	38	"	11	снизу	древней	давней
"	39	"	7	сверху	считалъ	считали
"	57	"	1	снизу	рабство	рабство?
"	58	"	2	сверху	Бріанъ.	Бріанъ?
"	58	"	6	"	приказано.	приказано?
"	58	"	13	"	Новостей".	Новостей"?
"	60	"	11	снизу	судовъ.	судовъ?
"	60	"	16	сверху	уничтоженіе	униженіе
"	62	"	11	снизу	ихъ „повѣрьте	ихъ: „Повѣрьте
"	63	"	1	сверху	Дорогой	„Дорогой
"	63	"	12	"	Пер-	Пере-
"	63	"	13	"	микина	мыкина
"	63	"	2	снизу	видѣлъ.	видѣлъ?
"	81	"	12	"	„декавильной"	„декавилькой"
"	91	"	6	сверху	Сергіевское, Корниловское	Сергіевское артиллерійское, Константиновское, Алексѣевское, Корниловское
"	120	"	16	снизу	трудное	трудовое

